

Б.А. Середовских

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

Монография

ОСТАЦКА

ОСТАЦКА

ОСТАЦКА

ОСТАЦКА

ОСТАЦКА

ОСТАЦКА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред. выдач. _____

|

63.2(2Рос-6 Хан)
С 32

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ (филиал)

Б.А. Середовских

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА-ЮГРЫ

Монография

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ
МБУ «БИС»
ИНВ. № 203372/3-3-КО

Нижневартовск
2014

Светлой памяти профессора,
доктора географических наук
Феликса Николаевича Рянского

Автор выражает глубокую признательность
за поддержку и помощь в подготовке монографии
профессору Югорского государственного университета,
доктору географических наук Валерию Ивановичу Булатову

ББК 63.218
УДК 913
С 32

Рецензенты:

кандидат географических наук, доцент *И.С. Аитов*
(Нижевартовский государственный университет);
кандидат исторических наук *Н.С. Салимова*
(Нижевартовский социально-гуманитарный колледж)

Научный редактор

доктор географических наук, профессор *В.И. Булатов*
(Югорский государственный университет)

Середовских Б.А.

С 32 **Историческая география Ханты-Мансийского автономного округа — Югры:**
Монография. — Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2014. — 110 с.

ISBN 978–5–00047–196–8

Монография посвящена актуальной научной проблеме – установлению закономерностей динамики природной среды во времени, как основы для жизнедеятельности человеческого общества, и взаимосвязанных с ней процессов регионального этноразвития и природопользования. Автор на основе современных теоретико-методологических представлений, комплекса методов и использования объемного материала по географии и смежных с нею наук, установили основные закономерности коэволюции человека и природной среды в Среднем Приобье за исторический период.

Полученные результаты являются значимыми для разработки регионального сегмента устойчивого развития и оптимизации политики природопользования в Среднем Приобье на основе выявленных закономерностей коэволюции.

Монография адресована широкому кругу читателей: географам, геоэкологам, этнографам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется историей и географией Сибири.

ББК 63.218
УДК 913

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 16.12.2014
Формат 60×84/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 13,75
Тираж 300 экз. Заказ 1645

Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

ISBN 978–5–00047–196–8

© Середовских Б.А., 2014
© НЭПИ (филиал) ТюмГУ, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ КОЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ	6
1.1. Место исторической и экологической географии в системе естественнонаучного познания.....	6
1.2. Структура и методы историко-географических исследований.....	8
1.3. Методологические основы исследования.....	11
Глава 2. ЭВОЛЮЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ В ГОЛОЦЕНЕ	13
2.1. Общегеографические закономерности эволюции природной среды.....	13
2.2. Хроностратиграфия и динамика природных условий голоцена Среднего Приобья.....	15
2.3. Физико-географические условия территории Среднего Приобья и их изменения в позднем плейстоцене-голоцене.....	17
Глава 3. КОЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ	24
3.1. Поздний плейстоцен – ранний голоцен.....	24
3.1.1. Эпоха палеолита.....	24
3.1.2. Эпоха мезолита.....	27
3.2. Средний голоцен.....	34
3.2.1. Эпоха неолита.....	34
3.2.2. Эпоха энеолита.....	40
3.2.3. Эпоха бронзы.....	44
3.3. Поздний голоцен.....	48
3.3.1. Ранний железный век.....	48
3.3.2. Эпоха раннего средневековья (поздний железный век).....	54
3.3.3. Эпоха позднего средневековья.....	57
3.3.4. Доиндустриальная стадия (эпоха российской государственности).....	59
3.3.5. Доиндустриальная стадия (эпоха советской государственности).....	66
Глава 4. СОПРЯЖЕННЫЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ В ГОЛОЦЕНЕ	71
4.1. Эколого-географические аспекты истории заселения и освоения Среднего Приобья.....	71
4.2. Историко-геоэкологические этапы коэволюции ландшафтов и этносов Среднего Приобья в голоцене.....	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
БИБЛИОГРАФИЯ	79

ВВЕДЕНИЕ

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, расположенный в пределах обширной Среднеобской историко-географической провинции, является одним из стратегически важных регионов Российской Федерации. В настоящее время здесь добывается около 55% российской нефти и значительная доля природного газа. За последние полвека в Среднем Приобье произошли уникальные экономические преобразования: здесь создан топливно-энергетический комплекс мирового масштаба, произошел резкий прирост численности населения, появилось большое число новых городов, изменилась структура национального состава населения. Известно, что на севере Западной Сибири деятельность человека нарушила допустимые пределы, что привело к негативным изменениям природной среды. Это, так или иначе, связано с большой энерго- и технической вооруженностью хозяйства и резким усилением техногенной нагрузки на природу. Игнорирование природных закономерностей, природосообразного уклада жизни коренного населения вызвали серьезные угрозы для людей и среды их обитания. В их числе резкое ухудшение экологической обстановки, депрессивные процессы в жизни коренных народов, отставание развития социальной инфраструктуры, снижение качества жизни и многое другое. До этого времени для Среднего Приобья были характерны лишь слабые локальные проявления техногенеза, связанные как с низкой плотностью населения, так и с коэволюционным характером развития природной среды и этносов, населяющих регион.

В связи с этим представляется актуальным и востребованным социальный опыт коренного населения Среднего Приобья, проявляющийся в сосуществовании социума и природной среды, умении жить в гармонии с природой. Актуальным становится исследование условий, факторов и механизмов адаптации разных этнических сообществ к меняющейся природно-климатической, социально-экономической и социально-политической обстановке на территории с малоблагоприятными природными условиями проживания.

Историко-географические и геоэкологические исследования являются неотъемлемой частью изучения геосистем. Однако информационная значимость таких исследований снижается по мере приближения к нижней временной границе историко-географического познания. Трудности в получении информации отмечаются, прежде всего, в районах, являвшихся в прошлом периферией Ойкумены, где отсутствуют письменные документы. Эти обстоятельства делают неизбежным использование в историко-географическом анализе территории материалов археологических исследований. Историко-географические исследования позволяют детализировать историю природы и общества, а также историю их взаимоотношений, в том числе по отдельным хронотаксонам.

Вместе с тем, для ряда территорий такие исследования либо отсутствуют, либо находятся в зачаточном состоянии. В полной мере это относится и к территории Среднего Приобья. Накопленный к настоящему времени археологический материал по данной физико-географической провинции за редким исключением почти не востребован географами. Это неблагоприятно сказывается на решении ряда географических задач – установлении временных границ климатических периодов, характера и степени климатических изменений, оценке географических условий существования материальных культур, роли антропогенного фактора в формировании современных ландшафтов и т.д. Чаще всего это объясняется недостатком данных. Вместе с тем, для решения этих проблем почти не используется сопряженный историко-геоэкологический анализ, который дает дополнительные информационные преимущества в объяснении, фиксации и определении хронологических рамок археологических культур, ареалов расселения и путей миграций этнокультурных общностей, особенностей хозяйственной деятельности древнего населения, их быта и расселения через познание природно-климатических условий данной исторической эпохи.

В связи с вышесказанным сформулирована цель данной монографии: исследовать природные условия позднего плейстоцена – голоцена в Среднем Приобье и на основе историко-географического анализа определить характер их влияния на направления и механизмы коэволюции природы и социума. Для достижения поставленной цели потребовалось провести комплексный историко-географический анализ для того, чтобы выявить направления и характер эволюции природных ландшафтов в Среднем Приобье в позднем плейстоцене – голоцене и взаимосвязанные с ними факторы, причины и механизмы адаптации разных этнических сообществ к меняющейся природно-климатической и социально-экономической обстановке.

На основании проведенного анализа определены основные этапы заселения и хозяйственного освоения исследуемой территории, для каждого этапа выявлены геоэкологические условия проживания человека и характер природопользования

Объектом исследования является территория Среднего Приобья в пределах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, южной части Ямало-Ненецкого автономного округа и фрагментов северной части Свердловской, Тюменской и Томской областей как территория проживания обских угров. Данная территория уникальна во многих отношениях. Во-первых, это один из самых заболоченных на планете участков суши, во-вторых, она является стратегически важным регионом Российской Федерации, в-третьих, это территория длительного совместного проживания народов, придерживающихся разных цивилизационных норм. Широко распространенные лесоболотные и водноболотные ландшафты обусловили сравнительно позднее освоение территории. В связи с этим Среднее Приобье пока еще недостаточно хорошо изучено в археологическом отношении. Также нельзя сказать и о достаточно полной историко-географической, в том числе палеогеографической, изученности Среднего Приобья.

Хронологические рамки настоящей работы охватывают период от времени появления человека на севере Западной Сибири (поздний палеолит) до начала нефтегазового освоения территории (50-е гг. XX в.), в результате которого нарушился коэволюционный характер взаимодействия человека и природной среды.

Исследование выполнено на основе анализа археологических, исторических, литературных и картографических источников из фондов Нижневартовской, Ханты-Мансийской и Тюменской библиотечно-информационных систем, Нижневартовского и Мегионского краеведческих музеев, Ханты-Мансийского окружного музея природы и человека, межрегионального НПО «Наследие Югры», НПО «Северная археология». Были использованы материалы научно-исследовательских институтов и вузов городов Томска, Екатеринбурга, Тюмени, Ханты-Мансийска. Проведены маршрутные историко-географические и археолого-этнографические исследования бассейнов рек Вах (2006 год), Аган (2007 год), Конда (2008, 2009 год) на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (см. приложение, рис. 1).

общенаучных методов, использующихся в исторической географии, можно выделить методы моделирования и математизации. Применение метода моделирования наиболее перспективно в исторической физической географии, в исследовании взаимодействия общества и природы. Математизация наиболее характерна для исторической экономической и исторической социальной географии.

Методологическая общность географии и истории представлена в исторической географии как «стыковой» науке, отражающей единство пространственно-временных аспектов развития ландшафтной сферы Земли. В исторической географии используются конкретные (частные) методы и подходы географии и истории. Например, сравнительно-описательный метод, картографический, методы геоинформационных исследований, районирование, территориальный и исторический подходы. Территориальный подход является основным для любого географического исследования и сочетается с историческим подходом [8].

Среди частных специфических способов исторической географии выделяется метод историко-географических срезов и диахронический подход.

Метод исторического (временного) среза предполагает анализ событий по периодам. Историко-географический срез подразумевает весь комплекс данных о территории природного и общественного характера за данный промежуток времени. Интегральный исторический срез применяется для всестороннего анализа природы, населения и хозяйства.

Выделяются следующие принципы выполнения историко-географических срезов:

- 1) синхронности анализа всего находящегося в распоряжении материала;
- 2) выявления ведущих взаимосвязей между природой, населением и хозяйством, свойственных данному историческому периоду;
- 3) территориальной целостности районов, в которых выполняется исторический срез;
- 4) акцента на отдельные этапы развития, а не на временные промежутки.

С вышеперечисленными принципами связан диахронический подход в исторической географии, основывающийся на последовательном изучении исторических изменений в территориальной организации природы, населения и хозяйства данной конкретной территории. Цель диахронического подхода заключается в том, чтобы связать историко-географические срезы и определить общие тенденции развития объекта за историческое время. Данный метод позволяет правильно определить происхождение объекта или проблемы, а также стадии его развития или изменения.

При диахроническом анализе необходимо [65]:

- 1) обеспечить сравнимость результатов исследования, для чего нужен тщательный отбор существенных признаков;
- 2) выделить ведущие взаимосвязи;
- 3) изучать инертность (преемственность) эволюции в историческом процессе изменения природы и хозяйства;
- 4) установить основные этапы развития объектов для определения их роли в создании современной структуры;
- 5) изучить историко-географические циклы освоения;
- 6) с учетом территориальной целостности изучаемого региона оценить все происходящие изменения.

В.С. Жекулиным [65] в особый блок выделяется ряд способов исследования в исторической географии: историко-физико-географические способы (основываются на материалах спорово-пыльцевого и дендрохронологического анализа), собственно исторические способы, топонимические и ландшафтно-лексикологические способы. Кроме того, выделяются способы, характерные для историко-географического изучения ландшафтов: исследование «следов» прошлых антропогенных воздействий, определения местонахождения древних поселений и другие. Данные способы широко применяются не только в ландшафтоведении, но и в истории и археологии.

Собственно исторические способы составляют основу историко-географических изысканий, поскольку исторические материалы наиболее полно характеризуют процесс освоения и изменения ландшафтов. Особую роль играет изучение документальных исторических источников, письменных документов, вещественных, этнографических и лингвистических источников. Большое значение для исторической географии имеют вещественные источники, по которым

устанавливается существование археологических культур, объединённых временем и общими характерными чертами, распространявшихся на определённых территориях.

Использование лингвистических источников позволяет определять районы заселения теми или иными народами, направления миграций, процессы их взаимодействия. На основе лингвистических источников формируются топонимические и ландшафтно-лексикологические способы исследования в исторической географии. Изучение топонимов позволяет восстанавливать особенности прошлых географических условий и характер взаимодействия общества и природы. Использование топонимического способа в исторической географии сводится к локализации всего топонимического и ландшафтно-лексикологического материала по геокомплексам и его анализу в связи с ландшафтными особенностями и взаимодействием человека на природу [115].

Ретроспективный анализ взаимоотношения общества и природы помогает в разработке ландшафтно-географических прогнозов. Данный анализ подразумевает изучение следующих стадий освоения человеком территории [65]:

- 1) географическое открытие и исследование территории;
- 2) расселение человека на данной территории, формирование этносов;
- 3) формирование хозяйственного уклада, социальных отношений, системы расселения.

Историко-географическое районирование. Данный вид районирования позволяет подытожить знания о территориальной организации хозяйства и информацию о населении и природной среде, характерной для данного исторического этапа. Выделяются три основных подхода к историко-географическому районированию: комплексный, отраслевой исторический (на основе выделения районов концентрации промыслов) и историко-этнографический (на основе выделения хозяйственно-культурных типов народов).

1.3. Методологические основы исследования

Мы считаем, что в контексте нашего исследования особый интерес может представлять изучение региональных геосистем и присущих им процессов природопользования с точки зрения как территориальных (географический подход), так и пространственно-временных (исторический подход) закономерностей.

По мнению Б.И. Кочурова [102], целостный анализ природопользования можно реализовать лишь в рамках территориальных, географических систем (геосистем или геосоциозкосистем), которые позволяют наиболее полно охватить все составляющие этого процесса и все изменения, вызванные жизнедеятельностью человека в результате развития территориально-хозяйственных структур региона. Подобный географический подход, на наш взгляд, наиболее полно и последовательно синтезирует и территориально интегрирует представления о природных и социально-экономических процессах в пределах конкретного региона, состоянии и тенденциях развития различных региональных систем (этнических, хозяйственных, социальных, демографических и иных).

В контексте исследования особый интерес представляет типологический подход к выделению природно-социальных геосистем, в основу которого положены пространственно-временные признаки и их совокупности. На такой основе можно выделить региональные хозяйственно-культурные типы хозяйства, сформировавшиеся на определенных территориях в зависимости от различных природных условий окружающей среды [103; 106].

Теория хозяйственно-культурных типов (ХКТ), разработанная М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым [105], позволяет эволюционно и пространственно сравнивать различные типы природопользования в разные исторические и климатические эпохи, что, на наш взгляд, представляется весьма важным в анализе коэволюции природной среды и этносоциальных сообществ, а также регионального природопользования. На основе сложившихся ХКТ можно выделить хозяйственно-культурные общности, которые охватывают население (в том числе и нескольких этнических общностей) на основе общего типа природопользования, социально-экономического уровня развития и проживания в примерно одинаковых природных условиях [168]. В результате контактов и взаимовлияний разных этнических общностей возникали сходные хозяйственные и культурно-бытовые особенности их объединяющие, что позволяет нам выделять культурно-исторические общности.

Как хорошо известно, основополагающим фактором при формировании ХКТ является географическая среда. Будучи обусловлены воздействием живого и социума, а также продуктами

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ КОЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ

1.1. Место исторической и экологической географии в системе естественнонаучного познания

Современная картина мира во всем его многообразии – результат длительного развития географической оболочки. Н.Н. Баранский [19, с. 108] подчеркивал, что «для понимания географии настоящего сплошь и рядом оказываются необходимыми знания географии прошлого». Л.С. Берг [20, с. 230] указывал, что «ландшафты не есть нечто неизменное во времени ..., понять данный ландшафт можно лишь тогда, когда известно, как он произошел и во что со временем превратится». Таким образом, для правильного понимания физико-географических особенностей каждой территории ее современный ландшафт следует рассматривать в историческом освещении.

К междисциплинарным областям научного знания относится интегративная научная дисциплина *историческая география*, изучающая исторический (после появления человека) этап в развитии ландшафтной сферы, которая сформировалась на стыке географии и истории.

Л.Н. Гумилев [55, с. 53] рассматривает историческую географию как науку «о послеледниковом ландшафте в динамическом состоянии, для которого этнос является индикатором». Согласно краткому определению И.А. Витвера [38, с. 52], «историческая география изучает конкретную географию прошлого и ее изменения на разных исторических этапах». В.С. Жекулин [65, с. 224] формулирует историческую географию как «систему взаимосвязанных наук, возникших в двух сферах научных связей – природной и общественной, изучающих физическую, экономическую и политическую географию прошлого человечества во взаимосвязи с географией современности». По мнению Ф.Н. Рянского [153, с. 67], «если из предмета изучения исторической географии вычленишь только проблему воздействия конкретных развивающихся человеческих культур (этносов) на конкретные типологические геосистемы, ландшафты, можно говорить об историческом разделе ландшафтоведения, со своими принципами и методами».

Предмет исторической географии трактуется представителями данных направлений её развития по-разному. Историки большее внимание уделяют вопросам развития производительных сил и культуры общества. В понимании представителей географической науки предметом исторической географии является последний после появления человека этап в развитии природы. География черпает из истории факты, необходимые для восстановления состояния природной среды в прошлом, а история использует географические условия для объяснения хода исторического развития человечества. Историческая география занимает нишу между естественными и общественными дисциплинами в общей структуре науки. В своём развитии она тесно взаимодействует с этнографией, топонимикой, экономикой и рядом других дисциплин.

По мере развития и дифференциации и истории, и географии, между ними происходило своеобразное размежевание. Одни историко-географы (М.К. Любавский, В.К. Яцунский) пришли в историческую географию «из истории», другие – «из географии» (И.А. Витвер, В.С. Жекулин, В.П. Максаковский). При этом различные задачи «материнских наук», а также разные научные интересы тех и других привели к образованию в исторической географии трёх основных направлений: географического (экономико-географическое (В.К. Яцунский, Э.Г. Истомина) и физико-географическое (В.С. Жекулин); исторического (В.П. Максаковский); этнологического (Л.Н. Гумилёв).

В последнее время наблюдается нарастающая активизация совместных исследований географов и археологов. Такой интерес, вероятно, связан, во-первых, с окончанием периода активного накопления фактического материала (в первую очередь, в археологии), а во-вторых, с необходимостью привлечения дополнительных источников информации об изучаемом объекте. Обе эти причины приводят к переходу научного исследования на новый этап – этап комплексного, более детального, чем ранее, изучения объекта исследования. В результате появляются новые «стыковые» методы изучения объекта, к коим можно отнести и археогеографию, сформировавшуюся на стыке археологии и географии, в рамках исторической географии.

Кроме того география всегда была связана с экологией, поскольку ее объектом является система «природа – общество – хозяйство» в ее единстве и пространственном распространении. В современных научных исследованиях объекты экологии, географии и геологии часто сливаются. Поэтому на стыке этих наук возникла интегрирующая наука – геоэкология, а многочисленные точки соприкосновения между географией и экологией привели к появлению экологической географии [74; 75].

Постепенно сложилось и современное представление о геоэкологии, как о составной части большого междисциплинарного комплекса экологических проблем и сферы перекрытия географии и экологии. Соответственно были сформулированы и две основные задачи геоэкологии: 1) изучение воздействия внешних условий, включая антропогенные, на геосистемы; 2) исследование воздействия природных условий на состояние и развитие триады: растение – животное – человек.

Были намечены основные «отраслевые» направления геоэкологии, а также ее главные территориальные аспекты (локальный, региональный, глобальный) (М.И. Будыко, Ю.Н. Гладкий, С.Б. Лавров). Положено начало эколого-экономическому районированию, ландшафтной геоэкологии (Ю.Д. Дмитриевский, Н.Н. Клюев).

В.И. Булатов [27] выделяет в составе блока «Геоэкология» следующие разделы, сближающие геоэкологию и экологическую географию: палеоэкология, экология сред, экология географических подразделений, экогеология и гидрогеоэкология, экогеофизика, экогеоморфология и др. (рис. 1).

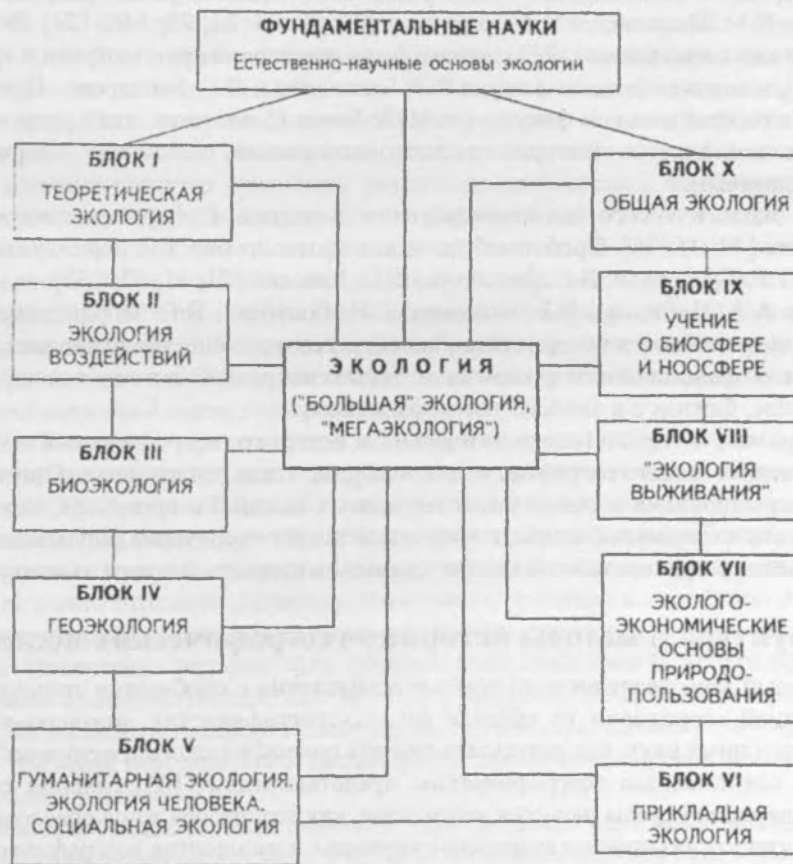

Рис. 1. Структурная схема – модель современной экологии (по В.И. Булатову, 2001).

К настоящему времени в географических исследованиях определилось особое, эколого-географическое, направление, предметом которого служит изучение географической среды с экологической (точнее, гуманитарно-экологической) точки зрения и в целях решения экологических проблем. В задачи эколого-географических исследований входят оценка природного экологического потенциала геосистем, изучение антропогенных воздействий и их экологических последствий, анализ современного экологического состояния геосистем, их устойчивости

их жизнедеятельности, физико-географические процессы не перестают существовать и развиваться по своим специфическим законам точно так же, как не перестают быть самими собой собственно биотические и социальные процессы, испытав на себе воздействие географических факторов [87]. Поэтому мы предпочитаем говорить о биоплагенной (от лат. *plaga* – толчок) и социоплагенной, а не о биогенной (от греч. *genes* – рождающий, рожденный) и социогенной ступенях развития географической формы движения материи. С позиций данного подхода крупные природно-климатические пароксизмы играют роль своеобразного толчка, «спускового курка» последующих изменений социоисторических процессов, которые в дальнейшем продолжают развиваться в соответствии с присущими им закономерностями.

Суть географоплагенного подхода заключается в выявлении и использовании региональных и эпохальных закономерностей адаптации человеческих обществ к изменениям окружающей среды. Данные, полученные с позиций географоплагенного подхода, позволяют вывести осмысление историко-археологического материала и историко-геоэкологических построений на качественно новый теоретический уровень.

Археологический материал в большинстве случаев заставляет лишь предполагать наличие явления. Объяснить и понять эти явления, внести в них определенное историческое содержание помогают геоэкологические данные об особенностях природного окружения, свидетельства о характерных экологических проявлениях той или иной ландшафтно-климатической зоны, динамике изменений физико-географических условий региона, т.е. учет естественно-географического окружения и динамики природной среды, в которых протекает социально-экономическое развитие древнего населения.

Таким образом, рассмотрение различных аспектов сосуществования и взаимодействия общества и природы выступает, прежде всего, в качестве анализа исторического опыта приспособления этноса к окружающей среде.

В основу исследования хозяйства древних и современных этнических сообществ нами были положены следующие принципы, обозначенные М.Ф. Косаревым [94]:

- 1) учет естественно-географического окружения и динамики природной среды, в которых происходит социально-экономическое развитие населения;
- 2) анализ производительных сил общества во взаимной связи с палеогеографией, этнографией и экологией;
- 3) исследование развития хозяйства в пределах широких этнокультурных ареалов и этноконтактных зон.

Для всестороннего понимания механизма взаимодействия, или вернее сказать коэволюции этносоциальных сообществ и ландшафтной среды, ставилось решение следующих задач:

- 1) изучение палеоклимата и палеоландшафтов в динамике;
- 2) рассмотрение влияния природных изменений на расселение разных этносоциальных сообществ и их хозяйственную деятельность (архе-, ретро- и современное природопользование);
- 3) рассмотрение влияния антропогенного фактора на состояние природной среды и динамику природных процессов.

Таким образом, на основании вышеперечисленных подходов в данном исследовании рассмотрен причинно-следственный механизм развития этнических сообществ Среднего Приобья в их связи с материнским ландшафтом в интересующий нас период, выявлены пространственно-временные и природно-климатические закономерности миграционных «освоенческих» процессов, природопользования, этноразвития.

Глава 2. ЭВОЛЮЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ В ГОЛОЦЕНЕ

2.1. Общегеографические закономерности эволюции природной среды

Эволюция ландшафтов следует важнейшим общегеографическим закономерностям: ритмичности природных процессов и явлений во времени и их квазипериодичности; направленности эволюции ПТК и их компонентов; синхронности и гетерохронности проявления однородных явлений и процессов; метахронности в развитии природных компонентов и ПТК; изменению мобильности природных условий во времени и в пространстве; уменьшению возраста зональных типов ландшафтов к более высоким широтам; унаследованности ПТК природных особенностей прежних эпох и др.

Ритмичность установлена в атмосферных процессах, в изменении ледовитости морей и развитии ледников, в морских трансгрессиях и регрессиях, в различных биологических процессах, в горообразовании и т.д. Причем ритмичность может иметь как периодический, так и циклический характер, когда при постоянной средней продолжительности цикла промежутки времени имеет переменную продолжительность.

Синхронность как закономерность эволюции в большей степени характерна для макроциклов и проявляется в глобальных изменениях климата на Земле. Так, в рамках макроцикла плейстоцена отмечается синхронность климатических колебаний и оледенений [Величко, 34], геохронологических и палеогеографических событий в плейстоцене и голоцене Западной Сибири и сопредельных территорий [Кинд, 82].

Гетерохронность эволюции, напротив, более правомерно рассматривать как зональную закономерность. Она отчетливо проявляется в изменениях термического режима, условий увлажненности, в становлении зональных типов ландшафтов.

Под **метахронностью** эволюционных процессов понимается разнонаправленность развития ландшафтов при однонаправленном изменении каких-либо природных факторов. Например, однонаправленные климатические изменения в разных зонально-провинциальных условиях (например, таежной и степной зонах Западной Сибири) по-особому сказывались на биологической продуктивности ландшафтов.

Усиление мобильности природных условий по направлению к более высоким широтам прослеживается на протяжении многих этапов эволюции ландшафтнoй среды Западной Сибири и проявляется, в частности, в более существенных изменениях климатических условий, растительного покрова и смещении границ природных зон в северной части региона (граница тундры и тайги), чем в южной (граница леса – степи).

Одним из принципов стратиграфического подразделения антропогенных отложений является климатостратиграфический, или, что одно и то же, ритмоклиматостратиграфический. К.К. Марковым [117] определены две основные тенденции общепланетарных изменений климата – направленность и ритмичность. Направленность проявлялась в постепенном нарастании похолодания и усилении сухости; ритмичность – в чередовании холодных и теплых эпох.

На фоне крупных колебаний климата проявлялись и более мелкие, образуя соподчиненные климатические ритмы различной сложности: мелкие фазы похолодания, вызывающие стадии временного наступания ледников (стадиалы), и стадии потепления с их сокращением (межстадиалы, или интерстадиалы). Наконец, совсем кратковременные колебания климата проявляются в осцилляциях – незначительных колебаниях края ледника около некоторой средней линии.

А.А. Величко [34] выделяет естественные долговременные и короткопериодические природно-климатические изменения, существование и общий характер которых достаточно хорошо устанавливаются по результатам исследований четвертичного периода. Среди них три главные размерности таких изменений: макро-, мезо- и микромасштабные. К макромасштабным изменениям относятся те, которые вызывают трансформационные изменения в природной структуре, т.е. отвечающие крупному полному циклу, включающему в себя одну ледниковую и одну межледниковую эпохи. Под мезомасштабными природными изменениями понимаются природно-климатические изменения внутри полуцикла, т.е. внутри одной ледниковой или межледниковой эпохи, когда наблюдается лишь миграционный тип динамики зональной структуры с соответствующими колебаниями температур и осадков (например, похолодание XVI–XIX вв.). К микромасштабным природно-климатическим изменениям относятся такие, которые

имеют устойчивый вековой ход и при этом обнаруживают признаки колебаний в состоянии отдельных компонентов (например, потепление середины XX столетия).

В интересующем нас временном интервале (поздний плейстоцен-голоцен), различимы четыре ритмических процесса. Во-первых, 40700-летний ритм Миланковича, который отчетливо выражен на радиационных кривых и отражает изменение наклона земной оси к плоскости эклиптики. Данный ритм определяет изменения природной обстановки в системе межледниковье-ледниковье. Этот же ритм подтвержден Е.В. Максимовым [112]: 40700-летний ритм представлен не в виде математически правильной синусоиды, а в виде некоторой ломаной кривой, но обладающей важнейшими свойствами синусоиды (зеркальностью, симметрией и т.д.) (рис. 2).

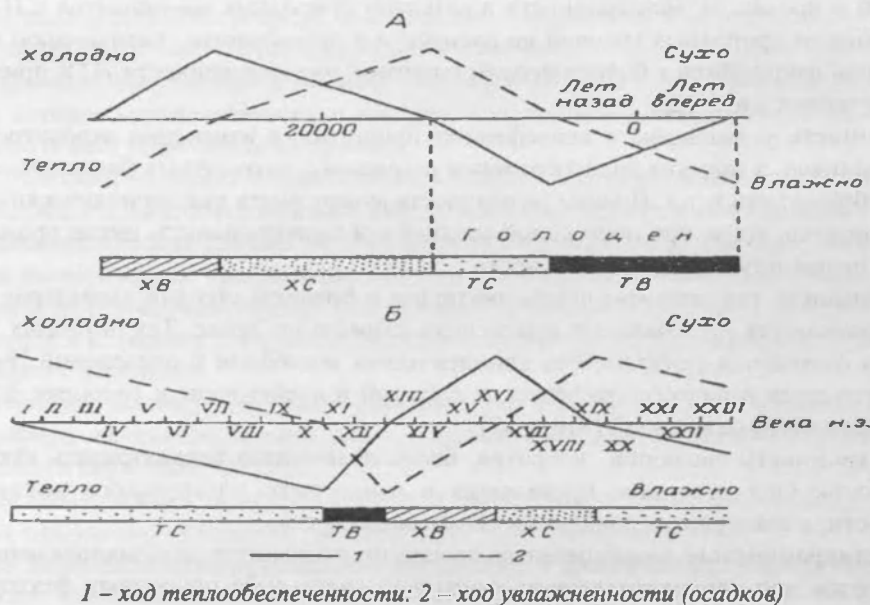

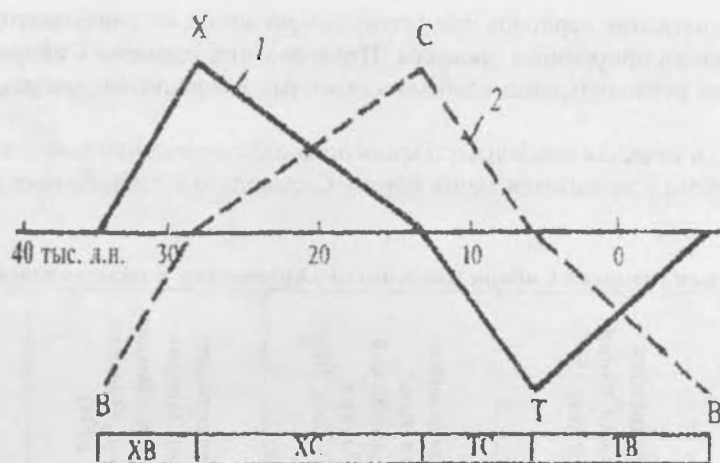
Рис. 2. Графическое изображение 40 700-летнего (А) и 1850-летнего (Б) ритмических процессов. [по Е.В. Максиму, 113]

Во-вторых, это 1850-летний ритм общей увлажненности материков, обнаруженный А.В. Шнитниковым [196], который определяет изменения в системе стадиял-межстадиял. Автор связывает его с изменчивостью во времени приливообразующих сил. Выделяются также вековой и внутривековой ритмы. Разными авторами устанавливаются климатические циклы в 11, 29–45, 75–80, 110–112, 500–600 (450–650), 1800–1900 (1700–2500) лет; 7–9 (8–10), 25 (18–22), 40–42, 100–150, 400–600 тыс. лет.

Наиболее принципиальный взгляд на этот вопрос изложен в работе М.П. Гричук и В.П. Гричука [53], где дается изменение во времени таких важных характеристик климата, как теплообеспеченность и увлажненность. Температура за период оледенение-межледниковье описывает волнообразную кривую, имеющую вид синусоиды. Ход кривой увлажненности смещен по отношению к температурной кривой на одну четверть длины волны так, что на ритм межледниковье-оледенение приходится одна волна увлажненности – от ее минимума в начале ритма к максимуму в середине и к минимуму в конце. Это правило получило название правила Иверсена-Гричук, так как сформулировано оно было Д. Иверсеном, а подтверждено на обширном палинологическом материале М.П. Гричук (рис. 3).

Таким образом, ледниковая эпоха разделяется на первую – холодную и влажную (ХВ – гигрокриотическую) фазу и вторую – холодную и сухую (ХС – ксерокриотическую); межледниковья эпоха подразделяется на первую, более раннюю – теплую и сухую (ТС – ксеротермическую) и вторую – теплую и влажную (ТВ – гигротермическую). Согласно этим представлениям, климатическая последовательность ритмических процессов может быть записана «формулой»: ХВ-ХС – ТС-ТВ.

Сопоставление климатического ритма в голоцене с общей схемой климатических стадий в плейстоцене показывает, что Среднебоснийский регион развивается сейчас в условиях, характерных для заключительных этапов гигротермических стадий межледниковья эпохи, закономерно сменявшихся гигрокриотическими стадиями – начальными стадиями ледникового времени.

*1 – ход теплообеспеченности; 2 – ход увлажненности.
Экстремумы: X – холодный; T – теплый; C – сухой; B – влажный.*

Рис. 3. Правило Иверсена – Гричук по ходу 40700-летнего цикла [по Е.В. Максимуму, 114]

2.2. Хроностратиграфия и динамика природных условий голоцена Среднего Приобья

Для понимания характера современной природной обстановки в Среднем Приобье важно знать динамику природных условий в голоцене, поскольку именно в этот период начали формироваться окончательные черты современного рельефа, гидрографической сети, фауны и флоры, происходило формирование человеческого общества.

В настоящее время под голоценом понимают межледниковую эпоху, современную геологическую эпоху, составляющую последний, еще не закончившийся отрезок четвертичного периода геологической истории Земли [191].

А.А. Величко [34] считает, что определение места голоцена в естественно-историческом процессе и признание его природной сущности, как одного из межледниковий, является важным направлением исторической и эволюционной географии. Ряд исследователей, в том числе Н.А. Хотинский [176], предлагает рассматривать голоцен как предположительную модель современной межледниковой эпохи, как один из этапов продолжающегося четвертичного времени. Такой анализ имеет большое значение для разработки научного прогноза дальнейшего развития природы, так как голоцен занимает важную позицию в цепи палеогеографических реконструкций от прошлого к настоящему и будущему.

Из-за неоднократных колебаний климата и смены экологической обстановки в позднеледниковье точное время перехода от плейстоцена к голоцену остается дискуссионным. Ряд исследователей считают, что этот переход произошел 13000 лет назад [Нейштадт, 130], другие – 10300 лет назад [Хотинский, 176]. Н.В. Кинд [84] установлено, что последняя фаза похолодания климата в Сибири датируется в интервале 11000–10300 лет назад, а голоцен начался «1-м потеплением» 10300 лет назад.

Существуют разные подходы к периодизации голоцена. Принципиальная периодизация голоцена основана на результатах палинологических исследований. Впервые стратиграфическое расчленение голоцена выполнил Р. Сернандер на основе схемы чередования периодов континентального и океанического климатов, предложенной в 1876 г. А. Блиттом (так называемая схема Блитта-Сернандера). Впоследствии эта схема дополнялась и изменялась с учетом региональных особенностей. Более детальную схему расчленения голоцена предложил М.И. Нейштадт [131], в последнем межледниковье им были выделены крупные хронологические интервалы: древний, ранний, средний и поздний голоцен, с учетом специфики развития растительности и климата в восточных районах бывшего СССР.

Исследования Н.А. Хотинского [176] позволили представить единую периодизацию голоцена Северного полушария. По схеме Н.А. Хотинского рубеж между поздним плейстоценом и голоценом проходит, в отличие от схемы М.И. Нейштадта, по границе между поздним дриасом и пребореалом (10300 лет назад). Им выделены хронологические рубежи на основе трансконтинентальной корреляции этапов голоценовой истории растительности и климата Серной Евра-

зии, введены общие названия периодов для различных регионов, но учитываются региональные особенности протекания природного процесса. Периодизация голоцена Сибири также характеризуется некоторыми региональными особенностями, рассмотренными для разных территорий (табл. 1).

Таким образом, в качестве глобального хронологического-палеогеографического эталона голоцена Среднего Приобья нами применяется схема Блитта-Сернандера с уточнениями и дополнениями [176,10,14].

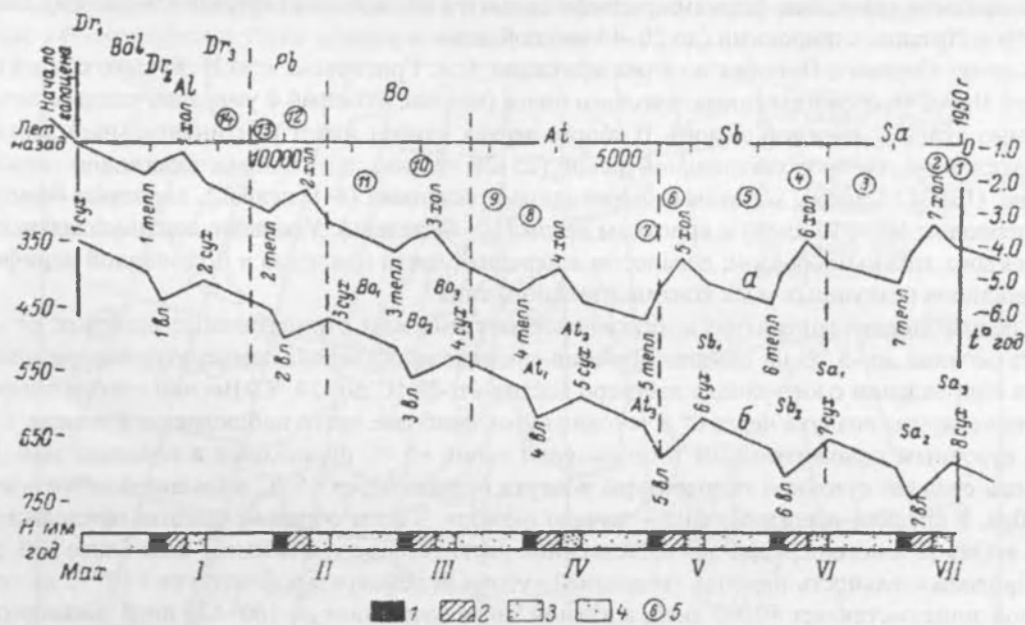
Таблица 1

Периодизация голоцена Сибири (по данным «Археология и палеоэкология...») [10]

Периодизация голоцена Приенисейской Сибири (Клид, 1974)	Периодизация голоцена Сибири (Хотинский, 1977)	Периодизация голоцена Приенисейской Сибири (Кошкарлова, 1986)	Периодизация голоцена Западно-Сибирской равнины (Архипов, Волкова, 1994)	Обобщенная периодизация голоцена Сибири в интерпретации А.А. Ямских (2003)
Переменный климат (0–3000 л.н.)	Субатлантический период (0–2500 л.н.)	Субатлантический период (SA) (0–2500 л.н.)	Субатлантический период (0–2500 л.н.)	Субатлантический период (SA) (0–2500 л.н.)
Позднеголоценовое похолодание (3000–4500 л.н.)	Суббореальный период (2500–4500 л.н.)	Суббореальный период (SB) (2500–4500 л.н.)	Суббореальный период (3000–5000 л.н.)	Суббореальный период (SB) (2500–4500 л.н.)
Оптимум (4500–7900 л.н.)	Атлантический период (4500–8000 л.н.)	Атлантический период (AT-2) (6000–4500 л.н.)	Атлантический период (6000–8000 л.н.)	Атлантический период (AT-2) (6000–4500 л.н.)
Новосанчуговское похолодание (8300–7900 л.н.)		Атлантический период (AT-1) (8000–6000 л.н.)		Атлантический период (AT-1) (8000–6000 л.н.)
2-е потепление (9300–8300 л.н.)	Бореальный период (8000–9500 л.н.)	Бореальный период (BO) (8000–8500 л.н.)	Бореальный период (8000–9000 л.н.)	Бореальный период (BO) (8000–9500 л.н.)
Питско – Игарское похолодание (9800–9300 л.н.)	Пребореальный период (9500–10300 л.н.)		Пребореальный период (PB) (9500–10000 л.н.)	Пребореальный период (PB 2) (9500–9800 л.н.)
1-е потепление (10300–9800 л.н.)				Пребореальный период (PB -1) (9500–10300 л.н.)

В конце позднего плейстоцена по окончании каргинского интерстадиала началось позднеледниковье (сарганский гляциал) [73]. Активные климатические изменения, соответствующие периоду древнейшего дриаса, начались около 14000 лет назад, однако стабильные изменения, указывающие на смену субарктических условий на умеренные, произошли только 10300 лет назад. В Западной Сибири возраст раннего отрезка сарганского оледенения определяется в 20900±300 лет назад, а окончание его главной фазы датируется около 13000 лет назад. В пределах послеледниковья выделяются два небольших интерстадиала: кокоревское (13000–12000 лет назад) и таймырское (ок. 11700–11500 лет назад) [11; 84]. Позднеледниковое время разделяется на два периода: относительно теплый межстадиал аллеред (11,6–11 тыс. лет назад) и холодную стадию – поздний дриас (10,3–11 тыс. лет назад). Послеледниковое время подразделяется на пять периодов: пребореальный (9,3–10,3 тыс. лет назад), бореальный (7,7–9,3 тыс. лет назад), атлантический (4,6–7,7 тыс. лет назад), суббореальный (2,4–4,6 тыс. лет назад) и субатлантический (последние 2,4 тыс. лет).

Нами рассмотрена применительно к региону исследования также ритмическая модель голоцена Е.В. Максимова (рис. 4), в основу которой положены представления об интерференции двух ритмических процессов – 40700-летнего ритма Миланковича и 1850-летнего ритма Шнитникова.

а – ход теплообеспеченности, *б* – ход увлажненности (количества осадков).

1 – тепло-влажный интервал, 2 – холодно-влажный интервал, 3 – холодно сухой интервал,
4 – тепло сухой интервал, 5 – биоклиматические фазы.

Рис. 4. Ритмическая модель голоцена [Максимов, 114]

Голоцен соответствует последней теплой области 40700-летнего ритма. Наложение климатических интервалов одного ритма на климатические интервалы другого усложняет картину. Так, например, во время ТС-интервала 40700-летнего ритма (1-я половина голоцена) интервалы ТС по 1850-летнему ритму должны быть усилены, а интервалы ТВ ослаблены. Во 2-й половине голоцена (ТВ-интервал по ходу 40700-летнего ритма) будут усилены ТВ-интервалы 1850-летнего ритма и ослаблены ХС-интервалы.

Детальные исследования источников по палеоклимату Западной Сибири показали существование в пределах позднего плейстоцена – голоцена для территории Среднего Приобья 7 ритмов, длительность каждого – 1800–1900 лет (приложение, рис. 2–5). Каждый из ритмов, в свою очередь, состоял из 4 климатических фаз: начинался тепло-сухими условиями, влекущими смещение границ ландшафтных зон и подзон к северу, которые сменялись тепло-влажными условиями с увеличением доли темнохвойных пород (ель, пихта). Во вторую половину ритма холодно-влажные условия, фиксирующиеся по распространению карликовой березы, сменялись холодно-сухими со смещением границ ландшафтных зон и подзон к югу, сокращением доли темнохвойных пород, распространением ксероморфной расительности и сохранением присутствия карликовой березы.

2.3. Физико-географические условия территории Среднего Приобья и их изменения в позднем илейстоцене-голоцене

Современная ландшафтная структура Среднего Приобья отражает этапы эволюции природы через гетерогенность и гетерохронность своих элементов. Среднее Приобье занимает центральную часть Западно-Сибирской равнины, бассейны среднего и нижнего течения Оби и нижнего течения Иртыша, а также бассейны их притоков Северной Сосьвы, Конды, Большого Югана, Ваха, Агана, Тромъёгана и др. Изучаемая территория представляет собой равнину с преобладающими отметками 50–100 метров над уровнем моря. Общая равнинность территории нарушается отдельными поднятиями (Северо-Сосьвинская, Полуйская, Верхнетазовская возвышенности, Сибирские Увалы, Белогорский материк и др.). «Материки» (водораздельные плато) на территории округа занимают сравнительно небольшие пространства, рельеф их увалистый или грядово-холмистый. Водоразделы между речными бассейнами выражены слабо, часто реки разного направления начинаются из обширных водораздельных болот. Границы долин,

как геоморфологические единицы, трудноопределимы. В общем равнинном характере поверхности наиболее крупными формами рельефа являются обширные (шириной 80–120 км) долины рек Оби и Иртыша с широкими (до 20–40 км) поймами.

Климат Среднего Приобья по классификации А.А. Григорьева и М.И. Будыко относится к области П-3-Д умеренного климатического пояса (климат влажный с умеренно теплым летом и умеренно суровой снежной зимой). В общих чертах климат имеет континентальный характер, он характеризуется продолжительной зимой (25–26 недель), длительным залеганием снежного покрова (180–120 дней), короткими переходными сезонами (8–9 недель), коротким безморозным периодом (80–110 дней) и коротким летом (10–14 недель). Усиление континентальности к югу связано, главным образом, с выносом в передней части циклонов и по западной периферии антициклонов воздушных масс континентального типа.

Среднегодовая температура воздуха повсеместно имеет отрицательные значения: от -1°C на юге региона до -5°C на севере. Значения средних многолетних температур января изменяются в направлении с юго-запада на северо-восток от -18°C до -24°C . Весной погода с переходом температуры воздуха через 0° в течение суток наиболее часто наблюдается в апреле. Переход к суточным положительным температурам выше $+5^{\circ}\text{C}$ происходит в середине мая. Дата перехода средней суточной температуры воздуха осенью через $+5^{\circ}\text{C}$ в северной тайге – конец сентября, в средней и южной тайге – начало октября. Таким образом, средняя продолжительность вегетационного периода для естественной растительности в таёжной зоне более 130 дней.

Продолжительность периода со средней суточной температурой воздуха $+10^{\circ}\text{C}$ на севере таёжной зоны составляет 80–90 дней, в южной тайге возрастает до 100–120 дней. Безморозный период сильно колеблется по отдельным частям территории. Например, в Ханты-Мансийске он составляет 122 дня, в Угутае – 92 дня (средняя тайга). В некоторые годы безморозный период в северной тайге сокращается до 30–35 дней, а в северной половине южной тайги – до 55–60 дней. В её южной части он достигает 115–120 дней. Средняя температура июля составляет $+16...+18^{\circ}\text{C}$.

В таёжной зоне, входящей в бореальный умеренно-холодный климатический пояс, количество осадков составляет 514–685 мм в год, что превышает величину испарения, колеблющегося в пределах 300–360 мм. Испаряемость составляет 400–600 мм, норма поверхностного стока 140 мм. В этой зоне факторами, ограничивающими испарение, являются сравнительно малый дефицит влажности, более низкие температуры воздуха и влажных лесных, часто заболоченных почв и большая влагосмкость мохового покрова. В северной тайге коэффициент увлажнения наибольший – 1,54, в южной тайге он составляет – 1,14. Наибольшее количество осадков (60–65%) приходится на тёплый период: особенно много их выпадает в июле-августе. В тёплый период количество осадков превышает испарение.

Гидрографическая сеть Среднего Приобья представлена большим – 19,6 тыс. количеством водотоков, озер и болот, что является следствием избыточного увлажнения территории, равнинности рельефа и близкого залегания водоупорных горизонтов [108]. Широкие поймы Оби и Иртыша в весенне-летний период нередко в течение продолжительного времени бывают залиты водой. Весенние воды, разливаясь по широким поймам, образуют обширные соры, старицы, протоки. В условиях крайне незначительных уклонов русла дренирующее действие рек проявляется весьма слабо, что при широком распространении глинистых грунтов способствует сильному заболачиванию территории и обилию озёр. Болота занимают свыше 50% площади лесной зоны и располагаются главным образом в долинах рек, реже – на водоразделах (лесные верховья, а также бугристые торфяники).

Территория Среднего Приобья целиком входит в состав лесной (таёжной) зоны подзоны северной и средней тайги и частично на юге подзоны южной тайги (рис. 5). Северная тайга подразделяется на две широкие полосы. Для северной подзональной полосы характерно развитие редкостойных лиственничных, лиственнично-еловых и лиственнично-сосновых лесов, чередующихся с плоско- и крупнобугристыми мохово-лишайниковыми комплексами болот. Поймы заняты лугово-болотно-соровыми сообществами. В южной полосе северотаёжной подзоны на плакорах распространены лиственнично-елово-кедровые леса. По составу нижних ярусов они сходны с лиственничными и еловыми лесами северной полосы, но отличаются большей сомкнутостью крон (0,5–0,6) и несколько большей высотой (12–14 м). Эти леса приурочены к суглинистым почвам с близко залегающей вечной мерзлотой. На песчаных почвах преобладают монодоминантные сосновые леса. Большая часть коренных лесов на дренированных местообит-

таниях испытала воздействие пожаров и в настоящее время сменилась производными древо-стоями: лиственнично-берёзовыми лесами в северной полосе, темнохвойно-берёзовыми и сосновыми с *Pinus sibirica* и *Picea obovata* в южной полосе.

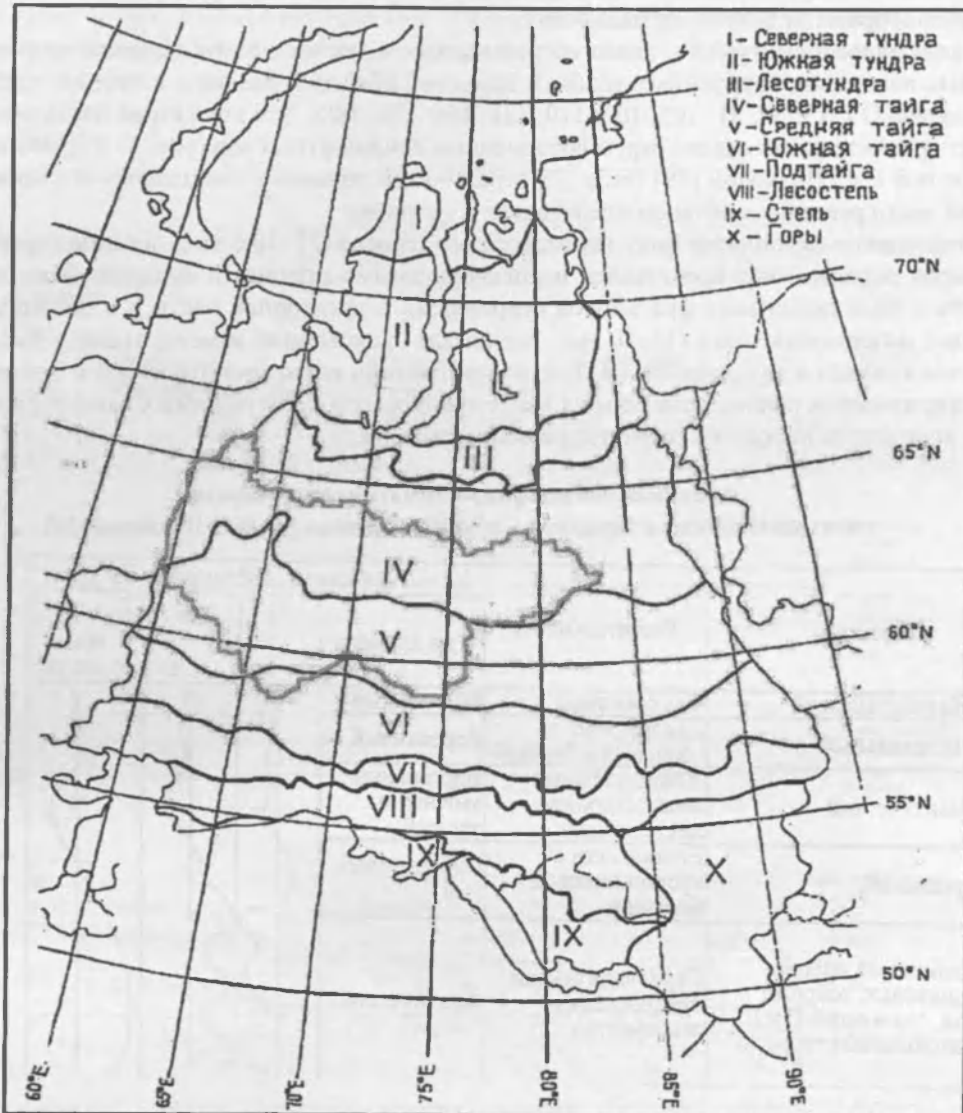

Рис. 5. Ландшафтные зоны и подзоны Западно-Сибирской равнины [по Е.Д. Лапшиной, 105]

В северной тайге наблюдается наибольшая заторфованность – более 50%. В северной полосе подзоны наибольшие площади заняты заболоченными лиственничными, лиственнично-сосновыми и еловыми кустарничково-долгомошными и сфагновыми лесами. Для северной части подзоны особенно характерно широкое развитие кустарничково-мохово-лишайниковых, травяно-сфагновых и осоково-гипновых плоско- и крупнобугристых комплексных болот. Подзона средней тайги выделяется преобладанием темно-хвойных и сосновых лесов и производных сообществ на их месте. От северотаёжных типов эти леса отличаются более высокой продуктивностью (IV класс бонитета), большей высотой древостоя (17–20 м), большей сомкнутостью крон (0,6–0,7), а также возрастанием роли таёжного мелкотравья и зелёных мхов в составе нижних ярусов. В северной половине средней тайги на плакорах распространены коренные сообщества елово-кедровых лесов с примесью лиственницы и кустарничково-зеленомошным покровом. Центральные части междуречий заняты грядово-мочажинными и грядово-мочажинно-озерковыми болотами. Заторфованность средней тайги составляет 39%. В растительном покрове пойм выделяются следующие закономерности: низкие уровни пойм заняты осоковыми сообществами, средние уровни – канареечниковыми и разнотравно-злаковыми сообществами, высокие уровни, останцы террас – смешанными лесами из *Pinus sibirica*, *P. sylvestris*, *Betula pendula* s. В подзоне южной тайги основным зональным типом являются кедрово-елово-

пихтовые зеленомошно-мелкотравные и мелко-травно-осоковые леса. Они отличаются хорошо развитым древостоем (II–III класс бонитета), достигающим высоты 25–28 м, диаметрами стволов 50–60 см (в возрасте 120–150 лет), обильным подростом из темнохвойных и лиственных пород, разнообразным по составу подлеском.

Анализ палеоботанических, палеогеографических и других данных свидетельствует о значительных изменениях природных условий Западно-Сибирской равнины в течение плейстоцена и голоцена [11; 13; 39; 81; 105; 107; 110; 131; 166; 176; 188]. Это положение наглядно демонстрирует сравнительный анализ карты современных ландшафтных зон (рис. 5) и хронотаблицы, составленной В.С. Волковой [39] (табл. 2), отражающей динамику ландшафтов и климата центральной части равнины в позднем плейстоцене и голоцене.

В последнюю сартанскую фазу зырянского оледенения (22–10,6 тыс. лет назад) растительный покров равнины был представлен перигляциальными степями и тундрой. Лесная растительность в виде небольших фрагментов сохранялась в предгорной части и в долинах рек. В сартанское позднеледниковье (13–10 тыс. лет назад) происходили многократные и быстротечные смены климата и растительности. Так, на протяжении всего трех тысяч лет в центральных и, отчасти, в южных районах равнины на месте тундровых и лесотундровых ландшафтов в бёллинге и аллерёде за несколько сотен лет расселялась тайга.

Таблица 2

Динамика ландшафтно-климатических условий в центральной части Западной Сибири в голоцене [по В.С. Волковой, 39]

Горизонт	Растительность	Климатические колебания (59–60° с.ш.)								
		Тип климата	t _I		t _{VII}		Осадки, мм			
			14	23	7	16		25		
Голоценовый	Субатлантический	Лес сосновый	Бореальный							
	Суббореальный	Лес кедрово-сосновый с берёзой	Бореальный							
	Атлантический	Южно-таёжные леса с широколиственными	Бореальный умеренно тёплый							
	Бореальный	Еловые леса с кустарничковой берёзкой	Субарктический							
Сартанский	Ледниковые, озёрно-ледниковые, озёрные слои, слагающие II и III надпойменные террасы	Перигляциальные тундростепи и лесотундра	Арктический							

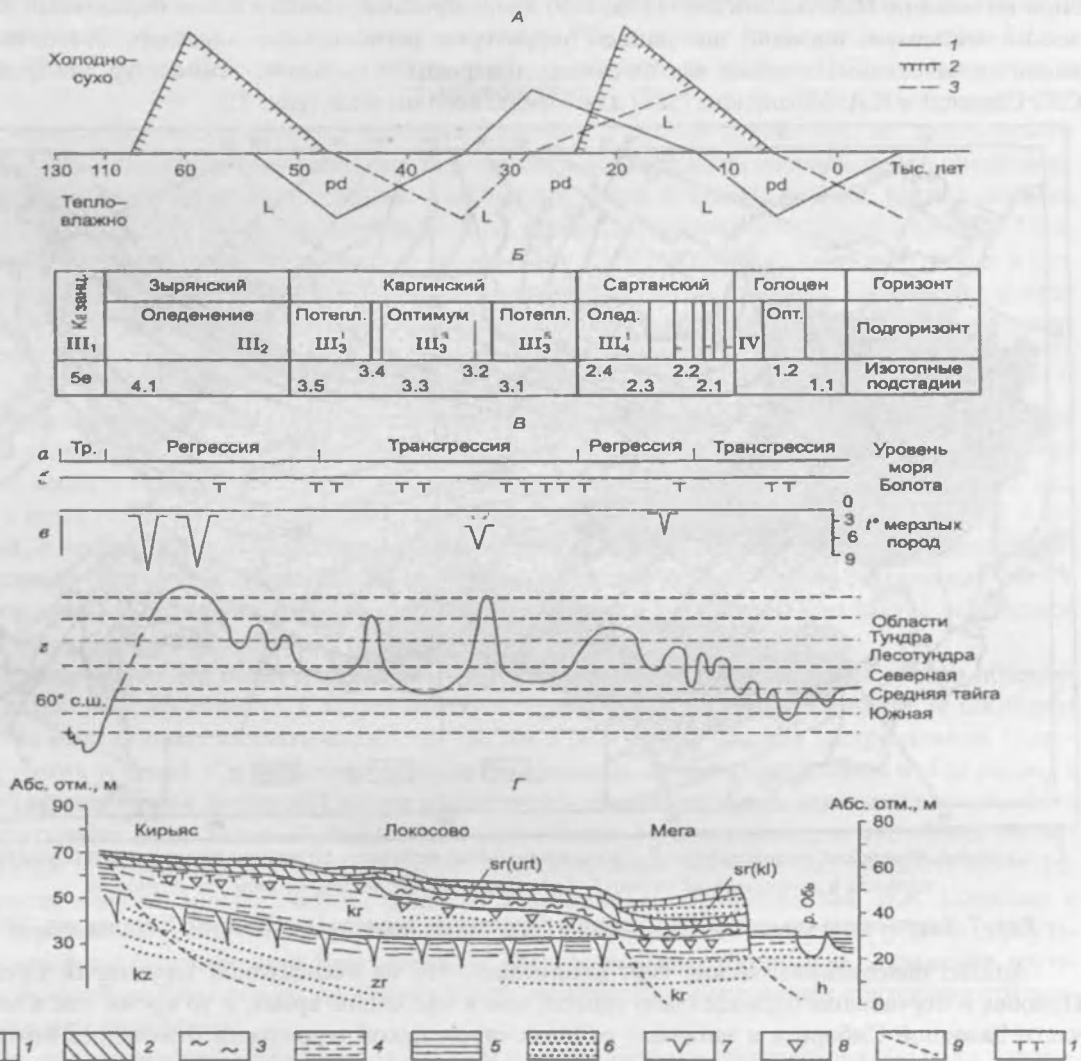
В дриасе во время похолоданий тайга уступала место разнотравно-злаковым и маревополюнным ландшафтам тундростепей [12]. Выводы, представленные Архиповым, Волковой [41] состоят в том, что ландшафтно-климатическая последовательность палеогеографического хода событий в позднем плейстоцене полностью согласуется с теоретической кривой последнего предголоценового 40,7 тысячилетнего геологического ритма (рис. 6).

В течение голоцена (последние 10,3 тыс. лет) на территории Среднего Приобья также происходили крупные естественные климатические изменения ритмического характера, влекущие за собой смену границ зон и растительных группировок. Причем климатические колебания в послеледниковье имели сложный, пульсирующий и неоднородный характер в различных районах Западно-Сибирской равнины.

Климат не всегда менялся плавно и постепенно, отмечались резкие переломы. Впервые это было отмечено В.Н. Сукачевым [166]. Затем Н.Я. Кац и С.В. Кац [80,81] выделили в послеледниковой истории севера Западной Сибири периоды климатических оптимумов и похолоданий. Аналогичное подразделение голоцена Западной Сибири проведено Н.В. Кинд [83], которая выделила переход между теплым и холодным этапами голоцена на атлантико-суббореальном рубеже (4500 лет назад).

Исследования, выполненные Н.А. Хотинским [176,177,178] показывают, что в рамках голоцена переломы в изменении климатических показателей в Западной Сибири наиболее четко проявились на четырех рубежах: 1) поздне-послеледниковом (около 10300 лет назад), когда

глубокая температурная депрессия последнего оледенения сменилась потеплением и смягчением континентальности; 2) бореально-атлантическом (около 8000 лет назад), синхронным с новосанчуговским похолоданием; 3) атлантико-суббореальном (около 4500 лет назад), 4) в последней трети суббореального периода (SB-3/ SA-1, около 2500 лет назад), когда климат снова стал меняться в сторону похолодания.

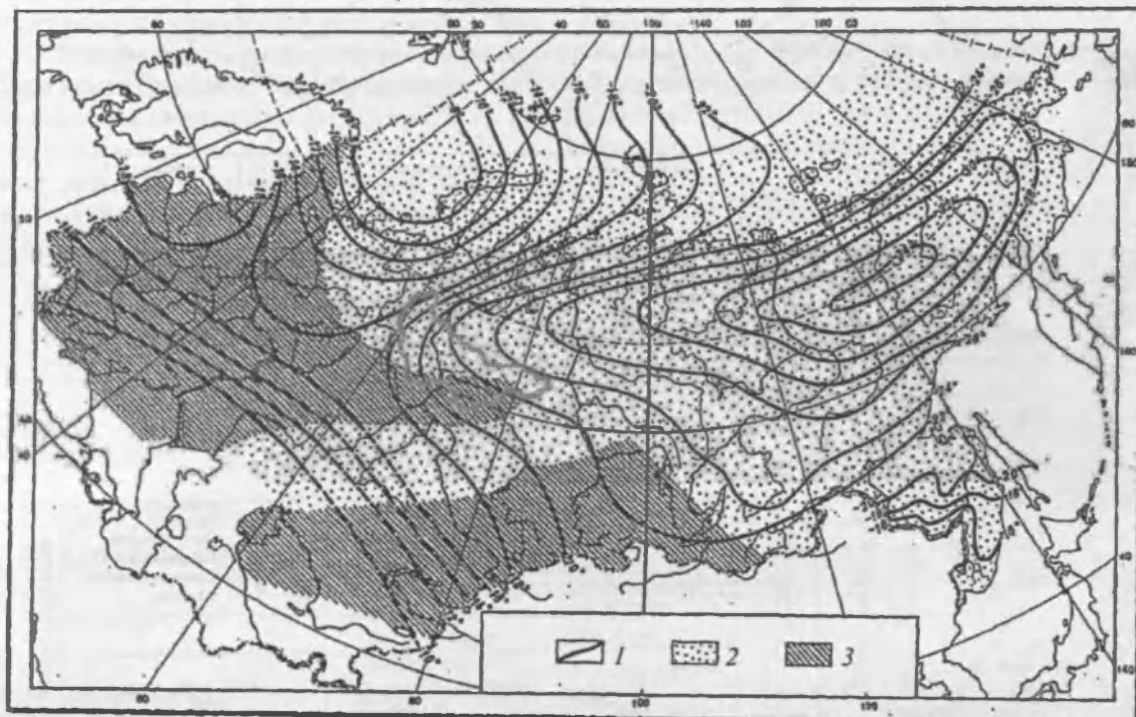
А – теоретическая схема 40,7-тысячелетнего ритма конца позднего неоплейстоцена (Максимов, 1972): 1 – ход макропроцесса; 2 – покровные оледенения; 3 – изменения увлажненности. L – лессы; pd – палеопочвы. Б – хронология подгоризонтов конца позднего неоплейстоцена (Кинд, 1974; Архипов, 1989а); В – палеогеография: а – колебания уровня моря (трансгрессии и регрессии); б – заболачивание и частота торфяных слоев; в – палеотемпературы мерзлых пород г – ландшафтно-климатические области по палиноспектрам (Левина, 1979; Кривоногов и др., 1993); Г – строение позднеплейстоценовых террас Средней Оби: 1 – лессовидные и 2 – бурые суглинки; 3–5 – глины; 6 – пески; псевдоморфозы по повторно-жильным льдам: 7 – крупные, 8 – многоэтажные; 9 – врезы раннезырянский, конощельский (предсартанский), голоценовый; 10 – торф. Индексы комплексов: kz – казанцевский; зг – зырянский; kr – каргинский; sr – сартанский; sr (kl) – колпашевские, sr (ur) – уртамские слои; h – голоцен.

Рис. 6. Эволюция природной среды Среднего Приобья в рамках 40,7-тысячелетнего ритма [по Волковой, Архипову, Бабушкину, 41]

В.А. Климановым [188] на основе изучения экологии растений, выявленных при палеоботанических анализах, составлена хронология климатических изменений для территории северной и средней тайги Западной Сибири в голоцене и выявлены экстремумы похолоданий (около 9500, 8200, 7300, 6400, 5100, 3600, 3100, 2500, 1500, 1200, 700, 500, 100 лет назад) и экстремумы потеплений (около 10000, 8500, 7600, 7150, 5500, 4800, 3800, 2700, 2000, 1300, 1000, 600, 150 лет назад).

В пределах голоцена, по мнению ряда авторов [130; 84; 179; 39] можно отчетливо выделить три термических максимума: бореальный (8300–8900 лет назад); позднеатлантический (4700–6000 лет назад); и среднесуббореальный (3200–4200 лет назад).

Причем, если позднеатлантический термический максимум считается общерегиональным «климатическим оптимумом голоцена» для всей Северной Евразии, то для севера Западной Сибири по мнению Н.А. Хотинского [176; 179] яснее прослеживается именно бореальный термический максимум, носящий для данной территории региональный характер. Это отчетливо видно на палеоклиматических картах-схемах январских и июльских температур, построенных С.С. Савиной и Н.А. Хотинским [181] для бореального периода (рис. 7).

1 – изолинии январских температур; 2 – положительные величины разности температур бореального периода и современной эпохи; 3 – отрицательные величины той же разности

Рис. 7. Карта-схема январских температур в бореальном периоде [по Савиной, Хотинскому, 181]

Анализ палеоклиматических карт показывает, что на исследуемой территории Среднего Приобья в бореальном периоде было теплее, чем в настоящее время, в то время, как в южной части Западной Сибири и в западных районах европейской территории отмечалось похолодание.

Также свои региональные особенности имел характер климатических изменений на бореально-атлантическом рубеже (около 8000 лет назад). В отличие от соседних территорий в континентальных районах Сибири, в том числе и Среднеобском регионе, с наступлением атлантического периода произошло понижение теплообеспеченности, сопровождаемое уменьшением годовой нормы осадков. В дальнейшем в позднеатлантическую фазу голоцена установилось господство западного переноса воздушных масс из Атлантики, которые проникали вглубь Западной Сибири значительно дальше и дольше, чем в предшествующее или последующее время. В этот период (5000–6000 лет назад), названный «климатическим оптимумом голоцена», повышение палеотемператур (особенно январских) на севере Западной Сибири было максимальным по сравнению с другими регионами Северной Евразии [28].

За последние 2500 лет (субатлантический период) в Среднем Приобье, как и на всей территории Западной Сибири, происходили неоднократные колебания климата. С этого времени началось ухудшение климата в сторону более холодного и влажного, продолжающегося с колебаниями, с кратковременными потеплениями до наших дней. В субатлантическом периоде отмечался малый климатический оптимум (1000–1100 лет назад) с превышением значений среднегодовой температуры на 1–1,5 °С, но он уступал по амплитуде потепления как бореальному, так и атлантическому оптимумам. В периоды похолоданий (2370±70, 1400–1200 и 600–800 лет

назад) отмечалось понижение температуры июля на 1,5–2 °С. Отклонение температур января шло в таком же направлении. Среднегодовая сумма осадков была выше на 100 мм [61]. Последнее наиболее существенное похолодание климата 600–800 лет назад, известное как малый ледниковый период, зафиксировано в различных источниках и подробно рассмотрено в трудах Т.Н. Жилиной [66,67] и А.М. Малолетко [116].

В Малой ледниковой эпохе климатологи четко выделяют три фазы, заметно различающиеся по тепловлагообеспеченности и структуре погод. «Нисходящая» фаза началась в конце XIII – начале XIV в. с пиком в период с 1550 по 1600 гг., «ядро» – с 1600 по 1800 гг. (возможно, с 1650 по 1800 гг.), «восходящая» фаза – с 1800 по 1850 гг. Переход от «фаз» к «ядру» и от «ядра» к «фазе» был постепенным, временные границы – приблизительными, не отмеченными резкими климатическими изменениями. Повсеместно похолодание сопровождалось увеличением экстремальных природных условий: наводнений, засух в теплые сезоны, ранних холодов осенью, суровых зим, возвратов холодов весной, продолжительных дождливых периодов. Максимум похолодания пришелся примерно на середину XVII в. Относительное потепление в Малую ледниковую эпоху произошло в начале следующего, XVIII столетия. Повышение увлажненности сопровождалось разливами рек и наводнениями, о которых встречаются упоминания, а именно о разливах Иртыша у Тобольска, принесших убытки и разорения в 1636, 1640, 1739, 1761, 1781, 1784, 1794, 1798, 1811, 1824, 1835 гг.

Обобщив известные по источникам результаты наблюдений природных условий «ядра» Малой ледниковой эпохи, Т.Н. Жилина [67] пришла к выводу, что зимы были длительнее и морознее; весна – более короткой, но достаточно «дружной»; лето – коротким, достаточно теплым, в иные годы жарким и обычно сухим; осень – более длительной, чем весна, сырой и холодной, с частыми дождями, ранними заморозками и даже снежными метелями. Вегетационный период был короче современного не менее чем на три недели, за счет сокращения теплой (безморозной) части года. Переходное время нисходящей и восходящей фаз Малой ледниковой эпохи было крайне неустойчивым по метеорологическим условиям.

Примерно 300 лет назад начался современный этап, характеризующийся общим потеплением и аридизацией климата. Следует отметить также существенное возрастание за последнее столетие межсезонных климатических контрастов и рост повторяемости экстремальных гидро-термических условий. Статистическим анализом временных рядов установлено, что за период с 1891 г. на территории Западной Сибири обозначилась общая тенденция усиления аномальности температурного поля. Таким образом, с XIX века в связи с наметившимся потеплением климат стал менее стабильным, более контрастным. Первопричиной усиления засушливости и экстремальности климата можно считать, согласно данным Ю.П. Переведенцева, Н.В. Колобова и М.А. Верещагина [139], общий значительный рост повторяемости восточной формы циркуляции атмосферы (по типизации Вангенгейма – Дзердзеевского – Гирса) при сохранении достаточно высокой частоты формы меридиональной циркуляции и сокращении повторяемости циркуляции западной формы.

На основе палеогеографического анализа количественных общерегиональных характеристик палеоклиматов Западной Сибири, реконструированных Н.А. Хотинским и С.С. Савиной [181], хронологии климатических изменений для территории северной и средней тайги Западной Сибири [Климанов, 188], хода кривых теплообеспеченности и увлажненности [Архипов, Волкова, 13] нами построены историко-геоэкологические схемы на основные периоды голоцена (приложение, рис. 2–5).

Таким образом, проведенные нами реконструкции свидетельствуют о совмещении теоретической кривой ритма голоцена с установленной последовательностью главных событий конца позднего плейстоцена – голоцена в центре Западной Сибири. Это дает нам основания считать, что история эволюции природной среды в Среднеобском регионе представляет собой историю ландшафтно-климатических изменений, носящих закономерный ритмический фрактальный характер.

Глава 3. КОЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ

3.1. Поздний плейстоцен – ранний голоцен

3.1.1. Эпоха палеолита

Проблема первоначального заселения территории Среднего Приобья до сих пор является дискуссионной. Объясняется это тем, что пока нет выполненных с достаточной полнотой обобщающих исследований по палеогеографии, исторической географии, палеоэкологии данного региона, а антропологические и археологические исследования находятся еще в стадии накопления материала. Не до конца разработаны вопросы первоначального заселения региона, характера и интенсивности их освоения на ранних периодах истории. Лучше исследованы западная и, отчасти, центральная части региона, что же касается его восточной части, то здесь еще немало «белых пятен».

До настоящего времени в археологических источниках подробно описаны поселения верхнего палеолита, расположенные главным образом в южной части Западно-Сибирской равнины: Шикаевка (Курганская обл.), Частоозерье (Омская обл.), Волчья грива (Новосибирская обл.), Томская и Могочино (Томская обл.). Самый северный палеолитический комплекс находится на восточном склоне Урала в районе пос. Гари (Свердловская обл.) (59° 25 с.ш.). Все обнаруженные палеолитические местонахождения связаны с так называемыми «кладбищами мамонтов», которые являлись своеобразными опорными точками продвижения немногочисленных групп палеолитического населения при освоении новых территорий. Гораздо большее количество стоянок раннего палеолита (так называемого мустьерского человека) открыто в пограничных с Западной Сибирью горных районах Урала, Алтая и Восточной Сибири, а также в Казахстане. Освоение мустьерцами данных территорий видимо имело место в условиях влажного и теплого плейстоцена, связанного со временем каргинского межледникового (около 48–25 тыс. лет до н.э.). Все большее число сторонников среди ученых полувосточная точка зрения, что в Западной Сибири влажные (пльвиальные) фазы приходятся по времени на межледниковья, а аридные фазы на ледниковые периоды [13]. Когда же после каргинского межледникового наступило быстрое и сильное всеобщее похолодание, началась аридизация климата. Обводненность территорий Казахстана, Монголии и Средней Азии резко уменьшилась, что отчетливо показали работы М.Н. Клапчука [85], основанные на пыльцевых диаграммах. По-видимому, в связи с возрастающей аридизацией климата в более южных районах стада крупных травоядных животных – основа жизни палеолитического человека, стали продвигаться на север. Это послужило толчком к широкому освоению человеком бассейнов рек верхней Оби, среднего Иртыша и Тобола, а затем и более северных территорий.

Палеолитические памятники, обнаруженные в средней части Западно-Сибирской равнины, дифференцированы по хозяйственной ориентации, что, по мнению В.Т. Петрина [141], зависело от природных условий региона в конкретный период его посещения.

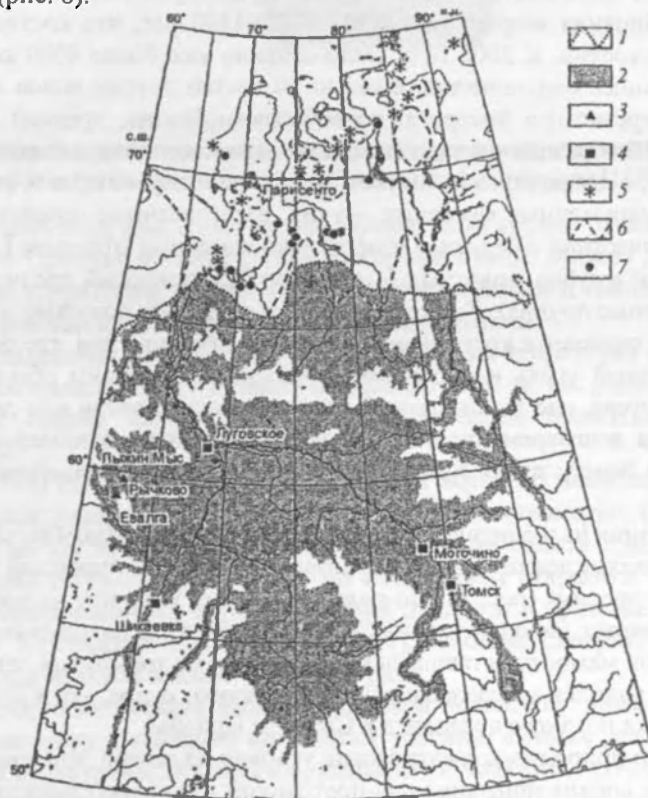
Значительная часть территории Западно-Сибирской равнины в позднеледниковье (12000–10300 лет назад) в условиях арктического сурового и резко-континентального климата (эпоха древнейшего дриаса) представляла собой безлесные пространства, занятые перигляциальными степями и тундровыми сообществами, по своей структуре близкими к перигляциальной растительности сартанского похолодания. Климат был исключительно холодный и сухой, среднегодовые температуры воздуха были ниже современных на 9–10°. Существовали три зональных типа растительности: 1) перигляциальная тундростепная растительность распространялась в северной части равнины до 63° с.ш., частично занимая север Сибирских Увалов; 2) к югу от Сибирских Увалов до 56° с.ш. расселялись различные ассоциации арктической тундры; южнее 56° с.ш. в приобьих частях равнины располагалась растительность, близкая к лесотундре [12].

Долгое время считалось, что на территории Среднего Приобья отсутствуют стоянки палеолитических людей, но имеются достаточно оптимистичные перспективы обнаружения памятников этой эпохи, поскольку здесь есть места, где в изобилии встречаются кости мамонта, неизменным спутником которого был палеолитический человек [49]. Преобладало мнение, что обнаружение памятников позднплейстоценового возраста севернее 60° с.ш. исключается

фактом наличия в центральной части Западной Сибири огромного подпруженного бассейна – Мансийского озера-моря [141].

Сторонники другой модели реконструкции природной обстановки в позднем плейстоцене допускают доступность отдельных районов Среднего Приобья для палеолитического населения. По мнению Г.В. Быковой и Н.Г. Смирнова [29], западносибирский Север имел возвышенный рельеф за счет сохранившихся придонных частей раннезырянского ледника, которые вплоть до конца плейстоцена могли на сотни метров возвышаться над современной поверхностью. Большого моря-озера не было, лишь отдельные подпружные водоемы располагались к югу от Полярного круга в переуглубленных долинах рек, сформировавшихся еще до наступления последнего сартанского оледенения вследствие падения уровня моря. Если же проследить по геологическим отложениям границы приледникового подпорного водоема и вычислить высокие в топографическом плане территории, свободные от воды, то можно очертить районы, где могут быть обнаружены следы человека верхнего палеолита. Такими перспективными районами наверняка могут являться территории Северо-Сосьвинской и Полуйской возвышенности, Белогорский материк и большие участки Северных Увалов.

На основании этой же гипотезы и анализа археологических находок последних лет А.А. Погодин [143] делает вывод, что в эпоху последнего оледенения возвышенные участки материковых образований севера Западной Сибири были доступны для заселения и отмечены обнаруженными в недавнее время местонахождениями палеолитических памятников. В пользу последней точки зрения говорят и противоречия в палеогеографической реконструкции покровного сартанского оледенения с обширным подпружным водоемом и расположением стоянок верхнего палеолита (рис. 8).

1 – граница сартанского покровного оледенения; 2 – подпружный озерный бассейн сартанского времени (по Волкову и др., 1978, см. Зольников, 2003). Ключевые даты с точки сартанского возраста максимума озерно-ледниковой трансгрессии; 3 – по местонахождениям мамонтов; 4 – по стоянкам древнего человека; 5 – местонахождения мамонтов с датами Каргинского возраста из толщ, не перекрытых ледниковыми образованиями на приморских низменностях; 6 – контуры казанцевской морской трансгрессии; 7 – ключевые местонахождения каргинских морских оложений в низовьях Оби

Рис. 8. Совмещенная карта-схема палеогеографической реконструкции покровного сартанского оледенения с обширным подпружным водоемом и расположения стоянок верхнего палеолита в Среднем Приобье [по Евсеевой, Жилиной, 61]

Очевидно, что освоение и заселение севера Западной Сибири было длительным по времени, неравномерным, волнообразным и зависело от ландшафтно-климатических изменений. В представленной теоретической схеме, увязывающей биогеографию человека с широким распространением биоты «мамонтной степи» и процессами освоения этих пространств человеком [Роланд, Синк-Марс, 149], высказано предположение, что колонизация Северной Евразии проходила в виде серии формационных стадий с эпох среднего плейстоцена и среднего палеолита, став возможной, благодаря постепенному освоению «культурных» (технологических, организационных, когнитивных) средств. Причем группы продвигающегося вдоль меридиональных осей населения были слабо связаны друг с другом, образуя волнообразную смещающуюся границу их распространения.

В последние десятилетия на территории Среднего Приобья открыто значительное число мест вымыва позднечетвертичной фауны. В 1993 году в ходе археологической разведки на реке Войкар (левый приток р. Оби) вместе с находками палеолитической фауны найдены каменные изделия мустьерского облика. Найденные материалы предварительно датированы концом верхнего палеолита – 14 тыс. лет назад [97]. Таким образом, обнаруженная стоянка Юган-Горт VI является на сегодняшний день самым северным местонахождением палеолитического человека в Западной Сибири.

В 1999–2001 гг. в 26 км к западу от Ханты-Мансийска открыто уникальное местонахождение мамонтной фауны – Луговскос, где помимо большого количества костей мамонтов и других животных было обнаружено первое в мире прямое свидетельство охоты человека на мамонта. Изотопная датировка фрагмента большой берцовой кости мамонта по радиоактивному углероду C14, которая была сделана в 2000 году в лаборатории геохронологии Геологического института РАН, установила возраст находки: 18520±1100 лет, что соответствует сартанской эпохе позднего плейстоцена. К 2002 году было собрано уже более 4000 костей мамонтов, составлявших подавляющее большинство, и около 50 костей других видов млекопитающих мамонтной фауны (шерстистого носорога, первобытного бизона, древней лошади, пещерного льва и др.). Возраст 12 образцов по радиоактивной датировке попадает во временной интервал от 16,5 до 11 тыс. лет, а две датировки соответствуют голоцену – 10,5 и 9,4 тыс. лет. Еще одним сюрпризом стали обнаруженные каменные орудия, изготовленные человеком: позднелитическая кремневая пластина с регушью и несколько каменных отщепов. Позднее в скоплении раздробленных костей и зубов животных был найден 271 каменный предмет (проколки, скребцы, резцы, долотовидные орудия). Также в промывке оказалось довольно много кусочков костного угля: в позднем палеолите кости использовали как топливо там, где было мало древесной растительности. Костный уголь и обожженные каменные пластины обычно нельзя найти на месте охотничьего лагеря, где люди провели всего несколько часов или дней, но, то и другое всегда встречается на долговременных поселениях, где человек занимался их изготовлением. Отсюда ясно, что на берегу ручья Безымянного была стоянка древнейших жителей Ханты – Мансийского округа.

Картину пребывания палеолитического человека в Среднем Приобье завершает найденный в 2002 году на местонахождении Луговском позвонков мамонта, пробитый вкладышевым наконечником копья или дротика (рис. 9). По радиоактивному углероду из костного вещества позвонка установлен возраст находки (около 13500 лет). До этой находки сама возможность подобного вида охоты на мамонтов ставилась под сомнение не только для Западной Сибири, но и для Европы. Данные находки убедительно свидетельствуют о том, что в Луговском находилась самая северная стоянка позднего палеолита в Среднем Приобье.

Если считать, что природно-климатические условия на севере Западной Сибири в позднем плейстоцене были не вполне пригодны для постоянной жизнедеятельности, то можно предположить существование в это время здесь кратковременных промысловых стоянок, памятников типа «мест добычи животных и их утилизации».

Луговская стоянка интерпретируется как место гибели мамонтов и ближайшим образом напоминает не только аналогичную ей по возрасту Томскую стоянку, но и ряд стоянок Северной Америки, получивших название kill-sites (место гибели). Постоянным поселением эта стоянка вряд ли являлась – во время палеолита человек вынужден был двигаться вслед за нищей, часто меняя свое местообитание. Общины палеолитических людей были очень немногочисленны и подвижны, большую роль в их жизни играла коллективная загонная охота на стадных животных. При этом они максимально использовали преимущества пересеченной местности на

равнинных пространствах приледниковых тундростепей. Используя огонь и примитивное оружие (камни, дровяные палки), люди либо подгоняли стада к круглым обрывам или глубоким оврагам, куда животные падали и разбивались. Либо загоняли их в илистые и болотистые места, где они увязали. Что же касается Луговского, как и других палеолитических стоянок (Черноозерье II, Волчья Грива), то находки единичных раздробленных костей других животных также свидетельствуют в пользу кратковременного охотничьего лагеря.

0 5 cm

Рис. 9. Общий вид грудного позвонка взрослой самки мамонта с отверстием, пробитым наконечником (местонахождение Луговское) [119]

Ввиду малого количества фактологических данных, пока трудно оценить степень освоения территории Среднего Приобья в конце палеолитической эпохи. Можно лишь предположить, что процесс освоения территории, очевидно, не был постепенным и последовательным, а проникновение сюда человеческих коллективов было эпизодическим.

При плотности населения один человек на 50–100 кв. км территория природопользования минимальной общины должна была составить от 1250 до 2500 кв. км. Величина и стабильность таких минимальных общин менялись вместе с изменением социальной и ландшафтно-климатической среды.

А.А. Погодин [143] считает, что открытие стоянок верхнего палеолита на левобережных притоках Оби и в предгорных районах северного Зауралья закономерно, поскольку маркирует путь проникновения на эту территорию человека верхнего палеолита с запада или юго-запада. Данный путь заселения аргументируется тем, что в Приуралье открыто и исследовано уже более 30 стоянок, имеющих широкий хронологический диапазон в пределах верхнепалеолитического времени [138]. Как считает Ю.Б. Сериков [160], освоение Северного Зауралья происходило в виде экспедиций из более южных районов Урала.

Таким образом, освоение севера Западной Сибири человеком эпохи позднего палеолита стало возможным благодаря изменению природных условий, а также дальнейшей прогрессивной трансформацией культурных механизмов, развитию и усовершенствованию специализированного охотничьего вооружения и в целом высокой степени адаптации к окружающей среде.

3.1.2. Эпоха мезолита

Более широкое и активное освоение и заселение Среднего Приобья и сопредельных территорий отмечается в раннеголоценовое время, в эпоху мезолита (10,3–8 тыс. лет назад). Одним из ведущих факторов этого процесса стало улучшение природно-климатических условий в пребореальном климатическом периоде. Наступление постледникового периода, или голоцена, ознаменовалось значительными изменениями природных условий на территории севера Западной Сибири. На рубеже позднеледниковой и послеледниковой эпох (10,3 тыс. лет назад) произошел резкий перелом в развитии природных условий в сторону улучшения потепления и

уменьшения континентальности климата. Н.А. Хотинский [176] определяет его как синхронный палеогеографический рубеж глобального масштаба. Началось формирование современной речной сети Западной Сибири. Экологические изменения после конца оледенения имели комплексный характер: менялись и температура, и влажность, а вместе с ними растительность и животный мир.

Медленное повышение температуры происходило в течение 600 лет в пределах первой климатической фазы пребореала (10300–9700 лет назад). По данным В.С. Волковой и Т.П. Левиной [39], в послеледниковый климат в Западной Сибири был еще достаточно суровым. В первой половине пребореального периода средняя температура июля составляла +11...+13 °С, января – –30 °С, среднегодовая – –6...–6,5 °С. Количество осадков было не очень велико – до 400 мм в год. Преобладающими типами ландшафтов являлись тундровый и лесотундровый. Во второй половине пребореального времени климат стал более влажным, но оставался холодным: средняя температура января равнялась –23...–27 °С, июля – +12 °С. В ксеротермическую фазу пребореала происходило заметное потепление климата. Постепенно исчезали перигляциальные гундростепи, а среди полярно-марсовых степных сообществ по водоразделам начали появляться березовые и сосново-березовые редколесья. Во второй половине пребореального периода в условиях все более теплого и влажного климата формировались елово-березовые и лиственнично-березовые редколесья.

Около 9700 лет назад началась вторая фаза потепления, пришедшая на бореальный период. Н.А. Хотинский и С.С. Савина [181] считают, что в целом в Сибири термический максимум бореального периода отличался самым значительным за весь голоцен ослаблением континентальности климата: зимой было теплее на 5 °С, а летом – холоднее на 1–2 °С, чем сейчас, осадков выпадало на 100 мм больше, чем в настоящее время (табл. 3).

Таблица 3

Климатические показатели бореального периода

Временные отрезки бореального периода	Средние температуры, °С		Среднегодовое кол-во осадков, мм
	января	июля	
Начало бореального периода (по Волковой В.С. и др., 1989)	–21 ... –23	13 ... 15	350 и менее
Вторая половина бореального периода (по Волковой В.С. и др., 1989)	–21 ... –22	13 ... 17	400–450
Хроносрез бореального периода (8500±300 лет назад) по С.С. Савиной и Н.А. Хотинскому (1982)	–16 ... –26	6–14 °С в северной половине равнины до 22 °С в южной	400–700 мм в северной половине и 400–600 мм в южной

В начале и середине бореального периода (9300–8700 лет назад) продолжалось повышение температуры и смягчение континентальности климата, которое сопровождалось изменением ландшафтно-растительных зон и сдвигом их границ к северу. В таежной зоне в бореальный период отмечается широкое распространение темнохвойных еловых лесов (рис. 10).

Граница лесной зоны в конце бореального – начале атлантического периода (8000–7700 лет назад) распространялась вплоть до широты Северного полярного круга, а современная лесотундра была занята лиственнично-еловыми редколесьями.

Во второй половине бореального периода (около 8710 лет назад) потепление сменилось наступлением холодной и влажной фазы климата. В Западной Сибири с серединой бореального периода связано начало интенсивного образования болот и непрерывного торфонакопления (рис. 11). Заболочивались, прежде всего, постледниковые мелководные водоемы, формировались древесно-травяно-моховые болота в древних ложбинах стока, термокарстовых котловинах и в других понижениях рельефа. В целом же, по данным палеоботаников, заболоченность водораздельных пространств не превышала 5%, т.е. площадь территорий, занятых болотами, была на порядок ниже современной.

Таким образом, на севере Западной Сибири первая половина голоцена характеризовалась более высокими, по сравнению с современными, температурными показателями. Дальнейшее улучшение климатических условий вызвало широкое распространение еловых, смешанных и сосновых лесов, которые образовали северную, среднюю и южную тайгу.

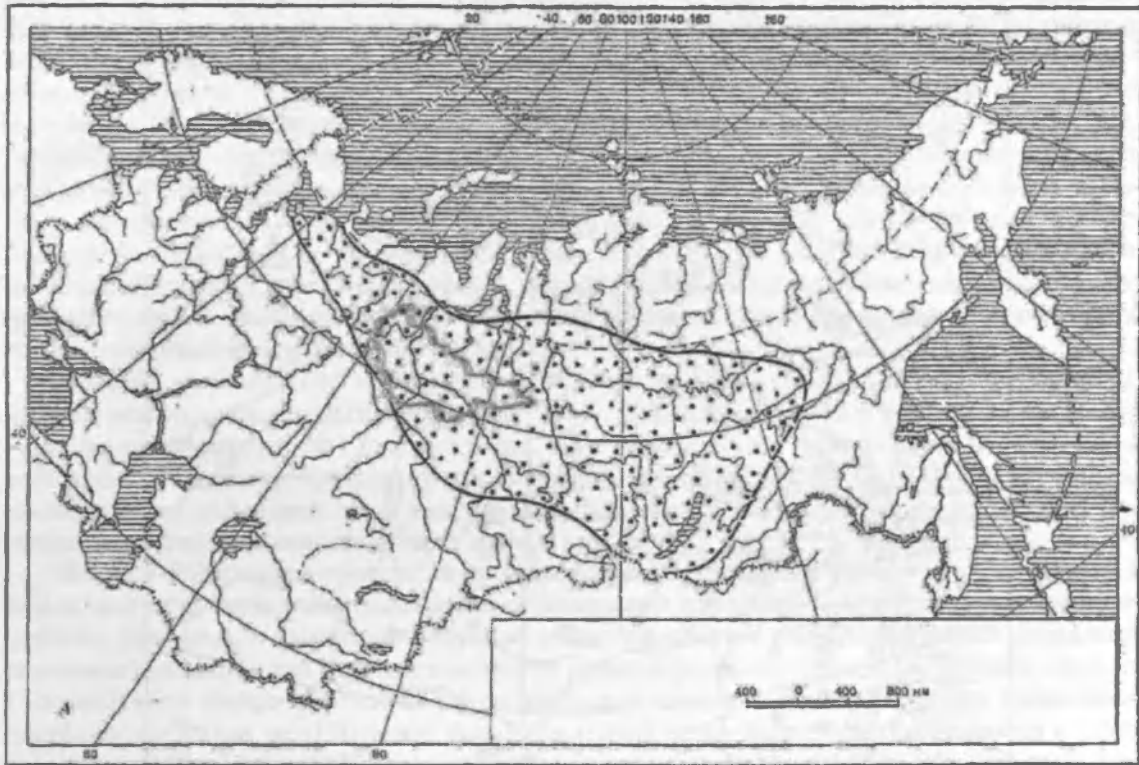

Рис. 10. Области наибольшего распространения темнохвойной еловой тайги в бореальном периоде [по Н.А. Хотинскому, 176]

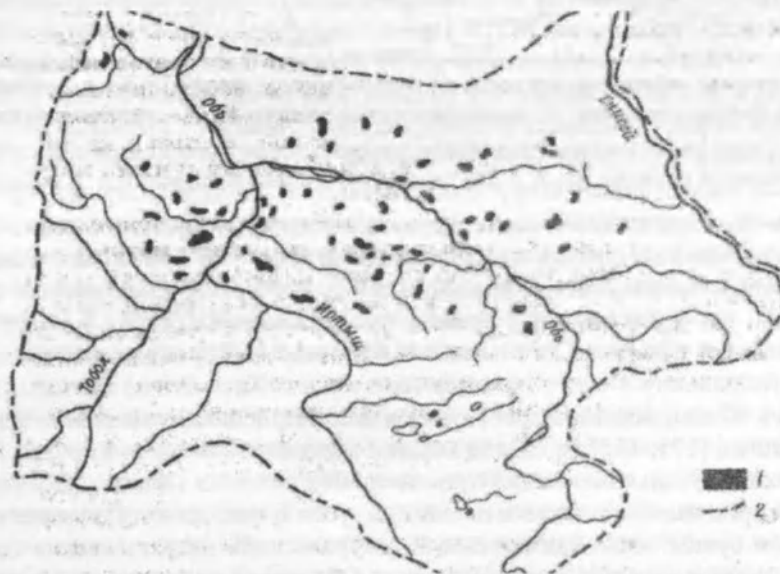
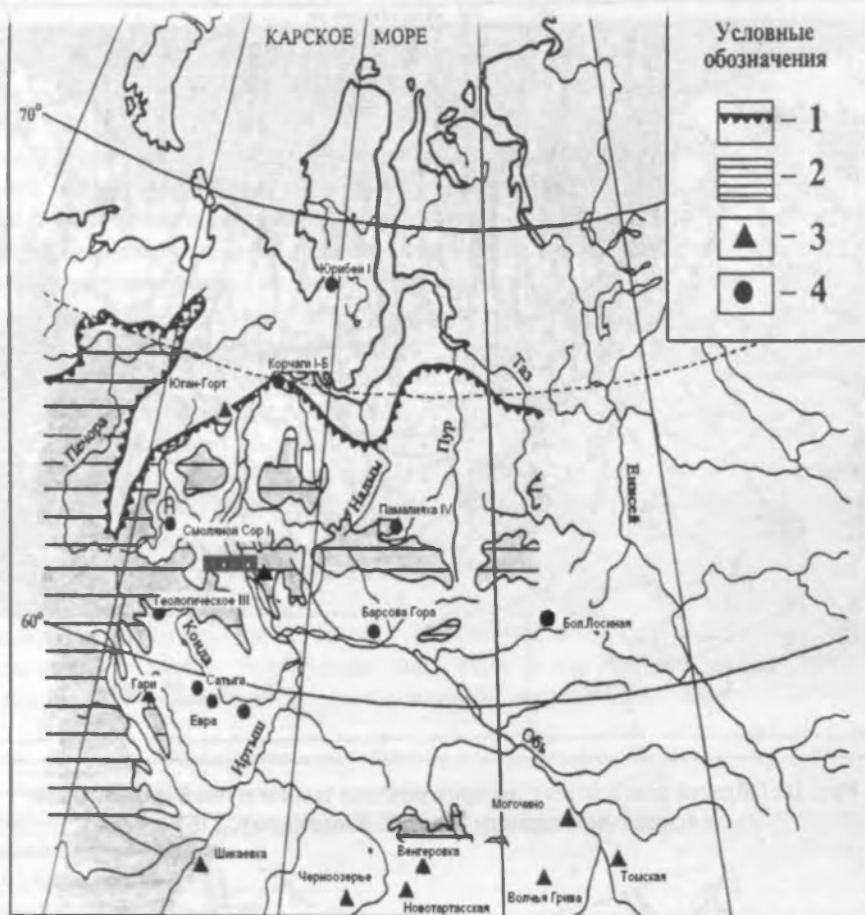

Рис. 11. Размещение болот в центральной части Западной Сибири в бореальном периоде (8000–9500 лет назад) [по О.Л. Лисс и др., 110]

Начавшийся во второй половине 9 тысячелетия до н.э. значительный сдвиг на север ландшафтных зон означал, что человеком могли быть заселены те регионы, которые ранее были для него недоступны. С изменением климата и появлением лесов территория Среднего Приобья стала пригодной для обитания человека. Мезолитическое время представлено значительной серией памятников. Больше всего их открыто в бассейне реки Конды (около 40 стоянок и поселений). Единичные мезолитические памятники открыты на р. Сев. Сосьва (Смоляной Сор I), в Сургутском Приобье (Барсова Гора II/25), в верховьях р. Пур (Памалияха IV) (рис. 12).

1 – граница ледниковых покровов в позднезырянское время; 2 – суша, пригодная для обитания древнего человека; 3 – палеолитические памятники; 4 – мезолитические памятники

Рис. 12. Схема расположения памятников позднего палеолита и мезолита на территории Западно-Сибирской равнины (по А.А. Погдину [143]; с дополнениями Б.А. Середовских, 2006)

По технико-типологическим характеристикам каменной индустрии и радиоуглеродным датам эти археологические памятники датируются возрастом $8900-9500 \pm 100$ лет назад [143].

Местонахождение большинства мезолитических поселений в основном в западной части региона отражает, как представляется процесс продвижения населения лесного Зауралья в таежную зону Западной Сибири. Как отмечал М.Ф. Косарев [92] «надвигание» мезолита на Западно-Сибирскую равнину – с юга на север (со стороны Казахстана) и с запада на восток (со стороны Урала) в общем, подтверждает гипотезу В.Н. Чернецова, о заселении этих территорий.

Л.П. Хлобыстин [174; 175] на основе анализа материалов стоянки Корчаги I-B и мезолитических памятников Зауралья проследил путь заселения низовьев Оби из Среднего Зауралья. По его мнению, это произошло не позднее последней трети 6 тыс. до н.э. По мнению А.А. Погдина [143], вряд ли существовал единственный «зауральский» путь заселения севера Западной Сибири: левобережные притоки нижнего течения Оби могли заселяться как с зауральской, так и с приуральской стороны Уральского горного хребта. В качестве аргумента, подтверждающего эту гипотезу, приводится тот факт, что к западу от Северного Урала, в бассейне Печоры и Большеземельской тундры, открыты мезолитические памятники, датируемые в рамках 7–5 тыс. до н.э. [36]. Отметив близость по ряду показателей каменной индустрии памятников средней Конды с комплексом позднепалеолитической стоянки Черноозерье II (Омская обл.), Е.М. Беспрозрачный [21] предположил, что заселение таежной зоны Западной Сибири могло проходить в период позднего палеолита и раннего мезолита из лесостепной зоны, вдоль реки Иртыш.

Сложнее обстоит дело с центральной и восточной частями Среднего Приобья. Мезолитические памятники здесь единичны, а на востоке неизвестны совсем. В ряде работ Л.П. Хлобыстиным [173; 175] высказано мнение о том, что «северо-восточные районы были заселены сравнительно поздно, поскольку влажность климата в конце бореального периода превращала

Западно-Сибирскую низменность в труднопроходимый рубеж для этнических перемещений». Вместе с тем, А.А. Погодин [143] отметил, что в материалах стоянки Памалияха IV (верховья р. Пур) обнаружены изделия, сходные по своим технико-морфологическим характеристикам с изделиями стоянки Тагенар VI, входящей в западный ареал распространения сумнагинской мезолитической культуры (Восточная Сибирь). Исходя из этого, он не исключает, что в мезолитических комплексах центрального и восточного ареалов севера западной Сибири, могут присутствовать некоторые элементы материальной культуры населения Восточной Сибири. Кроме того, обнаружение в сентябре 2006 года экспедицией Нижневарттовского государственного университета в верхнем течении р. Вах стоянки в устье протоки Большая Лосиная с артефактами неолитического и, предположительно, мезолитического возраста также позволяют сделать предположение о возможных восточных и юго-восточных векторах заселения Среднего Приобья с территории Восточной Сибири [156].

Следует отметить, что в Западной Сибири эпоха мезолита продолжалась значительно дольше, чем на сопредельных территориях Урала, Восточной Европы и Средней Азии и охватила временной отрезок 10–6 тыс. лет назад. Но и здесь культура палеолита, основанная на выработанных в палеолите приемах охоты, сменилась культурой другого типа. В ходе глобальных климатических изменений люди адаптировались к новым природным условиям, изменяя экономику, материальное производство и образ жизни.

В конце плейстоцена произошли крупные изменения в растительности и ландшафтах, вымерли многие из гигантских травоядных, составлявших характерную черту фауны ледникового периода. Вероятно, к вымиранию крупных растительноядных животных привело уникальное сочетание климатических условий и ответной реакции растительности на потепление климата. С потеплением тундростепи стали заболачиваться и зарастать мхами, а с юга на травянистые пастбища наступали леса. Площадь кормовых угодий резко сократилась, это привело к исчезновению сначала крупных травоядных, а затем и хищных животных. Некоторые виды (северные олени, песцы, лемминги, овцебыки) сумели приспособиться к новым условиям, сократив и изменив ареалы обитания. Таким образом, раннеголоценовое потепление вызвало распад старых ареалов распространения млекопитающих мамонтовой фауны и сформировало новые.

Исчезновение крупных млекопитающих привело к появлению новых способов охоты, приспособлений и орудий труда, новой технологии их изготовления. В связи с изменением природных условий в центре внимания мезолитических охотников оказались животные, жившие поодиночке или небольшими группами. Обладая луком и стрелами, человек мог вести промысел в одиночку и добывать как крупного и мелкого лесного зверя, так и водоплавающую дичь. Широко стали применяться западни, ловушки и силки. Специализированная охота на стадных животных, характерная для верхнего палеолита, стала почти невозможной, за исключением самых северных областей, в которых сохранилась коллективная загонная охота на северного оленя.

По сравнению с палеолитом мезолитический человек полнее использовал окружающие его природные ресурсы. Хотя присваивающий характер хозяйства в мезолите Западной Сибири сохранялся, наметилась специализация охоты и рыболовства. Хозяйство мезолитического населения Западной Сибири имело выраженную охотничье-рыболовческую направленность. Заболоченность водораздельных пространств в северной средней и южной тайге в этот период не превышала 5% территории и имела очаговый характер [110]. На месте нынешних болот находились остатки ледниковых мелководных озер, изобиловавшие рыбой и притягивающие огромные стаи водоплавающих птиц. Рыболовство, отмеченное редкими находками на поселениях верхнего палеолита, приняло в мезолите уже регулярный характер и в определенных местах могло преобладать над охотой. Считается, что рыболовство на территории Среднего Приобья зародилось в конце плейстоцена. Основной причиной его появления было глобальное изменение климата в бореальном периоде и, как следствие этого, сокращение или исчезновение большинства видов крупной мамонтовой фауны, появление многочисленных водоемов и мелкой фауны, что потребовало совершенствования уже существующих занятий и поиска новых. В эпоху раннего голоцена рыболовство, хотя и не одновременно в разных районах Среднего Приобья, превращается в самостоятельную отрасль хозяйства. С этим периодом связывается усовершенствование имевшихся орудий труда и изобретение сети [197].

С мезолитом связаны также дальнейшие принципиальные изменения в технике изготовления каменных орудий труда, именно в мезолите появилась и достигла своего расцвета так называемая вкладышевая техника изготовления орудий. Примечательно, что мезолитический

человек впервые научился делать орудия таких форм и размеров, которые не зависели теперь от размеров исходного материала, т.е. от камня.

Наиболее ярко мезолитическую индустрию на территории Западной Сибири представляют материалы памятников, исследованных в бассейне реки Конды. Здесь обнаружены резцы, ножевидные пластины, скребки, ручные рубила (нуклеусы). Среди рубящих орудий выделяются гопоры-тесла с «ушками», сходные с подобными изделиями мезолита Восточной Сибири (сумнагинская культура) [21]. Они интересны тем, что встречаются не только в бассейнах Конды и Северной Сосьвы, но и далеко за пределами Западной Сибири – от Карелии на западе до бассейна Лены на востоке. Такая рассеянность сходных по форме орудий по столь обширной территории может быть объяснена либо наличием связи между северными европейцами и сибиряками эпохи мезолита, либо вероятными путями заселения Среднего Приобья [142].

Находки достаточно большого количества поселений свидетельствуют о плотном заселении юго-западной части Среднего Приобья с середины 7 тыс. до н.э. А.А. Погодин [143], отмечая высокий уровень домоустройства, разнообразие типов построек и развитую каменную индустрию изготовления орудий, констатирует, что у населения Среднего Приобья в конце мезолита уже сложился необходимый адаптивный механизм жизнеобитания в окружающей природной среде.

Отсутствие памятников раннего мезолита свидетельствует о позднем освоении Среднего Приобья в рамках мезолитической эпохи. Возможно, пришедшее сюда население ранее проживало в сходных природно-климатических условиях и обладало навыками домостроительства, имело высокий уровень техники обработки камня, который с успехом был применен к местному галечному сырью. А поскольку выходы галечников на территории Среднего Приобья достаточно ограничены и локализируются приуральской частью и Сибирскими Увалами, то и местонахождение стоянок и поселений мезолита чаще встречаются в этих районах.

Большинство обнаруженных в среднем Зауралье сезонных стоянок, датированных мезолитом, располагалось по берегам проточных озер. Долговременные стоянки располагались там, где более всего удобно заниматься рыболовством: у мест впадения в озеро или вытекания из него небольшой реки. По рекам же фиксируются только сезонные стоянки. Подобное расположение позволило исследователям высказать предположение, что в хозяйстве древнего населения берегов озер имели место повторяющиеся циклы [158]. Аналогичная картина наблюдается и на Конде, где также преобладали сезонные селища и кратковременные стоянки рыболовов и охотников [25]. На средней Конде выявлена стоянка раннего мезолита Сатыга XVII, топографическое положение которой существенно отличается от ранее известных стоянок позднего мезолита. Она находится на высокой (7 м) террасе проточного озера бассейна р. Евра, в то время как другие мезолитические поселения расположены на мысах или мысовидных выступках более низких (2–4 м) террас. В этой связи А.А. Погодин [143] предполагает, что многие ранне-мезолитические памятники были перекрыты озерно-болотными отложениями, поскольку с бореальным периодом связано начало интенсивного образования болот в Западной Сибири и непрерывного торфонакопления.

Как и в палеолите, основной ячейкой социальной организации общества в мезолите оставалась община, насчитывающая несколько десятков человек и состоящая из отдельных семей. Предполагают, что такая община была патрилинейной и патрилокальной и, видимо, экзогамной. В условиях Среднего Приобья общины в эпоху мезолита, скорее всего, представляли собой малые группы людей, ведущих довольно подвижный образ жизни. Они передвигались по территории в зависимости от времени года и сезонного изобилия средств существования. Поскольку мезолитическое население эксплуатировало в течение года различные экологические зоны внутри своей экономической территории, система поселений варьировалась в зависимости от сезона года.

Материалы археологических комплексов бассейна р. Конды показывают, что люди, жившие на средней Конде, строили полуземлянки, состоящие из одного помещения, а население, обитавшее на верхней Конде (поселение Геологическое III на р. Эсс), сооружали более сложные двухкамерные жилища, соединенные между собой тамбуром – переходом. Одна из построек, более углубленная в грунт, являлась, видимо, жилым помещением, а другая выполняла роль хозяйственной постройки, где хранились необходимые вещи и орудия. Появление подобных домов расценивается как важное свидетельство того, что в мезолите возникли предпосылки для сложения хозяйства оседлых охотников и рыболовов [143].

Общее количество населения в Среднем Приобье в эпоху мезолита, несомненно, увеличилось, если судить по увеличению количества поселений, особенно в позднем бореале (ВО-3) в связи с более комфортными климатическими условиями. Однако, в мезолите общины, по всей видимости, были меньше, чем в верхнем палеолите. Это зависело от характера хозяйственной деятельности – от диверсификации хозяйства при более стабильных и надежных ресурсах. Изменения в экономике, в свою очередь, повлияли на образ жизни и характер поселений мезолитических обитателей Среднего Приобья, на величину охотничьих общин.

В свое время В.Н. Чернецов [184; 188] высказал мысль, что сложение этносоциальных обществ, входящих в круг уральской языковой семьи было следствием продвижения в мезолитическую эпоху на территории, прилегающие к Уральскому хребту, южного населения – из Приаралья и, возможно, Прикаспия. Придя на север, оно ассимилировало палеоазиатское абригенное население, результатом чего и явилось сложение уральской (протофинно-угорско-самодийской) общности.

Внутренние масштабы уральской прародины, как она представляется в свете новых данных, предполагают существование на ее территории многих родственных этнических (и, соответственно, археологических) культур, уходящих корнями в эпоху первичного заселения Северной Евразии [165]. Дальнейшее расселение уральской общности на север, восток и запад привело к расширению ареала этой общности и затем к ее распаду, произошедшему гораздо позднее [188; 190].

Что же касается мезолитического населения Среднего Приобья то произвести его этническую и расовую идентификацию, ввиду отсутствия палеоантропологического исходного материала, можно лишь на основе косвенных данных, опираясь на отмеченные выше тенденции. Ввиду ограниченности источников ученые пока не выделяют в этот период каких-либо этносоциальных сообществ, разве что отмечают разность культурного облика мезолитических археологических комплексов бассейна Конды и среднеуральских. Следует отметить, что известные в настоящее время памятники Среднего Зауралья относятся к поздне-мезолитической среднезауральской культуре. В то же время, как считает Ю.Б. Сериков [160], присутствие палеолитических стоянок на всем протяжении Урала и широкое распространение мезолитических памятников на той же территории позволяют выдвинуть гипотезу о местном происхождении среднезауральской мезолитической культуры. По мнению Е.М. Беспрозванного [21] существуют косвенные свидетельства об одновременном существовании и развитии среднезауральской и среднеобской (западный ареал) мезолитических культур, более того, некоторые черты своеобразия западно-приобских комплексов, при отсутствии в них специфических признаков окружающих (в том числе южных) культур, позволяют рассматривать их как особый ареал развития мезолитической культуры. А.А. Погодин [143] не исключает, что в мезолитических комплексах центрального и восточного ареалов Среднего Приобья могут присутствовать некоторые элементы материальной культуры населения Восточной Сибири (сумнагинская мезолитическая культура).

Таким образом, есть все основания считать, что мезолитические комплексы, оставленные населением в Среднем Приобье, представляют собой звенья «длинной цепи близких по облику каменного инвентаря раннеголоценовых культур Северной Евразии» [Мочанов, 127, с. 250].

Завершая характеристику мезолита, отметим, что в это время возникли предпосылки для более полного освоения человеком природных богатств, шло становление высокопродуктивного общинного хозяйства охотников и рыболовов. Благоприятные климатические условия послеледникового периода и увеличение количества добываемой пищи неизбежно вели к росту численности населения, которое здесь обитало. По всей видимости, плотность заселения отдельных северных территорий в этот период была неодинакова. Южные части таежной зоны Среднего Приобья, как и сопредельных территорий осваивались раньше, здесь происходило формирование адаптивных культурных механизмов. Как далеко продвинулся человек мезолитической эпохи на север равнины, сказать трудно, поскольку степень заселенности северной и восточной части Среднего Приобья пока остается неизвестной, ввиду недостаточной изученности этих районов. Можно лишь утверждать, вслед за А.А. Погодиным [143], что в конце мезолита человек продвинулся за широту Полярного круга, о чем свидетельствуют материалы стоянок Корчаги I-Б и Юрибей I на Ямале.

3.2. Средний голоцен

3.2.1. Эпоха неолита

С историко-археологических позиций средний голоцен синхронизируется с последним этапом эпохи камня – неолитом (8,0–4,5 тыс. лет назад), промежуточным этапом от камня к бронзе – энеолитом (ок. 4,5–4,0 тыс. лет назад) и бронзовым веком (4,0–2,8 тыс. лет назад). Следует отметить, что для территории Среднего Приобья и сопредельных территорий Урала и Западно-Сибирской равнины характерна некоторая гетерохронность в наступлении и завершении сроков указанных исторических эпох, а также в их продолжительности. Причины гетерохронности связаны с воздействием как природных факторов (экстремальность среды проживания, бедность каменным и рудным сырьем), так и социально-экономических факторов.

С климатостратиграфической позиции средний голоцен подразделяется на два периода – атлантический и суббореальный. В континентальных районах (Среднее Приобье) с наступлением атлантического периода произошло понижение теплообеспеченности, сопровождаемое уменьшением годовой нормы осадков. По данным В.С. Волковой и Т.П. Левиной [39], климат таежной зоны Западной Сибири во вторую и особенно в третью фазы атлантикума был теплее на 3,5–4 °С и влажнее современного. Максимальное потепление за весь голоцен приходится на позднеатлантическую ксеротермическую фазу (АТ-3), называемую «климатическим оптимумом голоцена». Согласно данным палсоклиматической реконструкции, проведенной Н.А. Хотинским и С.С. Савиной [181], в северной и южной частях Западно-Сибирской равнины зимы были теплее современных. Так, в северной части равнины (севернее 60° с.ш.) январь был теплее на 1–2 °С. В июле было теплее на 1 °С в пределах всей центральной части Западной Сибири, а в высоких широтах отклонения температуры в июле проявлялись еще сильнее (табл. 4).

Таблица 4
Отклонения от современных значений температуры воздуха для севера Западной Сибири в период атлантического оптимума [по Волковой и др., 40]

Широты	Июль	Январь
70–75° с.ш.	+6...+7°	+1...+2°
66,5–70° с.ш.	+4°	
65–66,5° с.ш.	+3°	+2°
63–65° с.ш.	+2...+3°	
южнее 63° с.ш.	+1...+2°	

Колебания климатических условий на протяжении атлантического периода в большей степени отразились на характере развития лесной растительности. В первой половине атлантического периода на территории таежной зоны еловые леса были вытеснены смешанными сосново-березовыми лесами с незначительной примесью ели и пихты. В южной части полуострова Ямал появились северотаежные леса из лиственницы и кедра, а березовые редколесья продвинулись еще севернее до широты поселка Тамбей (71° с.ш.). Около 7500 лет назад после непродолжительного похолодания на Обь-Иртышском междуречье доминировали березовые леса с елью и пихтой. В южной части Среднего Приобья присутствовали полидоминантные хвойно-широколиственные леса. В долинах рек к ним примешивался вяз (*Vernus rumila*), который в оптимум атлантического периода продвинулся по долинам Оби и Иртыша до 70° с.ш. Таким образом, северная граница таежных лесов в атлантическом периоде продвинулась в пределы тундры на 200–400 км, а южная граница леса с лесостепью оставалась относительно стабильной (рис. 13).

Некоторое понижение теплообеспеченности и увлаженности в первой половине атлантического периода вызвало уменьшение линейной скорости торфонакопления и замедление болотообразования. Но во второй половине атлантикума потепление и увеличение гумидности климата вызвали новую волну болотообразовательного процесса, который перешел из локальной стадии в локально-региональную. Усилилась трансгрессия из очагов заболачивания на окружающие территории.

трофной стадий в олиготрофную, в южной части средней тайги – из эвтрофной в мезотрофную. В южной тайге болота ещё оставались в эвтрофной стадии развития.

Провинции: I – северотайжных бореально-атлантических слабовыпуклых олиготрофных сфагновых болот (1), II – среднетайжных бореально-атлантических слабовыпуклых олиготрофных сфагновых, плоских мезотрофных и эвтрофных древесно-травяно-моховых и травяно-моховых (2), III – южнотайжных бореально-атлантических плоских эвтрофных древесно-травяно-моховых, травяно-моховых и травяных (3). Границы: 4 – болотных провинций, 5 – центральной части Западной Сибири

Рис. 14. Размещение болот в центральной части Западной Сибири в атлантическом периоде (8000–4500 лет назад) [110]

Увеличение глубин летнего протаивания привело к оттаиванию сильнольдистых верхних горизонтов многолетнемёрзлых толщ и активизации термокарста. В дальнейшем происходило заболачивание термокарстовых озёр. Наряду с этим на юг продвинулась граница формирования сингенетических повторножильных льдов, одновременно происходила и деградация бугров пучения. Это было связано с увеличением глубин сезонного протаивания, которое, достигая сильнольдистых горизонтов в верхних частях разрезов бугров, вызывало прогрессирующий термокарст (рис. 15).

Начало эпохи неолита датируется на территории Среднего Приобья ок. 7 тыс. л.н. и приходится на вторую фазу атлантического периода (АТ-2). Это время так называемого «климатического оптимума» голоцена характеризуется прогрессирующим потеплением и ростом увлажнённости климата, что способствовало освоению более обширных, по сравнению с предыдущими периодами, пространств северной части Западносибирской равнины. Если в эпоху мезолита была заселена в основном только узкая полоса Северного Зауралья, примыкающая к Уралу, то позднелинитические археологические памятники встречаются практически по всей территории Среднего Приобья.

В эпоху неолита происходит массовое заселение таежного Приобья, возникают первые этнокультурные общности, все большее их число переходит к оседлому образу жизни, что подтверждается появлением поселений, состоящих не из одиночных жилищ, а из нескольких стационарных построек [25]. Считается, что в эпоху неолита на территории Западной Сибири закончилось оформление основных двух типов поселений – стационарных и временных (сезонных, промысловых), что совпадает с подразделением поселений на летние и зимние [172]. К

этому времени, по всей видимости, сложилось столь характерное для таежной зоны комплексное присваивающее хозяйство, в основе которого лежали охота, рыболовство и собирательство.

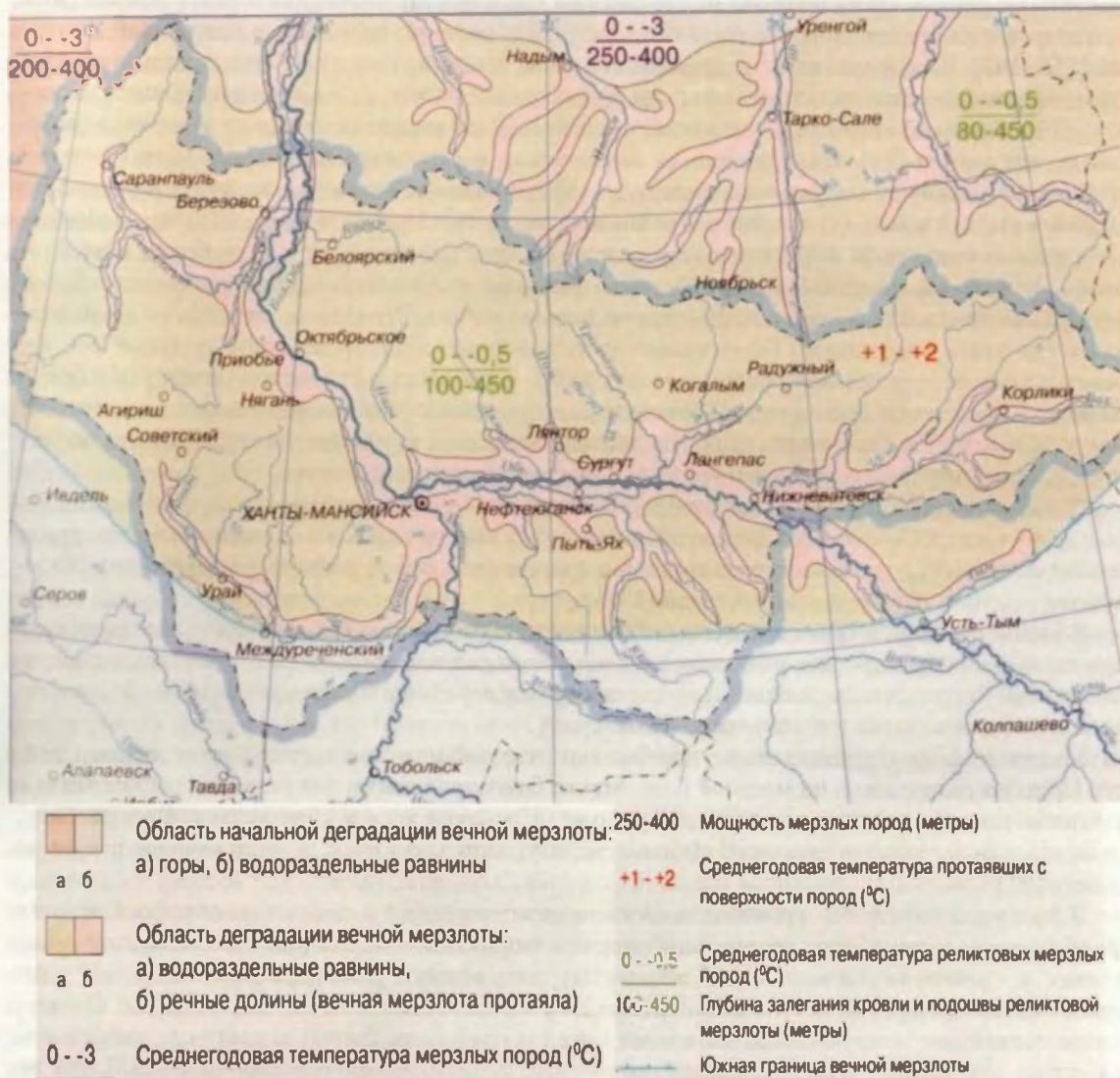

Рис. 15. Развитие вечной мерзлоты в Среднеобском регионе в эпоху климатического оптимума (5000–8000 лет назад) (по Атласу ХМАО-Югры) [16]

Основная масса выявленных поселков неолитического населения располагалась уже по берегам крупных рек, на хорошо продуваемых террасах с сосновыми борами и кедрачами, то есть в местах, богатых рыбой, дичью, ягодами, орехами. А чем дальше от первой надпойменной террасы, на водоразделах и протекавших среди болот и темных ельников мелких речек, и ныне бедных пищевыми ресурсами, древние становища встречаются крайне редко или вообще отсутствуют (приложение, рис. 6).

В заключительный период эпохи камня, в неолите (7–5 тыс. лет назад) продолжает углубляться хозяйственная специализация различных групп населения, которая наметилась ранее. Население лесной зоны Среднего Приобья освоило преимущество комплексного присваивающего хозяйства, опирающегося на рыбную ловлю, охоту и собирательство. Комплексность этого хозяйства заключалась в том, что весь год разбивался на определенные сезоны (хозяйственные периоды), в течение которых люди могли добывать наибольшее количество того или иного продукта. Так, например, при снижении в лесах количества диких животных приоритетом становилось рыболовство и, наоборот, при исчезновении после заморозов в реках и озерах рыбы, предпочтение отдавалось охоте. Подобное ведение хозяйства страховало коллективы древних людей от мелких циклических климатических аномалий и, в конечном счете, вело к росту численности населения.

В эпоху неолита, во время климатического оптимума (6800–4610 лет назад), рыболовство распространяется по всей территории Западной Сибири, кроме тундры, уже как специализированное хозяйство. К этому времени на территории Среднего Приобья сложились все известные по этнографическим материалам способы лова рыбы: сетевой, колющий и крючковой, запорный [159; 197]. Как предполагают, древнейшие типы запоров, известные впоследствии обским уграм, сформировались на основе изгороди для загонной охоты, существовавшей еще в палеолите [172]. С эпохой неолита, в частности, связывается появление такого вида запорного рыболовства, как котцы [31]. Их особенность заключалась в перегораживании запорами (частыми изгородями) мелководных участков водоемов. Обычно запоры ставились на путях нерестового движения рыбы и в местах, где рыба обычно скапливалась во время зимних заморозов. После падения уровня воды рыба осгавалась в огороженных пространствах, откуда ее брали в необходимых количествах до самой глубокой зимы. Запорное рыболовство не являлось истребляющим промыслом, как это может показаться на первый взгляд. Во-первых, никогда не осуществлялось (да это и невозможно было технически) сплошное перегораживание крупных рек, по которым весной поднималась основная масса рыбы. Во-вторых, попавшую в запор рыбу брали не сразу, а постепенно и только в необходимых количествах. И наконец, невысокая плотность таежного населения, которая сохранялась длительное время, не позволяла загораживать все реки и водоемы, поэтому, ощутимого урона рыбным запасам не наносилось.

О наличии рыболовства свидетельствуют материалы неолитических слоев торфяников Зауралья, поселений Нижнего и Среднего Приобья (5–3 тыс. лет до н.э.). В частности, обнаружены наконечники гарпунов, остроги, костяные крючки, а также грузила и поплавки, что свидетельствует о начале использования сетей [197].

В конце неолита, в связи с изменением климатических условий в середине атлантического периода, усиливался процесс обмеления и заболачивания водоемов, в результате чего население лесного Зауралья вынуждено было перемещаться в районы Среднего Приобья, более благоприятные для ведения традиционного хозяйства [3].

Материалы, приведенные выше, показывают, что рыболовство коренного населения Среднего Приобья развивалось на местной базе. Менее благоприятными для развития рыболовства в каменном веке были северные таежные районы. Несмотря на наличие множества водоемов, стабильных по производительности рыболовецких угодий здесь из-за зимних заморозов все же не хватало [91].

В эпоху неолита охота занимала подчиненное положение в хозяйстве населения Среднего Приобья, потому что в этот период наиболее благоприятными были природно-климатические условия для развития рыболовства. В лесном Зауралье важную роль играла охота на лося и северного оленя, на пути их сезонных миграций с западных склонов Урала на восточные. О наличии охоты свидетельствуют находки костей лосей и оленей, каменных и костяных наконечников стрел, деревянных луков, а также деревянных скульптурных изображений [197]. Но по предположению Е.Г. Федоровой [172] охота на крупных копытных еще не имела первостепенной важности для населения этих мест. Вероятно, занятие круглогодичным рыболовством и частично охотой было более оптимальным, чем только охотой, поскольку давало больше объема пищевых продуктов.

Кроме того, для неолитического населения таежного Зауралья значительным подспорьем была охота на водоплавающую дичь на озерах и в поймах рек. Большое значение имела охота на линную водоплавающую птицу в летнее время, когда птица лишалась перьев и не могла летать, о чем говорит изображение такой охоты на одной из неолитических писаниц Восточного Зауралья [189].

Что касается центральной и восточной части таежного Среднего и Нижнего Приобья, то в отличие от соседних географических областей на этой территории нет таких активных путей сезонных перекочевок диких животных, образующих при этом значительные по численности стада. Видимо, поэтому здесь в неолите преобладала индивидуальная охота на крупных мясных животных: гоном по насту (весной), скрадывание лося или оленя в воде, где они спасались от гнуса (летом), добыча зверя на тропах при помощи сторожевого лука или ловчих ям [92].

Активная форма охоты, связанная с обнаружением и преследованием зверя, существовала еще в эпоху палеолита: в условиях открытых тундростепных ландшафтов охотники легко могли находить пасущихся животных. По аналогии с естественными ловушками (обрывы, овраги), которые использовались при загонной охоте, вероятно, в это же время возникли и ловчие ямы,

как средство уже пассивной охоты [64]. Хотя, видимо, первоначально имело место смешение активной и пассивной форм охоты, т.е. охотники гнали животных туда, где были ловушки.

Широкое распространение ловчих ям как пассивной формы охоты началось, по всей видимости, в последующие эпохи мезолита и, особенно, неолита, когда территория Среднего Приобья покрылась лесами. Археологические находки показывают, что ямы располагались, как правило, на незаливаемых паводком высоких террасах, покрытых боровой растительностью, параллельно берегу реки, в ложбинах между гривами. Их выкапывали как по прямой линии, так и по дуге. Известные по археологическим раскопкам системы ям включают от 2 до 20 впадин. Их размеры различны: от 5–6 м в диаметре на территории Зауралья и прилегающих к нему районов Западной Сибири до 1,5–3 м в центральной и восточной частях Среднего Приобья. В бассейне Казыма обнаружены самые протяженные комплексы (700–800 м) с многочисленными ловушками, в то время как ближе к Уралу (в верховьях Конды) фиксируются самые короткие комплексы, с небольшим количеством ям, что обусловлено, видимо, особенностями рельефа [89].

Более поздним, по сравнению с ямами, средством пассивной охоты стало появление лука-самострела. Возникновение этого орудия охоты, вероятно можно отнести к эпохе неолита [134]. В Среднем Приобье самострел получил наибольшее распространение в подзоне северной тайги, поскольку в условиях распространения многолетнемерзлых грунтов трудно копать глубокие ямы, и в восточных предгорьях Урала, где устройству ям соответствующей глубины мешали подходящие близко к поверхности коренные кристаллические породы [63].

Немаловажную роль в системе экономики неолитического населения Среднего Приобья играло собирательство дикоросов. Прямых археологических свидетельств существования собирательства на территории лесного Зауралья и таежной зоны Западной Сибири нет, но, по мнению специалистов, косвенным подтверждением наличия этого занятия являются находки черемуховых косточек в берестяной сумке и колотушек, которые могли использоваться для сбивания кедровых шишек [197]. По мнению М.Ф. Косарева [91], древнее население просто не могло не использовать те богатства, те возможности для собирательства, которые давала западносибирская тайга.

Процесс формирования этнокультурной картины севера Западной Сибири протекал наиболее интенсивно в среднем голоцене (8000–2500 лет назад). Начиная с эпохи раннего неолита, практически на всей территории Западно-Сибирской равнины возникали и развивались различные варианты племенных и межплеменных археологических культур. Этническое разнообразие при различии хозяйственных систем и форм материальной культуры в разных ландшафтных зонах Западной Сибири способствовало созданию оригинальных локальных культур. В течение среднего голоцена наблюдается поочередное расширение ареала то одной, то другой культурно-исторических общностей, причем эти расширения носили «взрывной», экспансивный характер и распространялись на большую площадь, иногда во много раз превышающую ареал исходной культуры. Следует отметить, что на территории Западной Сибири «силовые линии» освоения менялись на диаметрально противоположные как в направлении «север – юг», так и в направлении «запад – восток» (см. приложение, рис. 7).

Как в свое время установил В.Н. Чернецов [186], сложение урало-сибирской этнокультурной общности началось с эпохи мезолита, когда протоуральцы (предки представителей уральской языковой семьи) продвинулись из Приаралья и восточного Прикаспия в среднее Зауралье и Западную Сибирь, где смешались с аборигенами – потомками позднепалеолитического населения. Позднее было установлено, что в мезолите-неолите имели место не менее трех притоков прикаспийского населения, которое осело в предтаежном Зауралье (носители кошкинской, сосновоостровской и боборыкинской неолитических культур) [95]. Что касается Среднего Приобья, то считается, что здесь переход от мезолита к неолиту произошел на местной основе под влиянием южных этнических сообществ – носителей так называемой кельтеминарской культуры, осуществивших дальнюю миграцию из Приаралья в наиболее аридный период климата в конце атлантикума (около 6,0 тыс. л.н.) Видимо, сокращение растительных ресурсов в степной и лесостепной зонах Западной Сибири и Северного Казахстана вызвало массовый отход промысловых животных на север, вслед за ними началось и перемещение людей. Возможность продвижения групп южного населения на север лесной зоны обеспечивалась благоприятными изменениями в климате атлантического периода, особенно в термическом максимуме атланти-

кума. Высохшие таежные болота позволили мигрантам продвинуться по долинам Тобола и Иртыша вплоть до Средней и Нижней Оби (поселение Чес-Тый-Яг).

По мнению В.С. Стоколоса [165] можно говорить о синхронности развития и длительности взаимодействия в период уральского (протофинно-угро-самодийского единства) на территории Западной Сибири двух групп древних культур: южной (протоиндоевропейской) – в степной зоне и северной (протофинно-угро-самодийской) – в подтаежной и таежной зоне. Согласно М.Ф. Косареву [94] с раннего неолита в таежных и подтаежных районах урало-западносибирского региона сосуществовали три разные культурные (этнические) линии орнаментирования керамики, играющие роль своеобразных индикаторов этнической идентификации носителей данных культур: гребенчатая, гребенчато-ямочная (Г-Я) и ямочно-гребенчатая (Я-Г). Данные культурные традиции были характерны для разноплеменного населения протофинно-угро-самодийской общности, находившейся уже в начале стадии дивергенции. Кроме того, в южной части региона всюду выступают в качестве автохтонных комплексы материальной культуры с отступающей-накольчатой (О-Н) орнаментальной традицией. По археологическим данным эти культуры сложились ранее предыдущих и отражают процесс передвижения южных групп протобореального (протокетского – по М.Ф. Косареву [96], либо переднеазиатского – по А.М. Малолетко [115] населения на ранних этапах заселения Западной Сибири.

3.2.2. Эпоха энеолита

Переход от атлантического климатического периода к суббореальному (4700–4600 лет назад) ознаменовался переломом в ходе развития природной обстановки в Среднем Приобье. Суббореальный период выделяется как сложный этап в истории развития лесной растительности и климатических колебаний (табл. 5).

Таблица 5

Температурные условия суббореального периода [40]

Фазы климата	Средние температуры, °С		Среднегодовое кол-во осадков, мм
	января	июля	
Раннесуббореальное похолодание (SB-1)	-21...-25	13 ... 15	до 500
Среднесуббореальное потепление (SB-2)	-19 ... -23	до 17	350–400
Позднесуббореальное похолодание (SB-3)	-20 ... -24	14 ... 16	550–600

Раннесуббореальное похолодание (фаза SB-1) сопровождалось усилением гигрокриотической фазы (холодно-влажный интервал). Максимальное потепление в суббореальный период (фаза SB-2), известное как суббореальный термический оптимум (ксеротермическая стадия), происходило около 3500 лет назад и уступало по амплитудам климатическому оптимуму позднего атлантикума [14]. После чего в последней трети суббореала (фаза SB-3) вновь проявилась тенденция к похолоданию и избыточному увлажнению.

Н.И. Пьявчско [145] и Н.В. Кинд [83] относят резкое ухудшение климата к атлантико-суббореальному рубежу (4600 лет назад). В течение первой трети суббореала климат был более холодным и влажным и в лесостепи, и в таежной зоне. Раннесуббореальное похолодание вызвало резкую деградацию лесной растительности у северного предела ее распространения. На севере Западной Сибири на место сместившихся к югу циклонов господствовал сухой и холодный арктический антициклон, под воздействием которого северная граница леса сильно отступила к югу. Лесная растительность в южной половине Ямала сначала сменилась лесотундровой, а затем типично тундровой. К северу от Средней Оби древесные породы сохранились лишь по долинам рек, сократилось распространение темнохвойных лесов (рис. 18).

В Среднем Приобье леса сохранились, но в их составе резко уменьшилось участие кедра, исчезла пихта, северо-таежные леса занимали всю территорию современной северной и большую часть средней тайги. Во вторую половину суббореального периода (4000–3000 л. и.) при потеплении климата пихтовые леса вновь продвинулись по долинам рек на север почти до 66° с.ш. [39]. Леса таежной зоны по соотношению пород в древесном ярусе приблизились к современному состоянию. В северной и средней тайге в составе древостоя возросло присутствие сосны и кедра, в южной тайге стали интенсивно развиваться кедрячи [110].

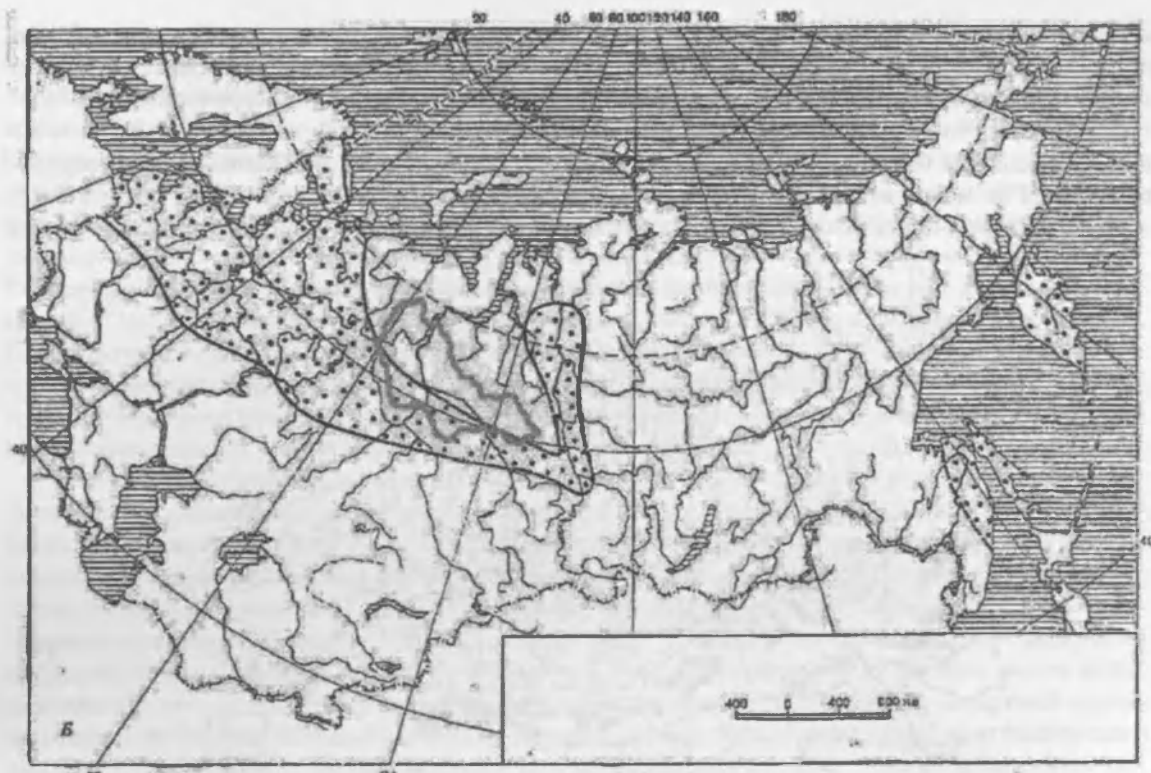

Рис. 18. Сокращение области распространения темнохвойной еловой тайги [по Н.А. Хотинскому, 1976]

В суббореальном периоде количество лесов резко сокращалось ещё и по причине того, что похолодание климата в послеоптимальное время привело к расширению площади распространения многолетней мерзлоты на севере Западной Сибири. Происходило это за счет повторного промерзания ранее протаявших пород во время климатического оптимума в южной половине современной криолитозоны. К северу от границы протаивания мерзлых пород начали эпигенетически промерзать отложения в днищах термокарстовых котловин («хасыреев»), окруженных мерзлыми породами. При промерзании «хасыреев» формировались многолетние бугры пучения, возобновился рост повторно-жильных льдов. Южнее границы протаивания в период суббореального похолодания начали промерзать в первую очередь обширные торфяники, позднее – минеральные грунты суглинистого, а затем и песчаного состава.

Формирование мерзлоты и нарастание ее мощности под темнохвойными лесами приводило к ухудшению условий роста ели, пихты и кедра и выпадению их из древостоя. Это, в свою очередь, приводило к более глубокому зимнему промерзанию и понижению температуры почв и грунтов, дальнейшей аградации (развитию мерзлоты в глубину). В летние же периоды обезлесенные участки быстрее протаивали, создавая условия переувлажнения. Вследствие этих процессов на месте темнохвойных лесов образовывались заболоченные леса, а в дальнейшем, при отмирании древостоя, – моховые болота. Развитие на этих участках торфяников способствовало термоизоляции мерзлых грунтов, их сохранению и дальнейшему распространению.

Повышенное увлажнение, наряду с похолоданием и расширением мерзлоты способствовало активному заболачиванию территории Западной Сибири. Болотообразовательный процесс в суббореальном периоде стал для Западно-Сибирской равнины общерегиональным явлением и распространился от тундры до лесостепи. Он охватил водораздельные равнины, высокие и низкие террасы, поймы рек. Например, в средней тайге заторфованность возросла с 30 до 40%, в южной – с 20 до 30%. С начала суббореального периода наметилась тенденция оформления современной территориальной дифференциации болотных систем (рис. 19).

В северной тайге изолированные моховые и травяно-моховые болота преобразовались в крупные системы озерно-грядово-мочажинных верховых болот. Особенно сильно подверглись заболачиванию в это время территория Сургутского полесья и правобережья реки Вах, а Кондинская низина превратилась в настоящую озерно-болотную страну. В средней тайге болота наступали на леса в районах Демьянско-Иртышского, Салымо-Юганского и Кеть-Тымского междуречий. С середины суббореального периода здесь формируются сосново-кустарничково-

сфагновые болота («рямы»), представлявшие собой как бы острова выпуклой, округлой или овальной формы, разбросанные среди обводненных низинных травяно-сфагновых топей. По мере увеличения обводненности и торфонакопления многие облесенные территории (типа «согры») превращались в безлесные низинные заболоченные участки. В южной тайге значительные площади еще были заняты низинными болотами древесно-травяно-мохового типа, образовавшимися на месте заболочивавшихся лесов. Но и здесь в суббореале началось развитие выпуклых верховых олиготрофных болот даже на высоких, хорошо дренируемых междуречьях.

Провинции: I – северотайжских бореально-атлантических выпуклых олиготрофных грядово-мочажинных и сосново-кустарничково-сфагновых болот (1), II – среднетайжских бореально-атлантических выпуклых олиготрофных грядово-мочажинных и сосново-кустарничково-сфагновых (2), III – южнотайжских бореально-атлантических выпуклых олиготрофных сфагновых, плоских мезотрофных древесно-травяно-моховых (3). IV – подтайжских атлантико-суббореальных плоских эвтрофных травяно-моховых (4), V – лесостепных атлантико-суббореальных вогнутых эвтрофных травяных болот (5); границы: 6 – областей, 7 – провинций.

Рис. 19. Размещение болот в центральной части Западной Сибири в суббореальном периоде (4500–2500 лет назад) [110].

В начале суббореала, этнокультурная ситуация в Среднем Приобье существенно изменилась. В конце неолита – энеолите (около 5,0–4,5 тыс. лет назад) лесная полоса Западной Сибири с прилегающими территориями лесной зоны Урала и Восточной Европы входила в культурно-историческую область культур гребенчатой традиции, которую традиционно связывают с ранними этапами этногенеза народов финно-угорской языковой группы. По мнению М.Ф. Косарева [94], фиксируемое археологическими данными расчленение единого уральско-западносибирского гребенчатого массива на две культурно-исторические области (приуральскую и зауральскую) отражает распад финно-угорской языковой общности на две – финно-пермскую и угорскую. Мы поддерживаем точку зрения П. Вереш [35], согласно которой начало распада финно-угорской общности связано со значительными изменениями климата в раннем суббореале, повлекшими за собой резкое ослабление контактов родственных групп населения по обе стороны Уральского хребта. Как отмечает Л.Л. Косинская [98] восточноуральская культурно-историческая область включала ряд северных культурных вариантов Нижнего и Среднего Приобья (сумпаньинский, сатыгинский, быстринский и др.), памятники козловской, кошкинской, сосновоостровской культур Среднего Зауралья, а также, по-видимому, культурные группы степи и лесостепи Южного Зауралья и Северного Казахстана (ботайская, суртандинская и др.). Таким образом, ареал так называемого угорского «гребенчатого неолита» протягивался широ-

кой полосой, примыкающей к Уральскому хребту, от степей Северного Казахстана до низовий Оби [164].

Восточнее этой зоны, в подтаежной полосе междуречья Иртыша и Оби распространялся ареал носителей гребенчато-ямочной традиции с иной этнической идентификацией. В.А. Зах [70] склонен рассматривать носителей Г-Я традиции как прасамодийскую ветвь, выделившуюся в энеолите из общего праугросамодийского массива. В.И. Молодин [123] связывает процесс формирования этой общности с притоком в эпоху развитого неолита групп населения из сопредельных территорий Восточной Европы. В конце атлантикума – начале суббореала население с Г-Я керамикой продвигается в северном направлении до бассейна Конды и в восточном – до бассейна Ваха. В энеолите этот процесс еще более усилился и привел к образованию огромной Г-Я культурной общности на всей таежной зоне Западной Сибири. Н.А. Хотинский [176] отмечает в это время общую подвижку населения на север и связывает это с изменением палеоклимата. Этот процесс привел к распаду единой общности автохтонного населения с О-Н традицией, проживающего в подтаежной зоне Западной Сибири с раннего неолита.

Стабилизация климата во второй половине суббореального периода способствовала окончательному оформлению хозяйственно-культурного типа таежных охотников и рыболовов и более плотному заселению уже известных районов и освоению новых территорий. В период энеолита население Среднего Приобья продолжает осваивать мелкие и крупные водоемы, поэтому преобладающими оказываются поселения, которые археологами определяются как кратковременные или сезонные стоянки рыбаков [25]. В расположении подобных поселений наблюдается определенная закономерность: они, как правило, стояли на низких, около воды, или средних по высоте площадках речных террас и береговых мысов. Среди поселений можно выделить как базовые поселки (Низямы 8, Каксинская гора 3) с сооружениями круглогодичного цикла обитания, так и сезонные (Низямы II и др.). Долговременные стационарные поселения, напротив, располагались на более высоких местах, чем в предыдущую эпоху. Отмечено, что в этот период жилища становятся менее углубленными в почву, появляются крупные наземные жилища с обваловкой и дренажными канавами-рвами. Такая градация мест обитания таежных жителей энеолита не случайна: она обусловлена с одной стороны их основной хозяйственной деятельностью (рыболовство, охота), а с другой стороны с изменением природно-климатических условий. Под влиянием роста увлажненности и заболачивания территории стационарные поселения в энеолите располагались чаще всего на открытых береговых террасах и мысах больших рек (Низямы, Амня, Барсова Гора, Большой Ларьяк), небольших речек (Шеркалы X, Пашкин Бор) и мелководных озер-сорев (поселение Юрты) [126].

По палеогеографическим данным в конце неолита – энеолите площадь озер в зоне тайги была больше чем в бронзовом веке, протоки многочисленнее, а степень проточности выше, что говорит о хороших возможностях для рыболовства [92].

Наиболее значительное событие, «скачок», по определению М.Ф. Косарева [94] в развитии таежного западносибирского рыболовства отмечается в конце неолита, когда произошло широкое распространение стационарного запорного рыболовства, что позволило более эффективно использовать на проточных озерах и небольших реках сети и рыболовческие ловушки типа вентерей. Если исходить из того, что прототипом заграждений были изгороди, использовавшиеся при загонной охоте, то, видимо, первоначально огораживали часть водоемов, вылавливая затем рыбу сачками или руками. В таком случае запоры сначала должны были устанавливаться на мелководьях, поэтому, скорее всего, запорное рыболовство возникло вначале в верховьях рек. В процессе его дальнейшего развития, как свидетельствует проведенный Е.Г. Федоровой [172] анализ лингвистических материалов, появляются новые типы ловушек для запорного рыболовства: сначала котец (4–3-е тыс. до н.э.), затем морда и рукав. Интенсификация рыболовного промысла сыграла значительную роль в социально-экономическом развитии таежного населения Среднего Приобья: улучшились возможности получения дополнительного продукта с запасанием его впрок. Это повысило степень оседлости населения и его численность, сложились предпосылки перехода к энеолитической эпохе (3–2 тыс. лет до н.э.).

В этот период рыболовство играло важную роль и в хозяйстве населения бассейна Конды. Это подтверждается остатками ихтиофауны, многочисленными находками сделанных из глины и камня грузил от сетей. Судя по размерам грузил и их скоплениям, реконструируются небольшие сети, которые могли быть средством индивидуального лова и использоваться промысловиками, находившимися вдали от места проживания. Основная же масса рыбы добывалась,

вероятно, с использованием заповорей [88]. Отсутствие жилищ на некоторых поселениях, скорее всего, указывает на их сезонный характер. Археологическими материалами установлено существование поселений, которые могли быть использованы в период половодья, и те, в которых жили в период спада воды в летнюю и зимнюю межень. Причем достаточно четко (по характеристикам жилища) выделяется население, круглогодично занимающееся рыболовством, и население, для которого рыболовство было сезонным занятием [37].

Основным объектом охоты населения Конды эпохи позднего неолита – энеолита были крупные копытные. На втором месте шел бобр, а затем – другие мелкие пушные звери и птицы, в том числе и боровая дичь. Охота на копытных производилась с помощью изгородей с ямами-ловушками. Различные ловушки, а также лук и стрелы использовали при охоте на пушных зверей и птиц. На многих археологических памятниках найдены каменные наконечники стрел; видимо, бытовали еще и деревянные и костяные наконечники, не сохранившиеся в грунте [88].

Наиболее строгое равновесие между охотничьим и рыбным промыслом существовало в этот период у энеолитического населения таежного Обь-Иртышья: зимой здесь занимались главным образом охотой, летом – рыболовством [92]. Но хотя природная среда таежных районов Среднего Приобья не была особенно подвержена воздействиям климатических колебаний, запас ее естественного биопродукта, меньший, чем в соседних областях, а также специфика водоемов, выражающаяся в заморах, не позволяют считать надежными ни охоту, ни рыболовство в отдельности [95].

Новым этапом в развитии пассивной охоты в энеолите стало возникновение изгородей. Для этого требовалось наличие подходящего материала и орудий труда, с помощью которых можно было рубить деревья. Таким образом, строительство изгородей стало возможным, видимо, только с распространением лесов (конец мезолита – начало неолита), а широкое развитие получило в позднем энеолите – бронзе, когда возросла роль каменных и металлических рубящих орудий [197]. Формирование способа охоты с помощью изгородей могло происходить, по всей видимости, из территорий, примыкающих к Уральскому хребту. Во-первых, через него проходили пути сезонных миграций копытных животных, во-вторых, здесь имелись запасы камня для изготовления орудий.

Известны два варианта изгороди: городьба (специально построенная изгородь из жердей) и засека (препятствие из поваленных деревьев) [63]. Видимо, первоначальным вариантом изгороди была засека, как наиболее простая по своему устройству. Усовершенствованный вариант засеки – городьба – сформировался, скорее всего, в тот период, когда появились более совершенные орудия труда, т.е. в эпоху металла. Городьбу строили вдоль рек или по краю леса, иногда она тянулась на десятки километров [172]. По костным остаткам, обнаруженных на памятниках Среднего Приобья эпохи энеолита, можно видеть, что основными объектами охоты продолжали оставаться копытные (северный олень, лось), хищники (медведь, волк), пушные (бобр, выдра) и птица.

Широкое распространение сетевого рыболовства в энеолите может служить одним из доказательств перехода населения к интенсивному использованию таежных богатств, по времени совпавшего с освоением жителями юга Урала и Западной Сибири навыков обработки меди. В этот период в Среднем Приобье среди естественных материалов, как и раньше, активнее всего использовался камень, следы металлообработки здесь неизвестны, нет и самих находок медных вещей. И то и другое встречается лишь за пределами рассматриваемой территории, на энеолитических памятниках Южного Урала (Каргалинские рудники). Косвенными доказательствами знакомства таежного населения с металлом служат следы обработки деревянных поделок металлическими ножами, отмеченные в среднеуральских торфяниках, бывших берегами древних озер, и ошлакованная керамика, испытавшая воздействие расплавленного металла из энеолитических поселений Нижнего Приобья. Собственно металлические вещи появились в Среднем Приобье лишь в III тысячелетии до н.э., и только с этого времени можно вести речь об эпохе металла на равнинных таежных просторах.

3.2.3. Эпоха бронзы

Процессы коэволюции этносов и природной среды на территории Западной Сибири стали особенно сложными и многогранными в эпоху бронзового века. На юге равнины, в степной зоне сформировался ареал производящей экономики с развитым пастушеско-земледельческим хозяйством. В северной части равнины господствовал еще с эпохи неолита ареал присваиваю-

щей экономики, только в эпоху бронзы он значительно сократился. Хотя для этого ареала было издревле характерно комплексное промысловое хозяйство, сочетающее охоту, рыболовство и собирательство, в эпоху бронзы здесь уже достаточно четко выделяются три типа хозяйства. Эти типы различались между собой преимущественной ориентацией на определенный вид промысла: 1) в зоне тундры преобладала подвижная охота на северного оленя; 2) для лесного Зауралья господствующим видом была охота на лесных копытных при помощи стационарных заградительных устройств на путях их сезонных перекочевок; 3) в тасжном Обь-Иртыше сложилось сбалансированное охотничье-рыболовное хозяйство, в котором охотничий и рыболовный промыслы находились в состоянии динамического равновесия и носили ярко выраженный сезонный характер.

Данные типы присваивающей экономики сохранились с неолита до этнографической современности. Следует иметь в виду, что между названными типами присваивающего хозяйства не было и не могло быть сколько-нибудь четких и стабильных временных, географических и этнических границ. Акцент на тот или иной вид промысла мог меняться. Так, в плохие для рыболовства годы оседлорыболовческое население переориентировалось на преимущественно охотничий быт, а охотники, при ухудшении условий промысла зверя могли перейти на преимущественно рыболовческий образ жизни.

Тем не менее, в широкой территориально-хронологической перспективе названные эти типы хозяйства и их приуроченность к определенным географическим районам отражают реальные локальные тенденции в развитии присваивающей экономики тасжной зоны. Эти типы хозяйства являлись в древности единственно возможными, наиболее рациональными вариантами адаптации аборигенного населения к экологическим условиям севера Западной Сибири.

Вторая половина суббореального климатического периода была одной из наиболее сухих и континентальных эпох в геоэкологической истории Западной Сибири. Согласно палеоклиматической схеме А.В. Шнитникова [196], основанной в значительной своей части на материалах Южной Сибири, большая часть II и начало I тыс. до н.э. (2900–3900 лет назад) отличались в Западной Сибири значительной засушливостью (так называемая мезомасштабная ксеротермическая фаза суббореала). Напротив, середина и вторая половина I тыс. до н.э. совпали в целом с периодом повышенной увлажненности (мезомасштабная ги ротермическая фаза). Но в том и другом случае происходило общее потепление климата после раннесуббореального похолодания. М.И. Нейштадт [130] считал этот период вторым климатическим оптимумом голоцена после атлантического. Однако в разных частях Западно-Сибирской равнины процесс потепления имел неодинаковую направленность. В северной части изменение температур и осадков имело однонаправленный характер: с ростом температур увеличивалось и количество осадков. Повышение среднегодовых температур многолетнемерзлых толщ вызвало отступление на север многолетних бугров пучения. Увеличение количества снега и высоты снежного покрова, уменьшение амплитуд температур зимнего периода, повышение среднегодовых температур воздуха привело к оттаиванию верхнего слоя мерзлоты, что благоприятствовало развитию процесса болотообразования и наступлению болот на речные террасы и водоразделы.

В эпоху бронзы (первая треть II – начало I тыс. до н.э.), с наступлением ксеротермической фазы суббореала, произошло перераспределение ролей отдельных видов занятий населения в системе хозяйства конкретных территорий. Так, из-за понижения уровня воды в озерах и заболачивания проток, следствием чего было обеднение ихтиофауны, стало невозможным интенсивное рыболовство практически на всей территории Нижнего Притоболья. Население вынуждено было искать другие формы хозяйствования, обеспечивающие необходимый пищевой продукт. В это время в Нижнем Притоболье в подзоне южной тайги и подгайги повсеместно появляются скотоводство и земледелие, а «оседлорыболовческий уклад перемещается на север» [95].

Крупный «скачок» в развитии рыболовства имел место в конце бронзового века и был связан с изобретением усложненных сетных ловушек. Археологически это подтверждается появлением в это время особой разновидности грузил, которые В.И. Васильев [31] считал принадлежащими сетным снастям калданного типа. Ставные сетевые снасти использовались еще с неолита, устанавливали их летом на мелководьях, весной – во время половодья в заводях, а также подо льдом во время зимней межени. Главные сетевые ловушки калданного типа представляли собой примитивный трал и использовались для ловли рыбы с лодки [182]. Это дало возможность широкого освоения крупных рек. В результате к концу бронзового века активизировалось рыболовство в низовьях Оби, Иртыша и их крупных притоков [95].

В лесном Зауралье в эпоху бронзы на первое место вышел охотничий промысел [146]. Это подтверждается в первую очередь найденными при раскопках костями животных и остатками ихтиофауны. Как и в энеолите, в эпоху бронзы охотились главным образом на крупных животных (северный олень и лось), хищников (медведь, россомаха), пушных зверей и птиц. Птицу добывали с помощью лука и стрел, на крупных животных охотились с помощью сторожек и ловчих ям, особенно широко распространенных в бассейнах рек Казыма, Сосьвы и Конды.

Перечисленные виды деятельности не исчерпывают всего многообразия занятий приобско-го населения бронзового века. Археологические материалы многочисленных поселений бассейна Конды, Сургутского Приобья, Нижней Оби свидетельствуют о развитии гончарного дела, обработке камня, кости и дерева, а также бронзолитейного производства и металлообработки [125]. Если для памятников первой половины II тысячелетия до н.э. характерны только косвенные признаки использования металлических вещей, то на атлымских и баровских поселениях конца II–начала I тысячелетия до н.э. находки тиглей, капель бронзы, сломанных вещей, литейных форм встречаются очень часто [58]. Несмотря на наступление новой эпохи, связанной с металлом, позиции камня на протяжении всего бронзового века были достаточно сильны. Особенно отчетливо это проявлялось на раннем этапе, когда каменная индустрия, как считает Е.А. Васильев [33], была весьма устойчива и едина для всех памятников. Из камня изготавливались ножи, топоры, наконечники стрел, к специфическим формам можно отнести длинные ножи из сланцевых плиток (поселение Шеркалы XIII) и округлые грузила с биконическими отверстиями (Шеркалы X). Наиболее яркой особенностью раннебронзовой индустрии является преобладание шлифованных долотовидных орудий (топоров, тесел). К производственному инвентарю для литейного производства можно отнести, по всей видимости, керамические сопла (поселение Низямы 7), тигли и литейные формы с памятников сопредельных территорий (могильника Сатыга XVI бассейна Конды и Сайгатино VI в Сургутском Приобье) [125]. Применение керамических сопел, по мнению Е.А. Васильева [33], предполагало достаточно сложную технологию плавки в специальных печах. Одно из них было получено с раннебронзового поселения Атлым I, второе – с поселения поздней бронзы Низямы 7. При этом, судя по результатам спектрального анализа, использовался привозной металл с территории Прикамья и горного Зауралья [125]. Следы бронзолитейного производства обнаружены и в восточной части Среднего Приобья: в результате экспедиционного исследования р. Вах в 2006 году нами была открыта стоянка Большая Лосиная, на которой найдены в числе прочих артефактов обломки керамического тигля и куски бронзолитейного шлака [156]. На наш взгляд, сырьем для бронзолитейного производства в восточной части Среднего Приобья, скорее всего, служили руды Восточной Сибири или Алтае-Саянской горной страны. По крайней мере, спектральный анализ обломка втулки копы из поселения Сайгатино VI близ Сургута показал, что изделие изготовлено, скорее всего, из алтайских руд [58].

Таким образом, последние находки дополняют круг памятников с остатками бронзолитейного производства и расширяют тем самым ареал металлоносных культур северной и средней тайги. Достаточно полное представление о развитии литейного дела и его поэтапной эволюции дает материал с бассейна реки Конды. Изменения, происходившие в процессе развития от раннего к позднему бронзовому веку, очень существенны. По убеждению С.Ф. Кокшарова [89], они заключаются в переходе от изготовления простейших металлических предметов в односторонних литейных формах в начале II тыс. до н.э. к производству более сложных (около середины II тыс. до н.э.), когда широко распространилась технология тонкостенного литья в закрытых формах с использованием сердечников. Этот исторический период перехода от эпохи ранней бронзы к развитому бронзовому веку археологи именуют самусьско-сейминской эпохой и датируют в хронологическом диапазоне с XVI–XIV по XV–XIII вв. до н.э. [94].

Уже упоминалось, что в лесостепной части Западной Сибири, начиная с эпохи позднего неолита и до эпохи раннего металла, повсеместно происходил переход к оседлости, обусловленный повышением характера увлажнения и возрастанием роли рыболовства [91; 92; 95]. Рост оседлости, в свою очередь, должен был благоприятствовать зарождению или заимствованию скотоводства и земледелия, которые до начала эпохи бронзы, скорее всего, присутствовали в хозяйстве, но являлись, видимо, подсобными занятиями. Возникновению скотоводства в Западной Сибири посвящено множество работ, обзор которых сделан В.А. Шнирельманом [195]. Нас же интересует то, каким образом этот вид деятельности мог проникнуть в Среднее Приобье и закрепиться в культуре таежных рыболовов и охотников.

В условиях нарастающего усыхания климата (ксеротермическая фаза субатлантикума) в середине и особенно 2-й половине II тысячелетия до н.э. скотоводство становится ведущей отраслью хозяйства в степной и лесостепной зоне и базируется в основном на пойменных угодьях, что подтверждается приуроченностью существующих тогда поселений к широким речным поймам [91]. В процессе дальнейшего развития оно совершенствуется, а по отношению к эпохе бронзы уже можно говорить о комплексном пастушеско-земледельческом хозяйстве, утвердившемся около первой трети II тысячелетия до н.э.

В подтаежной и южнотаежной зонах Западной Сибири на протяжении всей эпохи раннего металла складывалась многоотраслевая экономика, сочетающая присваивающие промыслы (охоту и рыболовство) с производящими отраслями (скотоводством и земледелием). Еще в эпоху энеолита у населения подтаежных и южнотаежных районов фиксируется преобладание в стаде лошади, которая являлась здесь основным объектом скотоводства. В южной части лесного Зауралья по данным археологии, население было знакомо со скотоводством уже в первом периоде развитого бронзового века [94; 95]. Развитие скотоводства у таежного населения Среднего Приобья традиционно связывают с формированием на юге таежной зоны во втором периоде развитого бронзового века так называемой андронидной общности, образовавшейся в результате смешения таежного аборигенного населения и пришлых носителей андроновской культурной традиции, освоивших пастушеское скотоводство. Обобщая краткий обзор основных направлений и механизмов эволюции природопользования в эпоху раннего металла, следует отметить, что в конце II–начале I тысячелетия до н.э. происходит обособление таежных охотников и рыболовов северной и средней тайги от скотоводов и земледельцев южноуральской и западносибирской лесостепи.

В эпоху бронзы (первая половина II – нач. I тыс. до н.э.) топографическая приуроченность древних поселений на территории Среднего Приобья несколько изменилась. Для этого периода также были характерны как кратковременные сезонные стоянки с легкими наземными жилищами (Низямы VA, Каксинская гора б), так и долговременные с капитальными землянками и полуземлянками (Барсова Гора, Кирип-Вис-Юган, Сартынья I, Хулюм-Сунт и др.). Эти поселения расположены на высоких хорошо дренированных и обдуваемых берегах рек. Последний фактор имеет для Среднего Приобья немаловажное значение как защита от гнуса. Археологические находки свидетельствуют, что в эпоху бронзы количество поселений значительно возросло. Поселения этого периода обнаружены и на открытых берегах рек (Низямы II, Шеркалы V, Перегребное IV, Сартынья II), и на глубинных сорах (Юрты VI), и на озерах (Товгор-лор VII) [126]. В большинстве случаев они привязаны к устьям небольших рек, благодаря чему обеспечивались и выход на большую транспортную артерию, и расположение в укромном месте, и, главное, близость к воде и сырьевым запасам. В расположении поселков эпохи бронзы наблюдается определенная закономерность: они, как правило, стояли на низких, около воды, или средних по высоте площадках речных террас и береговых мысов. На наш взгляд, это было обусловлено пониженным уровнем грунтовых вод, рек и озер, поскольку эпоха бронзы совпала по времени с ксеротермической фазой суббореального периода.

В эпоху бронзы пик развития миграционных процессов приходится на середину II тыс. до н.э. – период наивысшей аридизации климата в регионе. В это время, по данным состава спорово-пыльцевых спектров, в лесостепи сокращается площадь лесов, понижается уровень грунтовых вод, что приводит к сокращению затопляемости речных пойм [161]. Скорее всего, возможность освоения пойм и более комфортные условия для проживания появились в этот период и в таежной зоне, что способствовало более активному заселению севера Западной Сибири. К концу II тыс. до н.э. носители Г-Я традиции осваивают северные районы вплоть до побережья Северного Ледовитого океана, повторно заселяя тундры, опустевшие в ходе суббореальных похолоданий [165]. Этот этнокультурный сдвиг привел к ассимиляции прасамодийским населением представителей гребенчатой (праугорской) культуры и к установлению на севере таежной зоны, а также в пограничье тайги и тундры обширного Г-Я ареала, который господствовал здесь на протяжении более двух тысячелетий, положив начало формированию своеобразных Г-Я культур (барсовская, тазовская, атлымская, кулайская и др.) (см. приложение, рис. 8).

Третий временной интервал суббореала (SB-3), имевший тенденцию к уменьшению сухости климата, связан с наступлением так называемой «андроновской эпохи» в южной части Западно-Сибирской равнины. Около XIII вв. до н.э. в пределы лесостепной зоны мигрировали новые этносоциальные группы населения, характеризующиеся как «андроновцы», т.е. носители

андроновской культурной традиции. Представляется, что миграционные потоки были разно-временными и самостоятельными и проходили по степному коридору Евразии в Зауралье и южную часть Западной Сибири вплоть до Алтая и Минусинской котловины. Здесь сформировалась обширная андроновская культурно-историческая область, состоящая из нескольких разновременных, территориально разобщенных, но родственных культур (федоровская, алакульская, черкаскульская и др.). Андроновское (федоровское) население вступило в активные контакты с жившими севернее прасамодийскими группами носителей Г-Я традиции. В результате коэволюционных процессов в условиях достаточно длительного совместного проживания на общей территории в таежной зоне сложилась новая культурно-историческая общность – «андроноидная», сочетающая местные и пришлые элементы культуры. Если учесть, что большинство исследователей связывают носителей федоровской культуры с уграми, то сложение андронидной общности в этническом аспекте следует воспринимать как процесс взаимодействия, смешения и коэволюции угорских и самодийских этносоциальных групп. Таким образом, к концу среднего голоцена на территории Западной Сибири окончательно оформились два крупных этнокультурных массива: на севере – древнесамодийский, в южной части – древнеугорский, на основе которых впоследствии сформировались все современные коренные народы севера Западной Сибири (ханты, манси, ненцы, селькупы).

3.3. Поздний голоцен

3.3.1. Ранний железный век

Рассматриваемый этап по общепризнанному палеогеографическому эталону периодизации голоцена приходится на поздний голоцен, начало которого связано с наступлением субатлантического климатического периода. Климат в субатлантическом периоде, по данным В.С. Волковой и Т.П. Левиной [39], отмечается чередованием тёплых и холодных фаз. Первая волна потепления приходится на начало этого периода (2500 лет назад). Следующее менее глубокое потепление наступило 2000 лет назад. Оно длилось приблизительно 600 лет. Похолодания климата отмечены и в интервалах между 2300–2000, 700–600 лет назад. Первая волна потепления была относительно невелика по теплообеспеченности и сопровождалась усилением влажности в таежной зоне, куда сместились пути атлантических циклонов. В интервале 2400–2100 лет назад увлажнение оставалось повышенным, но климат стал более холодным.

Динамика климатических условий на первом этапе потепления (SA-1) способствовала усилению тенденции развития болотообразовательного процесса в пределах таежной зоны. В северной и средней тайге болотообразовательный процесс захватил даже обширные территории низких водоразделов. Значительно увеличилась площадь обводненных территорий, на которых формировались болота грядово-мочажинного типа.

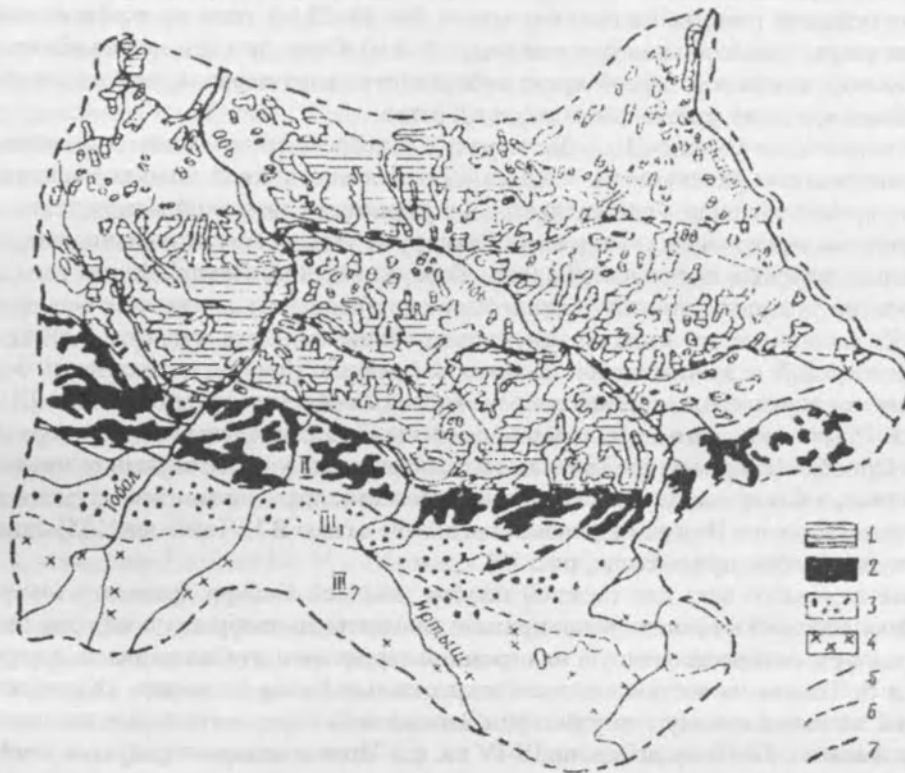
Одновременно начался процесс олиготрофизации и формирования верховых болот в южной тайге и подтаежной зоне. К этому времени слои торфяных отложений достигли 2,5 м и создались условия для перехода болот в стадию атмосферного питания. Развитие верховых болот сопровождалось образованием вторичных озер среди крупных обводненных мочажин, особенно в Сургутском и Ваховском полесье и на Кондинской низменности (рис. 21).

Более существенные изменения произошли в характере лесной растительности: в северной тайге господствующими стали березово-кедрово-сосновые леса, в средней – кедрово-пихтово-березово-словыс, в южной – сосново-березово-кедровые с елью. Южная граница таежной зоны сохраняла стабильность.

Происходившие климатические изменения не могли не повлиять на условия жизни населения Среднего Приобья, но это влияние происходило синхронно с переменами в социально-экономической жизни, которые выразились в демографическом взрыве в таежном Обь-Иртышье в начале железного века и в массовых миграциях таежного населения.

В период раннего железного века (конец-середина 1 тыс. лет. до н.э.) в условиях сухой и теплой фазы субатлантикума, поселения строились уже не только на берегах рек, но и в глубине леса, на гривах. Среди поселений в эпоху раннего железа преобладали неукрепленные. Это были круглогодичные селища, сезонные и кратковременные стоянки, которые, что важно, располагались вдали от крупных рек, в верхнем и среднем течении их притоков, а также по берегам озер [24]. Связаны эти изменения были не только с изменившимися климатическими условиями, но и с демографическими. Значительный хозяйственный прогресс стал причиной

быстрого роста численности населения тайги. Среднее Приобье в этот период активно осваивается, что подтверждается резким увеличением количества археологических памятников всех типов поселений: городищ, селищ, стоянок.

Области: I, II – таёжных бореально-атлантических выпуклых олиготрофных моховых (сфагновых) болот активного заболачивания; II – северотаёжных бореально-атлантических олиготрофных озерково-грядово-мочажинных и сосново-кустарничково-сфагново-кладониевых, 2 – среднетаёжных бореально-атлантических олиготрофных грядово-мочажинных и сосново-кустарничково-сфагновых болот, Iз – южнетаёжных бореально-атлантических олиготрофных сосново-кустарничково-сфагновых и грядово-мочажинных, мезотрофных и эвтрофных сосново-берёзово-осоково-гипновых (или сфагновых), II – подтаёжных атлантических эвтрофных осоково-гипновых болот с рядами, III – лесостепных атланτικο-суббореальных эвтрофных травяных; границы: 5 – области, 6 – провинций.

Рис. 21. Размещение болот в центральной части Западной Сибири в субатлантическом периоде (2500 л. н. – настоящее время) [110]

В так называемое белоярское время (VIII–VII вв. до н.э.) отмечается появление крупных поселений, состоявших из 30–40 и более домов, в которых проживало не менее 300–400 человек. Усовершенствование промысловых орудий привело к увеличению объемов добычи охотников и рыболовов, а это, в свою очередь, предопределило появление излишков продуктов питания, что и послужило причиной демографического взрыва. На белоярском этапе были заселены все сколько-нибудь пригодные для этого места, прежде всего берега рек, озер, проток. В условиях присваивающей экономики рост населения быстро привел к перенаселенности, не стало хватать охотничьих и рыболовных угодий, из-за которых начались столкновения между таежными общинами. Именно к белоярскому времени относится резкое увеличение строительства укрепленных поселений – городищ, которые строились чаще всего по берегам рек на ровных участках. В пределах городищ строились жилые дома, амбарчики, постройки для хранения запасов продовольствия, охотничьих и рыболовных снастей. Размещались городища обычно на краю высокой и крутой террасы, с трех сторон обносились валом и рвом. Городища строились как на берегах рек, так и в глубине леса. Лесные городища были большими (до 9000 кв. м), но их насчитывалось немного. За четыре столетия в Сургутском Приобье возникли всего два городища в глубине леса, тогда как на берегах проток Оби – десять [24]. Строились такие городища обычно на краю высокой и крутой первой надпойменной террасы или приустьевом мысу и обносились с стороны обращенной к лесу валом и рвом [125]. Вокруг некоторых городищ размещались селища, т.е. возникали своеобразные таежные «агломерации» (приложение, рис.9).

Также существовали поселения, которые можно определить как зимники. Они находились на некотором расстоянии от берега, другие же поселки стояли на меньшем расстоянии от воды. Кроме того, обнаруживается еще одна закономерность в расположении поселений: если они строились на большой реке, то на высоких мысах (до 10–12 м), если же по берегам озер и в устьях малых рек, то невысоко над уровнем воды (2–3 м). Очевидно, это можно объяснить усилением влажности климата в первой трети субатлантического периода, что могло увеличить частоту и размах весенних половодий на крупных реках.

В VI–V вв. до н.э. в Среднем Приобье наряду с белоярскими городищами появились поселения, принадлежавшие калинкинцам – мигрантам из южнотаежной полосы Васюганья. Возникшие в это время городища – свидетельство напряженных отношений между данными этническими группами. Археологические данные фиксируют также сосуществование на одной территории разнокультурных поселений (Барсова Гора, Сайгатино, Нумто). Более того, находки позднего времени показали заимствование и наличие общих черт в керамике белоярцев и калинкинцев. Вероятно, все это является следствием сближения двух культур. Период сосуществования белоярской и калинкинской культур в Среднем Приобье относится к белоярско-васюганскому этапу раннего железного века таежного Обь-Иртышья и датируется VIII–VII–IV–III вв. до н.э. Памятники этого типа хорошо известны и на сопредельных территориях. Так, в Нарымском Приобье (современная Томская область) томские ученые выделили памятники васюганского типа, в Северном Зауралье екатеринбургскими археологами исследуются памятники кульминского типа, а в Нижнем Приобье еще в 1950-е годы В.Н.Чернецов [185] описал усть-полуйскую культуру (см. приложение, рис. 10).

В начале железного века для таежной полосы Западной Сибири археологи отмечают так называемый «кулайский феномен» – так принято называть единообразную по всем своим проявлениям культуру, распространенную на огромной территории от Салехарда на севере до Омска на юге и от Томска на востоке до восточных склонов Урала на западе. «Кулайский феномен», давший название новому этапу истории Западной Сибири, – это время так называемого рубежа эр, а именно с IV–III вв. до н.э. по III–IV вв. н.э. Этот этап характеризуется унификацией культуры в формах и орнаментации керамики, бронзовом литье, оружии и т.д., складыванием огромной культурной общности во всей таежной зоне Западной Сибири. Только в окрестностях Сургута обнаружено 23 селища, 20 городищ, святилище, 2 могильника кулайцев [128]. В сентябре 2001 года сотрудниками ООО НПО «Северная археология» открыто 20 поселений (18 селищ и 2 городища) на берегах р. Глубокий Сабун на территории природно-заповедного парка «Сибирские Увалы», а в 2004 году – 26 поселений в нижнем течении р. Корлик (бассейн Ваха) [78]. Значительная часть этих поселений расположена на незначительном расстоянии друг от друга, составляя целостный ансамбль археологических объектов.

Рассматривая данную эпоху с историко-географических позиций, можно предположить, что перенаселенность тайги и ухудшение климата в первой трети субатлантического периода толкали кулайские общины охотников и рыболовов на поиски более удобных для проживания территорий. В железном веке кулайское население распространилось достаточно широко как в северном, так и в западном, и в юго-восточном направлениях. О напряженном характере кулайского этапа свидетельствует появление мощных фортификационных сооружений не только в пограничных областях, но и по всем территориям таежного Обь-Иртышья. В бассейнах Ваха, Средней Оби, Нижнего Иртыша археологами была найдена целая сеть городищ кулайского времени с мощными глубокими рвами. Причем для кулайского этапа заметны изменения в топографической приуроченности поселений. Характерно, что большинство поселений расположено по берегам рек и стариц, на I надпойменной террасе, причем на некотором отдалении от берега среди сухих сосновых боров-беломошников. Меньше поселений зафиксировано на пологих склонах коренного берега рек, а вот в глубине леса, на II надпойменной террасе их почти нет [128]. На наш взгляд, такое расположение может быть обусловлено началом распространения в этот временной отрезок среди таежного населения оленеводства. В связи с этим поселения кулайского времени располагались с учетом как близости к воде, так и беломошным борам с ягельниками, пригодными для выпаса оленей.

В начале железного века происходили глубокие изменения, затронувшие все сферы хозяйства населения севера Западной Сибири. Совершенствование способов рыболовства позволило освоить рыбные богатства крупных рек – Оби, Иртыша и их притоков. В эпоху железа, судя по костным останкам с поселений территории Среднего Приобья, здесь уже велся промысел почти

всех видов рыб, имеющих промысловое значение в этнографической действительности, причем преобладал так называемый «крупный частик» (щука, язь, карась и окунь). Удельный вес рыболовства в этот период не был одинаковым на всей территории таежной зоны. Так, в лесном Зауралье оно, скорее, играло вспомогательную роль, а в Нижнем Приобье – ведущую.

С учетом исторических данных и этнографических наблюдений можно предположить, что охота сохранила деление на активную (с луком и рогатиной) и пассивную формы. Почти на всех исследованных памятниках Среднего и Нижнего Приобья (археологические кусты Перегребное, Шеркалы, Низямы, Барсова Гора, Сайгатино и др.) как самая многочисленная категория находок встречаются железные и костяные наконечники стрел. Причем отчетливо прослеживается их специализация, обнаружены наконечники разных видов (вильчатые, многошинные, тупые, большие и т.д.), применяемые для охоты на разные виды животных. Промысловые сооружения в виде ловчих ям были приурочены, как правило, к борovým террасам, омываемым водоемами, и в сочетании с загонами они перекрывали пути сезонных и суточных миграций копытных. К настоящему времени системы ловчих ям эпохи конца бронзы – раннего железа открыты в бассейнах рек Конды, Северной Сосьвы, Казыма, Надыма и Пура (см. приложение, рис. 11). Кроме мясной, охота имела и пушную направленность, причем явно начал прослеживаться товарный характер пушной охоты. Косвенным подтверждением этому могут служить многочисленные изображения пушных промысловых животных (бобр, лисица, горностай, белка, соболь и др.) на украшениях, культовых вещах и бытовых предметах, полученных с памятников правобережья Оби и, в целом, Нижнеобского бассейна в эпоху железа (поселение Низямы 3, городища Низямы IV–V и Шеркалы I, могильник Шеркалинский, поселения Перегребное 2–4, городища Перегребное I, VI и др.) [126].

Отмечено, что охота и рыболовство в отдельности сами по себе не являлись исключительно доминирующими отраслями, их роль менялась как в пространственном, так и временном аспекте эволюции природопользования на территории таежной зоны Западной Сибири в зависимости от ландшафтно-экологических условий. Хозяйство при определенном перевесе того или другого вида деятельности носило все же комплексный характер и дополнялось собирательством, которое не прекращалось и в эпоху железа. Этот промысел объединял, судя по этнографическим данным, несколько подсобных занятий населения: сбор корнеплодов, орехов, ягод, корней. Об этом говорят также немногочисленные, в силу специфики промысла, археологические свидетельства: деревянная колода с остатками орехов и колотушкой из сучка (городище Шеркалы I-1), скопление остатков орехов (поселение Перегребное 2). С городищ Низямы V и Шеркалы I известны костяные предметы, которые со ссылкой на южнотаежные и лесостепные аналогии, по мнению В.М. Морозова [125] можно отнести к мотыжным орудиям для земляных работ, в том числе для собирательства.

Кроме присваивающих отраслей экономики, охоты и рыболовства, у жителей тайги появились зачатки производящего хозяйства – разведение домашних животных. В середине I тыс. до н.э. домашняя лошадь была известна уже в средней тайге на широте современного города Сургута. Распространение скотоводства в таежной части Западной Сибири связывают с миграциями населения таежной, степной и лесостепной зон в конце бронзового – начале железного веков, когда происходило освоение долин крупных водных артерий региона – Оби и Иртыша. Оленеводство принято считать традиционным занятием для коренных жителей Среднего Приобья (ханты, манси, лесные ненцы, селькупы), однако вопрос о его происхождении в настоящее время не имеет однозначного решения. Мы поддерживаем точку зрения тех исследователей, которые предполагают, что одомашнивание северного оленя в таежной зоне Западной Сибири произошло предположительно на кулайском этапе раннего железного века (вторая половина I тыс. до н.э.). По мнению Н.В. Федоровой [172], домашние олени появились в хозяйстве жителей северной тайги не позднее I века до н.э. Оленеводство в западносибирской тайге на этом этапе носило ограниченный характер. Поголовье животных было небольшим, и не шло ни в какое сравнение, ни со скотоводством кочевых племен степей и лесостепей, а также с обско-угорским коневодством.

Следует заметить, что разведение лошадей не было распространено среди обских угров повсеместно. Поэтому его принято относить к числу «нетрадиционных» для ханты и манси видов деятельности. Существует точка зрения, что скотоводство у населения таежной зоны Западной Сибири существовало, по крайней мере, с рубежа поздней бронзы – начала раннего железного века. По мнению М.Ф. Косарева [94], освоение долин Оби и Иртыша началось не ранее

конца бронзового века, в отличие от глубинных районов тайги, которые были заселены значительно раньше. Поскольку в условиях тайги возможности для экстенсивного скотоводства крайне ограничены, то кочевнический уклад, оказавшись на этих территориях, должен был трансформироваться, приспособившись к ним. Е.Г. Федорова [171] считает, что этот процесс мог происходить на юге таежной зоны Западной Сибири, допуская вместе с тем возможность появления скотоводства у таежных охотников и рыболовов не в ходе миграций в их среду скотоводов, а, наоборот, в результате продвижения таежных групп на рубеже бронзового и железного веков в ареал многоотраслевого комплексного хозяйства южной части Западной Сибири. Это хорошо подтверждается археологическими материалами, и такая точка зрения на распространение скотоводства, в последнее время становится преобладающей [24; 172]. О том, что таежное население Обь-Иртышья было знакомо с навыками скотоводства, говорит тот факт, что кости лошади были обнаружены на памятниках эпохи раннего железа в Среднем Приобье [62]. Но в условиях гигрокриотической фазы с повышенной увлажненностью, в таежной зоне, в отличие от степной, условия для скотоводства были малоблагоприятными, следовательно, его распространение по таежной зоне еще севернее в эпоху железа вряд ли могло иметь место в существенных масштабах. По мнению Е.Г. Федоровой [171], в этот период сформировался известный по этнографическим материалам облик обско-угорского коневодства: из-за низкой продуктивности кормовой базы не было возможности содержать сравнительно многочисленное поголовье скота и население, занимаясь в основном традиционными занятиями (охота, рыболовство), сохранило зачатки скотоводства и идеологию скотоводческих племен (культ коня, всадника). По всей видимости, в этот период в хозяйстве жителей тайги могло содержаться по нескольку единиц скота, использующихся в транспортном (лошадь), мясном (рогатый скот, лошадь) направлении. Кроме того, в эпоху железа в южной и западной частях Среднего Приобья разводили также крупный и мелкий рогатый скот [193]. В то же время, несмотря на дополнение видов хозяйственной деятельности навыками скотоводства, жители таежной зоны Среднего Приобья все же остались в рамках хозяйственно-культурного типа таежных охотников и рыболовов.

Период со II по IV вв. н.э. выделен учеными в качестве переходного, он характеризуется сменой культуры раннего железа средневековьем. Согласно историографической традиции для таежных территорий Западной Сибири этот период выделяется как саровский этап, а в степной зоне Евразии – как хуннское время. Саровский этап, по мнению ученых, является периодом максимальной нивелировки материальной культуры лесного населения. Передвижения кулайских племен, ставшие прямым следствием начавшегося Великого переселения народов, привели к расширению ареала обитания таежных жителей. Эти процессы нашли отражение в повышенной военной активности кулайцев, в том числе и в самых глубинных таежных районах. Как отмечают археологи, основными причинами изменений в общественной организации таежного населения в железном веке стала постоянная военная опасность и борьба общин за промысловые угодья.

О роли войны в жизни таежного населения свидетельствуют следующие материальные факторы. Во-первых, это возникновение городищ – укрепленных поселений. Как уже отмечалось, они начали строиться еще в начале I тыс. до н.э., в эпоху бронзы. Но если в этот период соотношение укрепленных и неукрепленных поселений было примерно равным, то уже в I тыс. н.э. абсолютное большинство таежного населения Обь-Иртышья жило в городищах. В Сургутском Приобье были обнаружены остатки подобных городищ: Барсов городок I/4, I/20, I/25 – Кучиминское II, Ермаково XVIII, XX.

Саровский этап был для таежной зоны Западной Сибири периодом начавшейся серьезной трансформации культуры, связанной со становлением местной черной металлургии. Памятники Сургутского Приобья начала I тыс. н.э. подарили археологам такие находки, как куски шлака с городища Барсов городок I/24, кузнечный молоток и железные предметы с довольно простыми схемами производства. Этот же период характеризуется переориентацией культурных связей. После распада саргатского союза и ухода гуннов южные связи все более сокращаются и ограничиваются пределами узкой пограничной полосы сибирской лесостепи. В этот период, как и раньше, для жителей тайги основными становятся западные связи с населением Приуралья. Именно от финно-пермских племен бассейна реки Камы в Западную Сибирь поступила большая часть привозных вещей (спустя века найденных археологами): качественное оружие европейского типа, бронзовые украшения и т.д.

Все это бурное время, время войн и миграций, продолжалось приблизительно до конца IV в. н.э., сменившись очередным спокойным периодом IV–VI вв., названных археологами карымским этапом. Для этого времени характерен спад военной активности и стабилизация обстановки в лесной зоне. Территория проживания угро-самодийского населения оставалась стабильной, за исключением самых дальних юго-восточных рубежей, откуда оно было вытеснено тюрками.

На карымском этапе (IV–V вв. н.э.), хозяйство коренных обитателей тайги оставалось при-сваивающим (охота, рыболовство, собирательство), но в нем уже утвердились элементы хозяйства производящего – коневодства и оленеводства. Эти процессы происходили под сильным влиянием событий в степной зоне, откуда в Среднее Приобье, вместе с людьми проникали навыки подвижного скотоводства, новые идеи и представления. Археологи отмечают для этого времени изменение облика укрепленных поселений. Мощность обороны таежных поселков резко снизилась, уменьшились размеры оборонительных рвов и валов. Относительно мирные условия этого периода благоприятствовали росту численности населения. Берега таежных рек стали обживаться интенсивнее, а площадь городищ заметно увеличилась. В карымское время окончательно оформилась появившаяся еще в раннем железном веке уличная застройка поселений как наиболее рациональная в условиях ограниченной площади. Археологические раскопки подтвердили данные этнографов о многообразии форм построек ханты, у предков которых в карымское время преобладали наземные строения с коридорообразными выходами, обращенными внутрь поселка [25].

В карымское время население Среднего Приобья занималось традиционной хозяйственной деятельностью, основу которой, как и прежде, составляли охота и рыболовство. Приемы, по свидетельству археологов, были прежними: охота с помощью ловчих ям, загонов и засек. Основным охотничьим оружием стал лук со стрелами, но только усложнился ассортимент наконечников стрел, в изготовлении которых карымцы достигли значительного мастерства. Ассортимент стрел был разнообразен: от небольших наконечников длиной 2–3 см, служивших для промысла птиц, до очень крупных (15–18 см в длину) для охоты на оленя и лося. Интересны наконечники стрел с затупленным концом, они применялись для добычи пушного зверя, чтобы такая стрела могла оглушить зверька и сбить его на землю, не испортив шкурку. Надежным источником пропитания оставалось рыболовство. Археологическим подтверждением деятельности древних рыболовов являются крючки и грузила для сетей. Очевидно, индивидуальная и коллективная формы рыболовства дополняли друг друга.

На следующем этапе развития, получившем название зеленогорского (VI–VII вв. н.э.), жизнь таежных обитателей Обь-Иртышья также протекала в соответствии с вековыми устоями. Население края обитало по-прежнему и на селищах, и на городищах (поселение Барсов городок П/11–13 в урочище Барсова Гора, Перегребное 2–3, Низямы 3–4). Зеленогорское время отличается развитое металлургическое производство. Как свидетельствуют находки археологов, выплавка железа в это время выделилась из остальных ремесел, и со временем ею стали заниматься умельцы-профессионалы, причем делали они это в специально оборудованных местах. Сырьем служил лимонит – «болотная руда», которую добывали летом, затем ее дробили, сушили, и она могла храниться столько, сколько потребуется. Железо получали в виде куска тестообразной крицы с разными шлаками, для удаления которых крицы подвергались дальнейшей обработке.

На памятниках зеленогорского времени были найдены не только сопутствующие железоделательному производству следы в виде шлаков, но и сами вещи – железные ножи, наконечники ножей и т.д. Таким образом, черная металлургия превратилась в сферу деятельности особой группы людей – древних кузнецов, тогда как выплавкой бронзы по-прежнему занималось большинство мужчин в общине. О развитии цветной металлургии свидетельствуют многочисленные находки обломков глиняных рюмковидных тиглей, еще в карымское время пришедших на смену прежним, характерным для всего раннего железного века овальным тиглям со сливом.

Выбор жилых мест зависел от специфики хозяйственной деятельности и особенностей ландшафта. В зависимости от хозяйственной направленности местожительства делились на поселения длительного, постоянного проживания (зимние и летние) и временные, сезонные. Характер расположения построек позволяет сделать вывод, что весной население, видимо, предпочитало селиться у стариц и проток из-за удобства для рыбной ловли запорами и сетями, ле-

том – ближе к реке, на песках, удобных для ловли и обработки рыбы; а осенью – в кустарниковых зарослях на берегу для защиты от ветра (см. приложение, рис. 12).

С целью дополнительной защиты поселения строились на естественных мысообразных участках в устьях рек, на островах и гривах. Кроме того, учитывались чистота площадки, дренированность почвы, отсутствие гнуса. Оборонительная система поселений вначале была аналогична карымской, но в конце зеленогорского периода фортификация усложняется: увеличивается глубина рва, вместо частокола появляются бревенчатые стены.

В заключение можно сделать следующие выводы. В раннем железном веке процесс развития хозяйства населения таежной зоны Западной Сибири усложнился появлением элементов производящих отраслей, и этот процесс шел под влиянием исторических событий (переход к кочевничеству, миграции), которые имели место на более южных территориях, в степной зоне Западной Сибири. Говоря о климатических изменениях субатлантического периода в Западной Сибири в эпоху раннего железа, можно считать, что они соответствовали производственным потребностям населения разных ландшафтно-экологических зон до определенной степени развития, но в процессе дальнейшего изменения приводили к переменам экономической и социальной организации жизнедеятельности, т.е. являлись «спусковым крючком» перемен [92].

3.3.2. Эпоха раннего средневековья (поздний железный век)

С историко-географических позиций эпоха раннего средневековья Западной Сибири охватывает период с VII–VIII вв. до первой половины XIII в. н.э. Причем в раннем средневековье Б.А. Конилов [118] выделяет два крупных периода: 1) период становления угро-самодийских культур, на основе которых сформировались современные этносы и субэтносы ханты, манси, ненцев, селькупов (IV–IX вв.); 2) период расцвета этих культур на основе создания эффективной многоотраслевой экономики (X в. – первая половина XIII в.). Если на первом этапе преобладают эндогенные (т.е. внутренние) связи между регионами Западной Сибири, то на втором наблюдается вхождение местных народов в прямой контакт с восточноевропейским миром и азиатскими кочевыми каганатами. В этот период формируются устойчивые субэтносы (южные и северные манси, северные, южные и восточные ханты и селькупы, лесные ненцы), относительно точно очерчиваются границы этносоциальных объединений. Однако по динамике и направленности природно-климатических процессов и «по характеру» эпохи эти периоды кардинально различаются. Усыхание евразийских степей II–III вв. н.э. сменилось в IV–V вв. промежуточной, сравнительно комфортной климатической фазой субатлантического периода, после которой началось ухудшение климата. В VI–VII вв. в лесной зоне господствовал холодный и сухой климат, произошло обеднение состава древесной растительности. Период VIII–X вв. климатологи называют «малым климатическим оптимумом» субатлантического периода, периодом «потепления раннего средневековья» или «периодом викингов». По данным А.В. Шнитникова [196], в этот период произошло потепление климата во всей Северной Евразии, в том числе и на территории Западной Сибири. В лесной зоне зимы становились многоснежными, мягкими, с частыми оттепелями, а лето – прохладным, влажным. Усилились процессы болотообразования, граница лесной зоны продвигалась на север.

В VIII–X вв. устанавливаются прочные торговые связи таежного Зауралья с предгосударственными и раннегосударственными образованиями Восточной Европы: Хазарским каганатом, Великой Венгрией, Волжской Булгарией. Причем посредническую роль в этих контактах играло финно-угорское население Приуралья. Нарастающий приток западного экспорта в Среднее Приобье обострил борьбу между племенами за контроль над торговыми путями. Ученые связывают эти события включением населения таежного Обь-Иртышья в систему мировой пушной торговли, начало этих процессов приходится на кучиминский этап (VIII–IX вв.), но особенно сильно они проявились на следующем, кинтусовском этапе (IX–XIII вв.).

Во второй половине I тыс. (VII–X вв.) начались процессы этнической дифференциации и консолидации внутри отдельных этнокультурных общностей, которые привели в начале II тыс. н.э. к формированию этносов-предков современных манси в районах горного Урала, в лесном Зауралье, в бассейнах рек Туры и Тавды (юдинская культура); южной группы ханты в лесном Прииртышье (усть-ишимская культура); северной группы ханты в Нижнем и Сургутском Приобье (памятники кинтусовского тина); предков селькупов в Среднем, Нарымском и Томском Приобье.

Кинтусовский этап датирован X–XIII вв. и рассматривается как период, к концу которого уже сложились основные черты, свойственные этнографии обского населения в ее современных или весьма недавних формах. В этот период произошли резкие изменения климатических условий в сторону умеренного потепления и, самое главное, повторного усыхания степей в X в. Гонимые засухой тюркские племена двинулись в лесостепи и заняли их вплоть до южной тайги. Именно с этого периода началась усиленная ассимиляция и тюркизация угро-самодийского населения лесостепей и формирование на этой основе субэтносов сибирских татар. Вытесняемое тюрками угро-самодийское население начало миграцию за Урал и на север Западной Сибири. Именно там впервые состоялись прямые контакты угро-самодийцев с русскими.

Исследователи отмечают, что для середины I тыс. была характерна достаточно слабая дифференциация этнокультурных групп, то есть на описываемой нами территории проживали родственные по культуре и языку этнокультурные группы угро-самодийского населения. Это предположение подтверждается наличием общих черт у населения потчевашской культуры лесного Прииртышья, племен релкинской культуры Нарымско-Томского Приобья и населения, оставившего памятники оронтурского и молчановского типов в Нижнем Приобье и лесном Зауралье.

Одно время считалось, что к концу I тыс. н.э. бронзолитейное производство на Севере угасло, но находки в Сургутском Приобье и Нижнем Прииртышье свидетельствуют об обратном. При раскопках могильников Барсовского I на Барсовой Горе и Сайгатинского III уральскими археологами были обнаружены уникальные изделия металлургического творчества. Это навершия кресал и гребней, поясные пряжки, браслеты, рукоятки ножей, среди которых особой яркостью сюжетов, реалистичностью изображений и подлинным художественным вкусом отличались изделия с зооморфными мотивами, изображающие медведя, лося, сову и др. Эти находки археологи отнесли к хронологическому отрезку VIII–IX вв., именуемому кучиминским по наиболее полно изученному городищу Кучиминское V в урочище Сайгатино близ Сургута.

В целом культура населения Средней Оби на кинтусовском этапе продолжает линию развития культуры оронтурского этапа. Черты преемственности прослеживаются и в планировке поселений, и в домостроительстве, и в керамике. В устройстве жилищ сохранились традиции предшествующего времени – прямоугольная шатровая полужемлянка, но появились и новые традиции, отражавшие мобильный характер эпохи. Существовали также отдельно расположенные неукрепленные поселения, занимавшие возвышенные участки берегов рек и озер и состоявшие из одного или нескольких жилищ (Зеленая Горка, Согом). Помимо полужемляночных жилищ, существовали и наземные (Барсов городок IV), причем в них появились каменные очаги. Устройство очага из камней, видимо, было обусловлено появлением в Нижнем Приобье в начале II тыс. н.э. очагов каминного типа – чувалов. Устройство чувалов в углу жилищ отмечается в конце I тыс. н.э. в Туринском районе у южно-мансийских племен, тесно контактировавших с тюрками-кимаками. Отсюда этот тип очага, очевидно, распространился и на территорию Среднего Приобья.

Проникновение за Урал населения вымской культуры (предков коми-зырян) привело к появлению в Приобье наземных срубных домов с печами-каменками. Такие жилища исследованы на поселениях Шеркалы I, Перегребное I, которые в XII–XIII вв. были заселены выходцами с предуральских территорий и местным угорским населением.

Могильники кинтусовского этапа располагались на высоких террасах, по берегам рек и озер, а также на отдельно стоявших возвышенностях – гривах (Скрипуново, Белогорский (Уна-Пай), Сайгатино, Кинтусово, Барсов городок). Жертвенные места устраивались также на местах старых и заброшенных поселений. На них найдены серебряные сосуды, а также большое количество железных вещей (стрел, ножей и т.д.).

Хозяйство населения Среднего Приобья конца I-начала II тыс. н.э. продолжало оставаться в основном охотничье-рыболовецким. Исследования фаунистических остатков, проведенные на городищах Перегребное I сотрудниками Уральского научного центра АН СССР П.А. Косинцевым и В.М. Морозовым [99], ясно показали резкий рост преобладавшей роли охотничьего промысла, в котором большое значение по сравнению с предшествующим периодом приобрела пушная охота, явно носившая товарный характер. Примечательно, что фаунистические останки наиболее ценных пушных зверей (бобра, выдры, куницы и др.) составляли около 66,5% по количеству костей и около 63% по числу особей от общего числа останков. На охоте таежные жители, как и в прежние времена, использовали различные ловушки, а также лук со стрелами. Разнообразие форм наконечников стрел позволяло дифференцировать их по объектам промысла.

Соотношение отдельных отраслей хозяйства в разных районах Среднего Приобья было неодинаковым и зависело от экологии региона и культурно-хозяйственных традиций проживавшего здесь населения. В южных районах ареала распространения кингусовского населения, на Нижнем Иртыше и в Сургутском Приобье, в небольшой мере существовало скотоводство, преимущественно коневодство. Обские угры, жившие к северу от устья Иртыша, скотоводством почти не занимались. По этнографическим наблюдениям, скотоводство у таежных аборигенов Западной Сибири распространялось вдоль широких речных долин и доходило до места слияния Оби и Иртыша. Найденные кости домашних животных городища Перегребное I на Нижней Оби свидетельствуют, видимо, о проникновении сюда в XI–XIII вв. коми, у которых скотоводство было более широко распространено.

В северных районах Среднего Приобья, видимо, в конце I – начале II тыс. н.э. появляется оленеводство, на что указывает находка на городище Мань-Няслан-Тур костяного предмета, напоминающего деталь оленьей уздечки [187]. Рыболовство по-прежнему играло важную роль, и было в основном заборным. В конце I тыс. н.э. в Обь-Иртышье распространяются усложненные сетевые ловушки типа колыдана, служившие для лова крупной рыбы. Примечательно, что в это же время уменьшается количество гарпунов, широко использовавшихся ранее для добычи крупной рыбы.

Еще одной характерной особенностью кингусовского времени в Среднем Приобье является затухание керамического производства. На поздних поселениях (типа Зеленая Горка, городище Мань-Няслан-Тур), датированных XIII в., глиняная посуда вообще не была обнаружена [190]. Зато встречаются обломки нехарактерных для прежних культур тонкостенных сосудов – русских или зырянских гончарских горшков, а также осколки тиглей для плавки металла. Постепенное исчезновение керамики, несомненно, было вызвано вытеснением ее из обихода медными и железными котлами, имевшими неоспоримое преимущество перед непрочными глиняными сосудами и при приготовлении пищи, и при транспортировке. Металлические бронзовые котлы проникали в Среднее Приобье еще в скифское время, но в начале II тыс. н.э. они распространяются, очевидно, с запада, более широко (Барсова Гора, Ямгортский клад и т.д.).

В это же время в Нижнее Приобье, как и в лесное Зауралье, попадают проушные лесорубные топоры древнерусского производства (городище Тан-Варуп-Эква) [187]. Кроме того, сохранились в употреблении втульчатые топоры-тесла местного производства, широко распространенные в культурах лесной полосы Западной Сибири. О хорошо развитом металлургическом производстве и металлообработке этого времени свидетельствуют многочисленные находки на ряде поселений. На городище Рачеево II открыты остатки горнов для выплавки железа из болотной руды, а также ямы для выжигания угля. Большое количество шлаков и фрагментов сильно пережженной глины, вероятно для обмазки горнов, найдено на поселении Зеленая Горка, городищах Кошелево и Уки II. Большинство из них связано с выплавкой меди, а некоторые – с выработкой железа [185].

Обработка железа производилась и в Тазовской литейной мастерской, на что указывают найденные там куски железной руды, железистые породы и железные шлаки. Из железа местные мастера ковали втульчатые топоры-тесла, ножи, наконечники для стрел и другие предметы. На городищах Ус-Нел и Барсов городок 1/31 обнаружены железные клещи и кузнечный молоток-ручник. Анализ железных изделий с памятников кингусовского этапа, произведенный в Уральском университете А.П. Зыковым, показал, что население Среднего Приобья знало термическую обработку металла, цементацию, пакетную сварку, но в целом уровень металлообработки был недостаточно развитым [58].

Эпоха раннего средневековья ознаменовалась глубокими изменениями в экономике и социальной жизни народов, населявших как таежную зону Западной Сибири, так и ее лесостепное и степное обрамление. Эта эпоха сопровождалась массовыми миграциями, существенными переменами в расселении народов и формированием новых культурно-исторических общностей. В начале железного века происходили глубокие изменения, затронувшие все сферы хозяйства населения севера Западной Сибири. Происходившие климатические изменения не могли не повлиять на условия жизни таежного населения, но их влияние происходило в комплексе с переменами в социально-экономической сфере.

3.3.3. Эпоха позднего средневековья

Летописные источники XIV–XVI вв. свидетельствуют, что русские, пришедшие на Обь и Иртыш, встретили на их берегах военно-политические образования ханты и манси, вошедшие в научную литературу под названием угорских княжеств. Как утверждает М.Ф. Косарев [92], в это время в Среднем Приобье существовали достаточно развитые социально-политические формирования, находившиеся на последней стадии родового строя, предельной для древнего охотничье-рыболовецкого населения, стадии военной демократии («вождества»).

Документы XVI–XVII вв. содержат некоторую информацию о военных, политических, миграционных и иных событиях, происходивших в этих княжествах, об их вождях («князьках» по русским источникам), но в них отсутствуют сведения о быте населения и его материальной культуре

Установлена историческая закономерность, согласно которой для возникновения сложных форм полигической организации общества, тем более государства, необходимо появление развитых форм производящего хозяйства – земледелия и (или) скотоводства. Но существуют и исключения из этого правила. Военно-политические объединения народов севера Западной Сибири, угорские княжества, сложились в обществе с присваивающей экономикой, т.е. в среде оседлых и полукочевых охотников и рыболовов с очень слабым развитием скотоводства. Как отмечал М.Ф. Косарев [91], высшим достижением в общественной организации обских угров стал строй военной демократии, который начал формироваться еще в начале I тыс. н.э. Причиной становления такого строя послужили постоянные межобщинные войны за промысловые угодья в условиях перенаселенности тайги. Но если на протяжении почти двух тысяч лет роль «спускового клапана» играли миграции, перемещения «избыточного» населения в новые места (на запад – в лесное Приуралье, на север – в приокеанские тундры, на юг – в западносибирскую лесостепь), то в начале II тыс. н.э. подобные переселения стали невозможны.

Ко второй половине XIII – началу XIV вв. турки заселили не только всю западносибирскую лесостепь, но и заняли южную тайгу в низовьях Ишима, Тобола, Туры и Тавды, вытеснив, в свою очередь, обских угров еще дальше на север. Оказавшись в новых ландшафтно-экологических условиях, непригодных для скотоводства, кочевники вынуждены были переходить к оседлому образу жизни. Наряду со скотоводством, в их хозяйстве все большее значение стали приобретать охота и рыболовство, появилось земледелие. И это оседлое тюркское население, кипчакское по языку и происхождению, стало основой для формирования этноса сибирских татар. Позднее, в XV–XVI вв., на юге Западной Сибири возникли татарские государства (Тюменское, а затем Сибирское ханство), и угорское население, жившее по соседству с ними, в низовьях рек Иртыша и Тавды, попало от них в данническую зависимость.

Кроме того, с конца XI в. западные районы расселения обских угров оказались в сфере интересов Великого Новгорода. К XIII в. новгородцы подчиняют и облагают данью югричей, живших западнее Уральских гор, а в период с XIV в. до середины XV в. осуществляют ряд походов за Урал – в Нижнее Приобье. Во второй половине XV в. еще более масштабные и удачные походы в Югру совершают рати Московского государства.

Таким образом, в XII–XV вв. с юга и запада к районам расселения обских угров вплотную приблизились границы татарских и русских феодальных государств, пытавшихся подчинить своей власти таежное население. Для успешного сопротивления многочисленным и хорошо организованным вооруженным силам этих государств возникла необходимость создать крупные военно-политические объединения – княжества.

Но эти объединения не могли возникнуть без кардинальных изменений в общественной организации населения севера Западной Сибири. И основной причиной таких изменений стало включение Югры в систему мировой пушной торговли. Толчком же к «пушному буму», охватившему многие европейские страны, стало наступление необычайно холодных зим в Европе, последовавших за «малым климатическим оптимумом эпохи викингов».

В XIII в. началось очередное похолодание климата, достигшее максимума в начале XVII в., этот период иногда называют Малой ледниковой эпохой. В Малой ледниковой эпохе климатологи четко выделяют три фазы, заметно различающиеся по тепловлагообеспеченности и структуре погод. Первая «нисходящая» фаза началась в конце XIII-начале XIV в. с ликом в период с 1550 по 1600 гг. Как отмечает Т.Н. Жилина [67], переходное время нисходящей фазы Малой ледниковой эпохи было крайне неустойчивым по метеорологическим условиям. Повсеместно похолодание сопровождалось увеличением экстремальных природных условий: наводнений,

засух в теплые сезоны, ранних холодов осенью, суровых зим, возвратов холодов весной, продолжительных дождливых периодов.

Результатом этих событий стало усиление миграционных процессов северорусского и пермского населения (коми) на восток в Приуралье, а затем оттуда в Обское Зауралье, в Западную Сибирь. Вероятно, и тех, и других переселенцев гнали нужда и голод, вызванные неурожайными годами наступавшего «Малого ледникового периода». То есть в этот период в более выгодном положении оказывались жители ландшафтно-экологических зон, для которых земледелие и скотоводство были лишь подспорьем в хозяйстве, а благополучие и процветание зависели от удачной охоты и рыбной ловли.

Как отмечает В.М. Морозов [126, с. 65], «многие коми охотники начали специализироваться на пушной охоте в связи с резким спросом на “мягкое золото”. Это приводило к оскудению местных охотничьих угодий, и добытки пушнины уходили все дальше на восток, а когда все резервные территории были исчерпаны, обратили свои взоры за Каменный Пояс, где в бескрайних сибирских лесах водилось изрядное количество ценных зверьков».

Возрастание роли пушной охоты и торговли усилило неравноправное положение общин населения Среднего Приобья. Присущество получили не только те общины, которые обладали лучшими охотничьими угодьями, но и те, кто контролировал наиболее удобные торговые пути, по которым пушнина попадала на мировые рынки. Именно вокруг вождей, способных контролировать транзитную торговлю, и начали создаваться союзы общин – прообразы княжеств. Не случайно наиболее крупные и сильные остяцкие и вогульские княжества располагались как раз на путях, связывавших Сибирь с Волго-Камским торговым путем и с Русью.

Первоначально это были довольно небольшие объединения общин с близким по происхождению и языку населением, расположенные в пределах одной речной системы. Именно эпоху таких мелких княжеств, постоянно враждовавших друг с другом, и описывает героический эпос ханты и манси. Большинство этих княжеств и городков, известных по былинам и героическим сказаниям, перестало существовать к концу XVI в., а их население и территории вошли в состав более крупных объединений, князья которых контролировали огромные пространства сибирской тайги. Поздние княжества были уже не этническими, а чисто территориальными образованиями, созданными военной силой. Им подчинялись не только общины обских угров, говоривших на различных диалектах хантыйского и мансийского языков, но и самодийские народы (лесные и тундровые ненцы и селькупы). Образованию угорских княжеств, несомненно, способствовали и внешние факторы: необходимость обороны от набегов кочевников-тюрок и от военных экспедиций новгородцев.

Таким образом, народы севера Западной Сибири к концу XVI в. находились на пороге формирования классового общества раннефеодального типа. Ими были созданы военно-политические объединения-княжества, отстаивавшие свою независимость от могучих соседей с юга и с запада. Особенностью таежной зоны Западной Сибири является то, что высокий уровень общественного и политического развития был достигнут здесь в условиях сохранения господства присваивающей экономики как наиболее экологически целесообразной в данных ландшафтно-географических условиях.

А.В. Головнев [42; 43] выделил для этого периода ряд типов хозяйственных комплексов обских угров: 1) таежный предуральский, распространенный среди северных манси и хантов левобережья Оби, занимавшихся горно-таежным оленеводством, запорно-сетевым предгорным рыболовством, предгорной охотой на копытных и глубинно-таежным промыслом пушного зверя; 2) глубинно-таежный (ханты верховьев притоков Оби), основанный на запорно-сетевом рыболовстве, глубинно-таежном пушном и оленно-лосином промысле, таежном оленеводстве; 3) приречно-таежный (ханты предпойменных районов Средней и Нижней Оби), который характеризовался неводно-запорным рыболовством, приречно-таежным пушным промыслом и охотой на лося, транспортным коневодством или собаководством; 4) южнотаежный (южные манси и иргышские ханты), включавший промыслы, животноводство, в том числе и транспортное коневодство, товарное собирательство, элементы земледелия; 5) тундрово-лесотундровый (самые северные группы хантов, близкие в культурном отношении ненцам), основанный на крупнотаежном или лесотундровом оленеводстве, тундровом сетевом или низовом неводном рыболовстве, на пушной охоте с преобладающей долей песца в ней, с незначительного размера охотой на морского зверя у групп, достигавших побережья Карского моря. Типы хозяйственных комплексов, выделенные А.В. Головневым, основаны на сочетании выявленных уже внут-

ри каждого вида хозяйственной деятельности типов, признаками которых выступают особенности промыслового цикла, набор инвентаря, географическая обособленность.

Достаточно спокойный в событийном отношении и относительно комфортный с точки зрения климатических условий этап развития таежного Обь-Иртышья (XII–XV вв.), был периодом экономического и политического расцвета в жизни таежного населения. Несмотря на военное и политическое давление с запада и юга, со стороны складывающихся русского и тюркского суперэтнотипов, а также вызванные этим давлением сдвиги ареалов расселения угорского населения на северо-восток, аборигенные народы Западной Сибири сохраняли эффективно действующую в суровых условиях лесоболотной зоны экономику присваивающего типа. Более того, воспользовавшись ухудшением климатических условий в начале наступающей Малой ледниковой эпохи, они сумели стать важным звеном в системе мировой пушной торговли. Широкое внедрение железа в хозяйственную деятельность людей повлекло за собой крупные сдвиги в социальной структуре общества.

3.3.4. Доиндустриальная стадия (эпоха российской государственности)

На данном этапе развития (с конца XVI по начало XX вв.) произошли переломные события, которые коренным образом изменили ход эволюции этноразвития и природопользования населения Среднего Приобья. В результате этих событий прервалось развитие угорских независимых и полузависимых государственных образований, угасли многие элементы развивающейся местной производящей экономики (металлургическое производство, керамика и др.), существенно изменился уклад жизни коренного населения, началось изменение экологических условий окружающей среды. Связаны эти изменения были в первую очередь с покорением Сибири и включением ее в состав Русского государства, что в более широком цивилизационном аспекте следует рассматривать как объективный процесс формирования русского суперэтнотипа.

После присоединения Западной Сибири к Российскому государству процесс этнической дифференциации еще более усилился. В XVIII в. большую часть населения Среднего Приобья составляли ханты (остяки). По Нижней Оби, приблизительно от места ее разветвления на Малую и Большую и до самых низовий, проживали северные ханты, входившие в одну группу с куноватскими и обдорскими хантами. Ареал проживания северных ханты распространялся также на бассейн Казыма и Северной Сосьвы. В начале XVIII в. их численность составляла примерно 3 тыс. человек. Однако к концу столетия, по данным церковной статистики, остяцкое население на рассматриваемой территории увеличилось до 5200 человек. Дело в том, что к этому времени в бассейне Северной Сосьвы и ее притока Ляпина происходила активная миграция северных манси, официально также именовавших себя остяками. Манси пришли на Сосьву и Ляпин с западного Приуралья: с Вишеры, Чусовой, Яйвы, Косьвы и Лозьвы. В основном их переселения пришлось на первую половину XVIII в. Причины переселения были связаны с активной русско-зырянской колонизацией территории Западного Приуралья. Именно в это время заметно уменьшается количество манси на Северном и Среднем Урале.

На основании анализа фонда архивных данных об именах и фамилиях у отдельных территориальных групп населения З.П. Соколова [162] сделала вывод, что процесс продвижения манси с запада на восток длился достаточно долго, очевидно с XIII–XIV вв. до начала XX века. В XII–XIV вв. это движение было связано с освоением земель коми-зырянами и русскими в Прикамье. Академик Г.Ф. Миллер, побывавший в 1740 г. в городе Березове, составил на основе расспросов местных жителей (как русских, так и ханты и манси) своеобразный путеводитель по Северной Сосьве. Все селения, расположенные по берегам Северной Сосьвы и ее притокам Ляпину (Сыгве) и Малой Сосьве, он называл вогульскими. Вместе с тем в своем путеводителе Г.Ф. Миллер [120, с. 232] отмечал: «На Лозьве живут вогулы, относящиеся к уезду города Чердыни в Перми, и иногда они переходят на Сосьву». Таким образом, продвижение манси на Северную Сосьву с Урала продолжалось и в 40-е годы XVIII в., хотя в целом к этому времени этнокультурная ситуация в Сосьвинско-Ляпинском бассейне кардинально изменилась. Многие аборигены-ханты, переняв язык и культуру пришельцев-вогулов, стали относить себя к манси. Другие, покинув родные кочевья, ушли в низовья Оби, тесня обдорских ненцев-самоедов. Основной отток хантыйского населения пришелся на 1740–1750-е годы. В результате на основе смешения местного хантыйского и пришлого мансийского населения сформировался субэтнотип северных манси.

Вверх по Оби, в низовьях Иртыша и его притока Конды, расселялись южные ханты (само-название – «ханды»). К концу XVIII столетия на рассматриваемой территории оставалось примерно 4100 человек аборигенного населения. Уменьшение его численности было вызвано растворением части южных ханты в русской среде, а также оттоком ханты на восток, в бассейн реки Васюгана. При этом в низовьях Конды наблюдался заметный рост ясачного населения. Однако он был связан не с увеличением числа ханты, а с переселением в эти места в начале XIX столетия манси, живших в Приуралье и в Северном Зауралье. Местные остяки уже к 1740 г., по утверждению Г.Ф. Миллера [120, с. 234], были «сильно перемешаны с вогулами». Приток манси, вытеснявшихся из Приуралья русской и коми колонизацией, продолжался в течение всего XVIII и первой половины XIX в., причем манси расселялись не только в устье Конды, но и в ее верхнем и среднем течении и на ее притоках Мулымье и Большом Тапе.

В бассейне Средней Оби и ее притоков Салыма, Балыка, Пима, Большого Югана, Тромъегана и Ваха размещались ханты, которые составляли восточную этнографическую группу (само-название – «кантых» или «кантэк»). К началу XVIII в. их численность не превышала 1400 человек, а к концу столетия достигла 4400 человек. Столь значительное увеличение численности населения надо связывать, прежде всего, с притоком на восток Среднего Приобья южных и северных ханты вслед за русскими военными отрядами.

На реке Вах, выше впадения в нее реки Куль-Ёган, до устья реки Кама-Сесьеган, жили селькупы, пришедшие сюда из Нарымского Приобья. Появление селькупов на Вахе относится к XVI столетию, они образовали здесь Тымскую волость. Однако к началу XVII в. ваховские селькупы-старожилы переехали на север, в бассейн Таза. Движение нарымских селькупов на север в XVIII в. не прекратилось, и в дальнейшем селькупы (или, как их еще называли, нарымские остяки) начали осваивать низовья Куль-Ёгана. Однако к 60-м годам XVIII в. в Тымской волости проживало уже немало ханты. Селькупское население испытывало сильное влияние со стороны последних и постепенно ассимилировалось с ними.

Ненцы, как и селькупы, представляли собой не коренное, а пришлое население Югры. Численность их на протяжении XVIII в. оставалась невысока. В районе Ляпина кочевали тундровые ненцы, пришедшие сюда «из-за Камня» – с Печоры. Наряду с «ляпинской самоедью», источники начала XVIII в. упоминают «обдорскую самоедь» – тундровых ненцев, кочевавших к северу от Югорской земли, и «казымскую самоедь» – лесных ненцев. В начале столетия название «казымские» означало еще не место проживания, а место платежа ясака. Постоянная территория кочевков «казымской самоеди» располагалась северо-восточнее, вне пределов Березовского уезда, к которому ненцы были приписаны, – в бассейнах Пура, Таза и Надыма. К середине XVIII века общая численность лесных ненцев превышала 800 человек. В это время ненцы уже жили в верховьях Казыма, а также по его притоку Соруму. С верховьев Казыма лесные ненцы иногда откочевывали на время к Сургугу, однако большая их часть оставалась на Пуре.

Население Среднего Приобья в конце XIX века, по данным А.А. Дунина-Горкавича [60, с. 98], было немногочисленным: «...на пространстве 83830 кв. верст достигало 35 тыс. душ обо-его пола по сведениям Всеобщей переписи 1897 г. Этнографический состав населения включал в себя русских, зырян, остяков, вогул и самодейцев. Из них по численности первое место занимали остяки, затем русские, самодейцы, вогулы и зыряне. Русские расселились по долинам Оби и Иртыша, вне пределов Оби, только в отдельных местах по ее судоходным притокам – Сосьве, Ваху и Югану. Зыряне проживали оседло в Березовском уезде, в Мужах, в Обдорске, Саранпауле. Остяки же вместе с вогулами населяли зону высокоствольных лесов» (см. приложение, рис. 13).

В XIX и начале XX в. Среднее Приобье продолжало активно осваиваться коми-зырянами из бассейна Печоры. В 1916 г. численность постоянного зырянского населения Березовского уезда составляла 2350 человек. По данным переписи 1897 г., общая численность аборигенов Северо-Западной Сибири составляла 24768 человек, в их числе ханты – 16495, манси – 3842, ненцев – 4431. Всего вместе с русским старожильческим населением на территории Среднего Приобья проживало около 30 тыс. человек.

Совместное проживание в течение двух с лишним столетий, конечно же, способствовало взаимопроникновению и взаимообогащению материальной и духовной культуры коренного и русского старожильческого населения Западной Сибири. Русские охотники использовали на охоте ружья, а также заимствованные у коренного населения луки, черканы и разнообразные ловушки. Если в XVI в. у ханты, манси и ненцев не отмечалось наличия огнестрельного

оружия, то уже к концу XVII в. с Казанских пороховых заводов ежегодно отправлялось в Тобольск для продажи «ясашным» до 2400 пудов пороха. В начале XVIII века в Березов, Сургут, Тобольск постоянно приезжали торговцы из городов Европейской России (Туринска, Ирбита, Тюмени и др.). Купцы привозили на продажу коренным жителям холст, сукно, масло, сахар, бумагу, всевозможную «лавочную мелочь», вывозя из земли Югорской главным образом пушнину, ценные породы рыб, олени и лосиные шкуры. К 1740 г. местные сибирские купцы практически вытеснили своих конкурентов из Европейской России. Скупая пушнину у аборигенов, они вывозили ее на ярмарки в Тобольск и Ирбит. А в конце XVII в. тобольские власти учредили специальные ярмарки для торговли с «ясачным людом» в Березове, Сургуте и Юганском погосте.

Русское влияние начало сказываться на бытовых традициях коренных народов Югорской земли. Во второй половине XVIII в. для угорского населения стали привычными русские рубахи, сапоги, шубы, армяки, кафтаны, штаны. И наоборот, многие предметы костюма местных народов заимствовались русскими. Культурному взаимодействию русского и коренного населения способствовало многое: владение и тем, и другим языками, «дружество», а также смешанные браки, хотя число их было небольшим. И все же Западная Сибирь не стала общим «лавильным котлом» для ее народов, каждый из которых сохранил характерные черты своей духовной и материальной культуры, хотя в XVI–XVIII вв. в ней происходили сложные этногенетические и миграционные процессы.

Таким образом, на начальном этапе колонизации севера Западной Сибири формировался первый опыт совместного проживания и взаимовлияния русского, тюркских и угросамодийских народов.

С XVII века в процесс освоения территорий Сибири вообще, и Среднего Приобья в частности, включается государство. Оно втягивает в свою структуру население Севера, навязывая ему неэквивалентные, невыгодные обменные отношения. В результате население вынужденно было перейти от промысла, обеспечивающего только его насущные потребности, к «перепромыслу», обеспечивающему помимо личных потребностей, уплату ясака и приобретение необходимой для жизни импортной продукции (металлические котлы, капканы, огнестрельное оружие, ткани, продукты питания и т.д.). К этому необходимо добавить активное участие в добыче пушнины русских промышленников, деятельность которых была ориентирована исключительно на рынок. В XVIII–XIX вв. в сферу рыночных отношений втягивается рыболовный промысел главных речных магистралей, в первую очередь, низовий Оби.

Активный промысел, а точнее перепромысел привел к истощению соболиных запасов в большинстве уездов Западной Сибири уже к середине XVII века. К концу века были значительно подорваны и запасы бобра. Интенсивный лов рыбы привел к сокращению ее запасов, что констатировали современники на рубеже XIX–XX вв. В результате интенсивного промысла пушных зверей происходило истощение их запасов. Академик Г.Ф. Миллер [76, с.234], в 30–40-х гг. XVIII столетия путешествовавший по Сибири, отметил, что «пушные сливки по Оби к началу XVIII в. уже были сняты». По мнению академика, сложившаяся ситуация вполне может быть объяснена экологическими причинами, ибо коренные жители Обь-Иртышья, найдшиеся в своеобразном симбиозе с природой, не имели особого желания разрушать среду своего обитания и не стремились поэтому к хищническому истреблению ценных пушных зверей. Гармония в отношениях с природой была для них законом куда более высокого порядка, нежели ясачный оклад. Иное дело – русские промышленные люди, ставившие перед собой иные цели, в первую очередь наживу. Видимо, этот «природоохранный» аспект был предусмотрен центральными властями в проведении колониальной политики.

Негативные последствия чрезмерного воздействия на отдельные природные ресурсы заставляло власти принимать определенные меры. В Сургутском уезде в 1608–1610 гг. промысел соболя русским людям в ясачных волостях был запрещен. В 80-е гг. XVII в. русский соболиный промысел в большинстве районов Сибири был запрещен или резко ограничен. Однако эти меры не распространялись на коренное ясачное население, соболиный промысел которого всячески поощрялся. Рыболовный промысел особенно не регулировался.

Кроме того русским запрещалось селиться за городской чертой, на землях аборигенного населения, что объяснялось в первую очередь политикой правительства, направленной на закрепление местных лесных и водных угодий за ясачными людьми. Причем особенно старательно охранялись охотничьи угодья, поскольку именно охотничья продукция, т.е. пушнина,

была главным доходом казны. Даже к концу XVIII столетия в крае почти не практиковалась аренда охотничьих участков, которыми владели аборигены тайги. Русскому населению разрешалось добывать зверей и птиц только вблизи от своих поселений, в то время как ханты, манси и ненцы охотились на обширных пространствах. При этом строго соблюдались границы владений волостей и селений, самовольно хозяйничать в охотничьих угодьях чужой волости не допускалось.

Власти неустанно подтверждали свое распоряжение, чтобы русские промышленники «на ясачные промыслы отнюдь не ходили». Указ 1731 г. гласил: «...где промышляют ясачные люди соболя и другога зверя, чтоб на тех местах вольным промышленникам не промышлять» [58, с. 198]. Вплоть до XIX столетия законом запрещалось горожанам «въезжать» в селения ясачных людей и торговать с ними, за исключением ярмарочных дней. Забота государства о правах ясачного населения объяснялась тем, что запасы пушного зверя в течение XVIII в. последовательно уменьшались, вследствие чего недоборы ясака становились постоянными, и это, конечно же, пугало власти.

Основой же хозяйства коренного населения Среднего Приобья в XVIII веке по-прежнему оставалось рыболовство, поскольку запасы рыбы пока еще не оскудевали. Русское правительство стремилось сохранить рыбные богатства края в своем ведении – до начала XVIII столетия с некоторых ясачных областей брался особый, «рыбный сбор». Но впоследствии высшие власти в Петербурге и Тобольске зачастую освобождали «рыбные ловли» аборигенного населения от налогообложения, поскольку, как и в прежние времена, для жителей Приобья рыболовство было основным средством существования. Рыболовство, как главное занятие остяков, способствовало сохранению полукочевого образа жизни, поскольку приходилось летом переходить «для рыбных ловель» с места на место. Многоснежные зимы, характерные для периода Малой ледниковой эпохи, несомненно, приводили к высоким уровням и большим разливам сибирских рек, что благоприятствовало умножению рыбных запасов, но при этом ухудшались хозяйственно-экологические условия жизни населения. Подобные наводнения присущи не только рекам Обско-Иртышского бассейна, но именно здесь длительность многоводных циклов наиболее значительна и составляет 5–8 лет, в отличие от остальных речных систем России, где продолжительность многоводных циклов не превышает по длительности 3–4 года [104]. Во время многоводных циклов вода в реках Обско-Иртышского бассейна спадает только в конце лета или даже в начале осени. Источники крайне скудно сообщают о наводнениях с высоким уровнем в XVIII веке: 1736, 1751, 1761, 1784, 1788, 1794 годы. Для первой половины XIX века удастся восстановить куда более полную картину: 1810–1812, 1818–1820, 1822, 1824, 1835, 1837–1838, 1845–1847, 1850, 1854, 1856–1859, 1861 годы [50]. Среди указанных наводнений с высоким уровнем поднятия вод выделялись наводнения-катастрофы с чрезвычайно высоким уровнем. В сибирских анналах отмечены как катастрофические наводнения 1761, 1784, 1794, 1811, 1824, 1838, 1856, 1859 годов.

Урон для хозяйства, наносимый катастрофическими наводнениями, был весьма ощутим. Страдали буквально все отрасли хозяйства. Во время наводнения была массовая гибель скота, а оставшийся нечем было кормить, так как все пастбищные угодья были надолго затоплены, по этой же причине невозможно было заготовить сено на период стойлового содержания скота.

Как следствие наводнения, практически останавливался рыболовный промысел. Весной лов просто-напросто был исключен: «В годы высокого стояния воды, когда берега соров затоплены, лов бывает неудачен, так как, во-первых, погода препятствует постановке сетей; во-вторых, рыба широко расходится, и в каждом данном месте ее трудней поймать; в-третьих, течение воды не позволяет ставить сети. Поэтому при высоком стоянии воды добывается лишь ничтожное количество рыбы» [169, с. 97].

Добавим к этому, что соровой лов был основным и наиболее продуктивным в весенний период. Но не лучше обстояли дела и с летним ловом. Основной составляющей летнего лова являлась неводьба на рыболовных песках. Данный вид угодий во время наводнений затопливался, и неводьба становилась невозможна: «Весенняя рыбная ловля всюду была очень неудачна, а начать ловлю обыкновенным летним способом, т.е. неводами, не было никакой возможности, потому что и к концу июля все берега, способные для этой ловли, находятся еще под водою» [79, с. 54]. Затопленную пойму покидали звери и боровая дичь – скрывались далее в дебри. Во время прохождения многоводного цикла хозяйственная структура региона пойменной о типа входила в состояние глубокой депрессии.

Как и охотничьи угодья, наиболее продуктивные рыболовные угодья (пески, речки, протоки и проточные озера) государство закрепляло за коренными жителями, разрешая русским жителям брать их у аборигенных общин в аренду, а без разрешения не пользоваться. Местные русские жители Березовского и Сургутского уездов издавна арендовали у ханты и манси рыболовные «дачи» без письменных договоров, в обмен на муку и другие припасы. Но уже к концу XVIII столетия часть наиболее богатых угодий по Оби и Иртышу переходит к русским арендаторам, особенно туринским и тобольским купцам, и рыбопромышленное предпринимательство в крае достигает широкого размаха. Ежегодно рыбопромышленниками вылавливалось от 1,5 до 2 млн. штук разной рыбы: осетров, муксунов, стерлядей, щук, пыжьянов, сырков, нельм, налимов, шук, сорог, карасей и рыб других, менее ценных пород. Деятельность приезжих предпринимателей имела как отрицательные стороны (допускалось хищническое вылавливание рыбы, нарушение прав и обман владельцев угодий), так и положительные. Рыбопромышленники расчищали и благоустраивали арендованные у остяков и вогулов рыболовные участки, совершенствовалась техника рыболовства – коренные жители получали от русских невода в счет платы за аренду, перенимали новые способы рыбной ловли неводными снастями.

В этот период, в 50–60-х гг. XIX века, в Среднем Приобье велись достаточно успешные опыты по выращиванию зерновых культур. Первые попытки хлебопашества предпринимались здесь еще в 1826 г. и были связаны с деятельностью березовского купца А.И. Нижегородцева, который сделал пробные посевы ячменя и овса и получил положительные результаты, замеченные даже в Санкт-Петербурге. Но по ряду причин начинание березовского купца продолжения не получило. Практика среднеобских хлеборобов-энтузиастов показала, что «местная почва и климат для выращивания озимых хлебов в значительной мере пригодны» [77]. Однако широкой поддержки среди местного населения не получили – сказывались недостаток знаний, а главное, консерватизм привычек. В начале XX в. опытная работа по развитию полеводства на Югорском Севере продолжалась, причем более успешно дело шло у сосвинско-ляпинских коми-зырян. С 1911 г. саранпаульские зыряне стали выращивать ячмень в поле, экспериментировали с разными культурами, отбирая наиболее урожайные для местных условий.

Земледелие в начале XX в. проникает и в бассейн Конды. Успешно выращивали рожь, овес и ячмень жители сел Нахрачинское, Болчаровское, Леушинское. К 1915 г. в Березовском уезде выращивалось уже столько овощей (прежде всего огурцов, свеклы, моркови, репы и брюквы), что их даже продавали на проходящие пароходы. Под влиянием русских на юге Березовского уезда выращиванием овощей в начале XX в. занимались многие ханты и манси. А для коми-зырян огородничество вообще стало таким же привычным занятием, как и для русских. Посетив в начале XX в. Кондинскую волость, А.А. Дунин-Горкавич [60, с. 130] заметил: «Обитатели с. Нахрачи (как русские, так и вогулы) сажают в огородах картофель, репу и огурцы. В остальных поселениях этой волости все инородцы сеют картофель».

Но все же и к концу XIX в. хлебопашество на Обском Севере не выходило за рамки опытного хозяйства, и северная граница хлебопашества продолжала проходить по Самаровской волости. Местное население по-прежнему продолжало снабжаться хлебом через государственную систему казенных хлебозапасных магазинов, но овощами уже обеспечивало себя само, причем овощеводство края в известной степени опиралось уже на научные знания и технологии.

Нельзя не отметить, что усиление процессов сельскохозяйственного освоения Западной Сибири происходило на фоне прогрессирующего потепления климата «восходящей» фазы Малой ледниковой эпохи. Потепление и аридизация летних сезонов, с одной стороны, благоприятствовали развитию земледелия, но с другой стороны, способствовали распространению лесных пожаров, нанесших огромный ущерб традиционной экономике таежных аборигенов. Об этом свидетельствуют разные источники, в частности, М.А. Кастрен [79, с. 32] во время своего путешествия по Западной Сибири в 1845–1849 гг. отмечал, что «звероловство, бывшее прежде вместе с рыболовством главным промыслом остяков, теперь весьма незначительно, потому, что в последние времена леса везде выгорели. Соболи, лисицы и песцы, некогда составлявшие богатство страны, теперь уже редкость». Юганский священник отец Иван Тверетинов с искренним состраданием писал, что «быт инородцев в отношении промыслов достоин полного сострадания. Лет около 20 назад или меньше (1826 г. – Авт.) у них (остяков, живущих по рекам Большому и Малому Югану. – Авт.) выгорели все леса (материки), где были вековые деревья черного леса, заставлявшие останавливаться ежегодно пробегных разного рода хороших зверей, как-то: соболя, лисицу, белку и прочих. Ныне же туг вырос почти непроходимый березняк,

который несколько не привлекателен для упомянутого зверя...» [58, с. 253]. Несколько позднее, в 1903 г., об этом же писал А.А. Дунин-Горкавич [60, с. 158–159]: «В настоящее время со стороны инородцев повсеместно слышатся жалобы на оскудпение зверя, сравнительно с прежним временем. В иных районах наблюдается вообще отсутствие некоторых пород зверя, но это произошло оттого, что зверь, вследствие лесных пожаров 1826 г., конца 40-х и 60-х годов, перекочевал в другие, более безопасные местности. Лесные пожары, истребляя гнезда и корм, заставляют зверя переходить на другие, более удобные места. Таким образом, в одних районах население совершенно лишается одного из главных средств к существованию, между тем как в других, соседних, благодаря значительному там скоплению зверя, промысел принимает хищнический характер. Лесные пожары конца 60-х годов произвели опустошение по всему Тобольскому Северу. Насколько велик нанесенный вред, можно судить по тому, что, например, в Ваховском крае до пожара в числе прочего зверя водились соболь и дикий олень, между тем как в настоящее время главным и почти единственным объектом промысла в этом крае служит белка». В Березовском округе лес был уничтожен «на многие сотни верст», а в конце 60-х годов XIX века по реке Демьянке, вплоть до Оби, огнем были уничтожены все леса [121, с. 50].

Причины пожаров носили большей частью антропогенный характер и проявлялись в виде так называемых «палов». В частности в Западной Сибири был известен такой способ применения открытого огня в хозяйственных целях как «звероловный пал». Так «для приманивания» дикого оленя свежей травой зверолов «...выжигает весной засохшую траву в лесу и распространяет в нем опустошительный пожар». «Ягодный пал» предназначался для уничтожения «поновления» старых, потерявших продуктивность брусничников. Выжигание старых брусничных угодий ускоряло процесс восстановления их продуктивности. Так, по замечаниям старожилов, в естественном ритме обновления боровые брусничники начинают давать повышенные урожаи через 12 лет. После же «опалки» бор дарил человека высокими урожаями ягод уже через три года. Так, на реке Конде по рассказам старожилов бор палили весной, «когда вода еще под мхом». Решение об «обновлении» бора принимал деревенский сход. После опалки бор был закрыт на несколько лет для ягодников [169].

Пожары-катастрофы, когда выгорали леса на больших пространствах, повергали хозяйственную структуру северного пойменного типа в депрессивное состояние. От пожаров погибали или надолго уходили далее в дебри животные. Во время губительных лесных пожаров первым делом выгорали кедровники. В 60-х годах XIX века на Демьянке по отзывам старожилов, выгорели все кедровники. Еще в 90-х годах XIX века по этой причине демьянские крестьяне вынуждены были арендовать кедровники у аборигенов на большом удалении от своих поселений.

Серьезно страдал рыболовный промысел. Дело в том, что во время катастрофических лесных пожаров в воду рек и озер попадают в большом количестве продукты горения, что может привести к массовой гибели рыбы. «Жители Березова ранее были богаче, очень многие имели крытые лодки, плавали на промысла. Опустошительные пожары разорили народ...» – писал о последствиях лесных пожаров 90-х годов XIX века в Березовском крае Н.Л. Скалозубов [169, с. 114]. Изменения наступили только в условиях относительной земледельческой перенаселенности, когда приходилось интенсифицировать хозяйство, а побочные последствия применения открытого огня стали перекрывать все достоинства этого хозяйственного инструмента.

В результате русского воздействия сформировались два новых хозяйственно-культурных типа (ХКТ) – аборигенный и русский [100]:

1) Аборигенный ХКТ: основу жизнеобеспечения составляли рыболовство, охота на птицу, лося и дикого северного оленя. Охота имела мясо-пушное направление. В XVI – сер. XVIII вв. из пушных зверей добывался главным образом соболь, с сер. XVIII в. – песец и белка. Оленеводство малостадное, транспортное, собаководство транспортное, зверовое;

2) Русско-старожильский ХКТ: основой жизнеобеспечения служили привозное зерно, рыболовство, охота на птицу, зайца, в крупных населенных пунктах – разведение коров, свиней. В структуре охоты преобладал промысел пушных видов – соболя и песца. Коневодство транспортной направленности, собаководство зверовое.

Если в эволюции системы расселения аборигенного населения Среднеобского региона отчетливо проявляется природно-климатическая доминанта, то расселение русского населения определялось в большей степени причинами социально-политического характера. В числе основных причин сложившейся ситуации следует назвать политику русского правительства,

направленную на закрепление местных лесных и водных угодий за ясачными людьми. Во-вторых, важно учесть и природно-климатические условия того времени, Малой ледниковой эпохи, препятствовавшие массовой крестьянской колонизации севера Западной Сибири.

Хотя в целом к концу XVIII столетия численность русского населения земли Югорской несколько увеличилась, оно оставалось малочисленным и продолжало заметно уступать по численности коренным народам. На Севере оно сосредотачивалось в городах Березове и Сургуте, и было представлено в основном «служилыми» людьми: казаками, служащими и церковнослужителями. Крестьянского населения, за некоторым исключением (ямские селения по Нижнему Иртышу, монастырские вотчины Кондинского монастыря), на севере Обь-Иртышья почти не было. С целью налаживания бесперебойного движения людей и грузов за Урал, на наиболее оживленных направлениях вдоль рек в конце XVI в. были заведены ямы – особые станции для перемены лошадей. На них стали селить русских «ямских охотников», набранных в Соли Вычегодской, Чердыни и Соли Камской. Один из таких ямов был создан в низовьях Иртыша и получил название Демьянского, другой возник на Белогорье в бывших владениях остяцкого князя Самара (Самаровский ям). Самаровский ям стал важным транзитным пунктом, через который проходил большой поток людей, товаров и грузов в Сибирь и обратно в Россию. Ямская гоньба из Самарова осуществлялась по трем направлениям: по Иртышу до Демьянского яра и далее на Тобольск и Тюмень; вверх по Оби до Сургута и вниз по Оби до Сухорукловских юрт.

Как отмечал М.А. Кастрен [79, с. 35], совершивший в первой половине XIX в. путешествие по Западной Сибири, «страна эта между двумя городами (Сургутом и Нарымом. – Авт.) – пустыня, покинутая русскими и слабо населенная туземцами. На этом пути нет даже временных станций, очень обыкновенных в Сибири... Народонаселение села Ларьятского, кроме коренных жителей и церковных служителей, состоит только из немногих (2–3 семьи) русских поселенцев... Далее от устья Ваха берега Оби постоянно пустынь и необитаемы».

Но уже в первой половине XIX столетия в Среднем Приобье появились русские села и деревни. По данным 1803 г., в Сургутском уезде за пределами города проживало около трех десятков русских людей, в основном служилых. А к 1851 г. уже было пять сел, где в основном проживали русские крестьяне: Юганское на Большом Югане (74 человека), Ларьятское (16 человек) и Ваховское (37 человек) на Вахе, Селияровское (53 человека), Нижне-Лумпокольское (18 человек) и Верхне-Лумпокольское на Оби. Появились и деревни: Пилигинская (Романова), Тундрина, Локосова, Кунинская.

Исторические памятники убеждают, что если аборигенного населения в Сибири было не более, чем после прихода русских, то, во всяком случае, они размещались гораздо шире и свободнее по таежной территории. Приходится констатировать, что ареал размещения аборигенного населения не остался тем же самым, как до пришествия русских, он все более и более сужался. Район же промыслов при занятии края русским населением все более отодвигался и ограничивался. С уменьшением числа районов звероловства, рыболовства, с сокращением пастбищ и уменьшением возможности передвижения сокращались и средства к пропитанию. А, кроме того, сами территории, куда аборигены были оттеснены далеко не всегда по климатическим, топографическим и экологическим условиям, соответствовали тем местам, которые они занимали прежде. Так что аборигенам приходилось приучаться, приноравливаться к новым условиям жизни не постепенно, а сразу. Этот процесс нарастал вместе с русским заселением Сибири, расчисткой лесов, занятием речных долин и устьев рек. По отношению к распределению землевладений к началу XX в. замечается повсюду факт перехода лучших угодий, лугов, сенокосов, рыбных ловель к русским.

Таким образом, с началом русского освоения Западной Сибири туземное население Среднего Приобья оказалось включенным в политико-экономическую систему Российского государства. Исследователи отмечают, что фактор русского воздействия выражался не только в проведении ясачной политики, складывании торговых отношений, внедрении новых хозяйственных технологий, но и в миграционно-демографических и эколого-экономических сдвигах. Отправными моментами хозяйственно-культурных изменений в Среднем Приобье в период XVII – начала XX вв. стали товаризация пушной охоты и рыболовства, развитие транспортного оленеводства [43].

3.3.5. Доиндустриальная стадия (эпоха советской государственности)

Значительные последствия для коренного населения Севера имели социалистические преобразования 1920–1950-х гг. – кооперация и коллективизация, принудительный перевод на оседлость и укрупнение поселков, разрушение институтов самоуправления, организация школ-интернатов. В результате советского строительства изменился хозяйственный уклад аборигенов (ведущие отрасли подверглись модификации и были включены в систему государственного производства). Разрушению подверглись традиционные системы природопользования и расселения, значительная часть коренных жителей оказалась оторванной от исконной среды обитания, а насаждение новой идеологии сопровождалось вынужденным забвением этнической культуры, нарушением механизмов межпоколенной передачи опыта природопользования.

Первые послереволюционные годы резко осложнили социально-экономическую обстановку в Среднем Приобье. Разрыв давних торговых и экономических связей, выразившийся в резком сокращении завоза продовольствия, тканей, орудий охоты и рыболовства, предметов первой необходимости, поставил коренное население Среднеобского региона в чрезвычайно тяжелые условия. По сравнению с довоенным временем вдвое сократилась добыча рыбы, увеличился падеж оленей. В 1920–1921 гг., по словам Е.И. Гололобова [45], началась «стихийная погоня за пушниной». В это время продовольственные и необходимые промышленные товары на Севере обменивались исключительно на пушнину, ею же выплачивалась зарплата совслужащим. Меха отдавались предпочтение и при взимании налогов и разверстки. По данным пушного отдела Тоболсевероуралья добыча пушнины в 1921–1922 гг. составляла не более 40% от довоенного уровня [45]. Причинами сокращения добычи были отголоски кризиса, выразившиеся в отсутствии или недостатке боеприпасов в связи с прекращением «северного завоза» и имевшими место реквизициями оружия у коренного населения во время Западно-Сибирского восстания 1921 г. Seriously ухудшилось положение и с рыбодобычей, уровень которой в 1920 г. составлял 60% к уровню 1913 г. Население в самый разгар рыбной путины постоянно отвлекалось на выполнение различных трудовых повинностей.

1922–1923 гг. стали переходными от военных действий к мирной жизни. На рубеже 1922–23 гг. государство отказалось от монополии на добычу рыбы в Среднем Приобье. Укрупнение рыболовецких промыслов с помощью систем государственного лова и кооперации, повышение закупочных цен на местную продукцию, введение твердой денежной системы расчетов по единым ценам способствовали увеличению объемов рыбодобычи. Как отмечает Л.В. Алексеева [4], в 1920-е годы в рыбном хозяйстве Обского Севера происходили противоречивые процессы, рыбное хозяйство велось экстенсивным способом, не отвечающим новым методам хозяйствования, и к концу 20-х годов оно утратило свою лидирующую роль в структуре хозяйства.

Рыболовство в постреволюционный период возрождалось очень медленно, пушной промысел намного быстрее. Уже в сезон 1925–1926 г. охотниками края был достигнут предвоенный уровень 1913 года. Е.И. Гололобов [45] считает, что стабилизации этой отрасли экономики северного края и ее дальнейшему росту способствовала активная роль государства в организации пушного промысла.

Значительному развитию охотничьего хозяйства во второй половине 20-х годов способствовала весьма благоприятная рыночная конъюнктура с пушниной и валютное значение сибирских мехов во внешней торговле. Спрос на сибирские меха – на традиционный экспортный товар – резко возрос в связи с расширением внешней торговли СССР, которая во многом обеспечивала программу промышленной модернизации страны. Экспортная доля Тобольского Севера составляла по собольим шкуркам 10%, а по песцовым – 24% всего российского вывоза за границу. В 1925–1926 гг. пушнина занимала в общем объеме 20% экспорта (по сравнению с 4% довоенного времени). Благоприятная конъюнктура рынка спровоцировала массовую переориентацию коренного населения с рыболовства на пушной промысел как на наиболее рентабельный. Существовавшее в начале XX в. соотношение между товарной продукцией рыболовства и пушным промыслом (4,2:10) сменилось соотношением, близким к равенству [4].

Это негативным образом отразилось на рыбном промысле, являвшимся основой жизни для коренного населения региона. Он стал просто нерентабельным, что отрицательно сказывалось на уровне жизни населения. Ситуацию усугубляла недальновидная политика советской власти в первой половине 20-х годов в сфере регулирования рыболовного промысла.

Правительство национализировало все рыбопромысловые угодья от устья Оби до Сургута, и эксплуатация их должна была осуществляться на основе государственной монополии. Все это

приводило к оттоку экономически активного населения из рыболовства и к переориентации его на пушную охоту.

Данные свидетельствуют о быстром и неуклонном сокращении пушных ресурсов. Д. Бобль [135] указывал, что наиболее ценные породы пушных зверей нуждаются в охране от окончательного истребления. В Кондинском районе отмечалось сокращение выхода пушнины по сравнению с довоенными временами в среднем в два раза. В Сургутском районе в 1920-е годы соболь почти не встречался. Анализируя динамику объемов добычи пушнины, Е.И. Гололобов [45] отмечал, что отдельные виды животных (белка, лисица, песец), способные в благополучные годы интенсивно размножаться, еще могут восстанавливать свою численность, а вот интенсивная охота на других живогных, обладающих меньшей плодовитостью (на соболя, бобра), может привести к их полному уничтожению. По его данным, в рассматриваемый период небольшие ресурсы этих живогных сохранились лишь в верховьях Сосьвы и Конды.

Конечно же, численность пушных зверей всегда была подвержена периодическим колебаниям, связанным с интенсивностью прилода, эпизоотиями, лесными пожарами. Но все-таки главной причиной катастрофического сокращения пушных ресурсов в первое послереволюционное десятилетие, безусловно, стало интенсивное истребление промысловых животных без соблюдения каких-либо правил и ограничений. В числе основных нарушений были несоблюдение сроков охоты, добыча невыходной пушнины, а также использование способов массового истребления животных, не применявшихся ранее. К числу последних следует отнести ловлю лисьего молодняка во время половодий и травлю лисиц стрихнином, отлавливание песцовых детенышей в норах и т.п.

Стремительное сокращение пушных ресурсов таежного Обь-Иртышья требовало незамедлительного осуществления комплекса мероприятий по восстановлению ресурсной базы охотничьего хозяйства. В конце 20-х-начале 30-х годов были приняты меры для упорядочивания охоты: ограничивались ее сроки в соответствии с климатическими условиями. В частности, на пушных зверей охота разрешалась только с ноября по март, когда зверь приобретает хорошую, полноценную шкуру. Категорически запрещалось бить неперелинявшего зверя и использовать самоловные приспособления, портящие шкуру зверей, запрещалось также применять способы массового истребления животных. С 1926 г. была запрещена охота на соболя. Важное место занимала работа по разграничению охотничьих угодий и закреплению их за объединениями охотников, как из числа коренного населения, так и из числа русских промысловиков, объединенных, как правило, в кооперативы.

Составной частью природоохранных мероприятий стало создание широкой сети заказников и заповедников для охраны промысловой фауны. К 1926 г. в Уральской области их насчитывалось 249 общей площадью 1800 тыс. га [137]. Первым из них на территории Обско-Иртышского Севера стал Кондо-Сосьвинский боброво-соболиный заповедник, организованный в 1928 г. В результате принятых мер вместо трех-четырёх десятков оставшихся здесь соболей через три года их было учтено уже полторы тысячи. В первые два года 30-х годов уже в рамках созданного Остяко-Вогульского национального округа было создано шесть производственно-охотничьих станций (ПОС). Их целью было сохранение и восстановление поголовья промысловых зверей, а также акклиматизация ценных видов из других районов страны. В 1932 г. на реке Малая Сосьва выпустили пять десятков американских мускусных крыс – ондатр, начав заселение ими водоемов округа. В то же время в бассейне реки Супры (Кондинский район) были расселены 72 американские норки, затем таких же норок выпустили и на реке Аган в Сургутском районе.

Попыткой разрешения противоречия между растущим спросом на пушнину и истощением пушных ресурсов Севера стала организация, начиная с 1935 г., клеточного пушного звероводства в крае: в нескольких зверопромхозах началось разведение серебристо-черных лисиц. Несмотря на все перечисленные меры, статистические данные говорят о том, что заготовка пушнины в крае в течение 30-х годов неуклонно снижалась.

Е.И. Гололобов [45, с. 168], анализируя социально-экономическое развитие Сургута и Сургутского района в 20-е годы XX в., отмечал: «Хищническое истребление пушных животных, уничтожение рыбных ресурсов, отсутствие необходимых средств для развития хозяйства, приводили к тому, что регион с колоссальными потенциальными возможностями постепенно терял свое общегосударственное значение в экономическом плане. Падение добычи пушнины привело к росту ухудшению условий жизни населения северных территорий».

О материальной стороне жизни М.Б. Шатилов [194, с. 250] писал, что «промыслы современного ваховского остяка остаются теми же, что и во времена до прихода русских. В общих чертах прогресса хозяйства остяков в смысле появления каких-либо новых его отраслей за эти последние более чем три столетия мы не наблюдаем; за это время произошло лишь снижение всех этих промыслов в смысле количественном».

Так, в результатах экспедиционного обследования, представленных М.Б. Шагиловым в Главный Комитет Севера при ВЦИКе под названием «Хозяйство ваховских остяков», говорится, что рыболовный промысел за последнее десятилетие к 1926 г. не претерпел каких-либо серьезных изменений, и «происходят колебания в разные годы лишь в зависимости от подъема воды по Ваху и по Оби». Если же взять более длительный период времени, то произошло значительное снижение добычи рыбы. Одной из причин, кроме общих условий колебания рыбного промысла по всей системе Оби, являются в местных условиях по Ваху различного рода сплошные заграждения истоков, из-за чего рыба остается в разных заливных озерах, заливчиках и т.п., где и «глохнет». Пагубно отражается также добыча рыбы в период икрометания, когда таким образом губится будущий ее урожай». Общее состояние звероловного промысла, М.Б. Шатилов, сравнил его с прошлым временем, также охарактеризовал как неудовлетворительное: «Промысел падает, по словам остяков, потому, что белка уходит все дальше и дальше <...> Остяки также считают, что белка вообще уже сильно выбита в районах их промыслов» [194, с. 236].

В первое десятилетие Советской власти государственные органы особо не вмешивались в отношения собственности и в формы хозяйствования аборигенов, сохранившие до начала 30-х годов традиционные черты. Однако на рубеже 20-30-х годов в Среднем Приобье начались решительные преобразования, изменившие хозяйственный уклад и характер природопользования населения региона. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 года вогулов (манси) насчитывалось всего 1907, что составляло 3,4% всего населения Приобского Севера. Остяки (ханты) насчитывали 16576 человек и составляли 22,47% всего населения. Самоедов было учтено 12964 человек, или 7,8% населения края. Русские составляли 36,1% населения, их насчитывалось 20035 человек. Общий процент туземного населения составлял 63,81%.

Переселение на Север в начале 30-х годов десятков тысяч раскулаченных крестьян привело к изменению численности населения и этнической структуры в регионе. По данным Всесоюзной переписи 1939 года, в Остяко-Вогульском округе были зарегистрированы 93274 человека, а в Ямало-Ненецком – 45840 человек. Таким образом, численность населения края за 10 лет возросла в 2,5 раза. В этой связи изменилось соотношение числа аборигенов и числа представителей других национальностей. В Остяко-Вогульском округе доля аборигенного населения снизилась до 20,23%, из которых ханты составляли 12238 человек (13,12%), манси – 5768 человек (6,87%), ненцы – 852 человека (0,91%). Показатели в Ямало-Ненецком округе были несколько выше – доля коренных народов составила 41,33%, доля ненцев – 29,35%, ханты – 11,71%. В целом же доля коренных народов и в том, и в другом округах снизилась до 37,65% общей численности населения края, т.е. почти в два раза по сравнению с 1926 г. Однако сокращения численности коренных жителей не наблюдалось. Если в 1924 г. их насчитывалось около 36 тыс. человек, то в 1939 г. – 37812 [4].

В 30-е годы XX века произошли серьезные изменения системы расселения в Среднеобском регионе, связанные с политикой спецпереселения. Всего для расселения в северные районы Уральской области прибыло 17197 семей в количестве 82945 человек. Расселялись они в Кондинском, Самаровском, Сургутском районах, преимущественно по долинам крупных рек – Оби, Иртыша, Конды и Северной Сосьвы. Наиболее массовое переселение крестьян осуществлялось весной и летом 1931 г. – это был второй этап ссылки. В результате труда спецпереселенцев на территории округа возникли мелкие лесозаготовительные участки – Урманский, Песчаный, Озерный, Черемховский и др. Поселения спецпереселенцев «второй волны» уже были продвинуты вглубь территории, традиционно занимаемой коренным населением и в основном располагались по долинам крупных притоков Оби (Вах, Аган, Кульеган, Салым), Конды (Кума, Мулымья, Бол. Тан), Северной Сосьвы. В дальнейшем, в 60-80 годы некоторые из них прекратили свое существование в связи с политикой укрупнения населенных пунктов, другие же стали основой для современных сельских населенных пунктов Ханты-Мансийского автономного округа (см. приложение, рис. 14).

Нельзя не сказать, что определяющим фактором в развитии экономики Севера стала ссылка десятка тысяч спецпереселенцев, что позволило получить дешевую рабочую силу и положило начало созданию новых отраслей в хозяйстве края. Можно сказать, что благодаря тяжелому, неустанному труду спецпереселенцев произошел рост производства в сельском хозяйстве края. Началось развитие лесопереработки, рыбоперерабатывающей промышленности, строительства, кустарных промыслов. Трудораспределение прибывших спецпереселенцев шло по трем основным направлениям: рыбные промыслы, лесозаготовки и сельское хозяйство. Высылаемые в северные районы крестьяне «предназначались» главным образом для освоения обширных лесных массивов и создания сельскохозяйственных колоний. До этого времени на лесозаготовки ежегодно приходилось завозить временную рабочую силу с Урала, из Нижегородского края и других западных районов страны. Поэтому спецпереселенцы, приписанные к лесной промышленности, должны были колонизовать малонаселенные районы со слабоэксплуатируемыми, а в некоторых случаях с мертвыми лесными массивами, в целях вовлечения их в эксплуатацию с одной стороны, а с другой, – с целью иметь постоянные кадры леснорабочих [137]. В результате труда спецпереселенцев на территории округа возникли вначале мелкие лесозаготовительные участки, впоследствии в 1930–1933 гг. на базе этих лесоучастков были организованы Самаровский, Сургутский и Кондинский леспромхозы. В ноябре 1932 года в окружном центре начала действовать первая в регионе сплавная контора для всех четырех леспромхозов. Техническая оснащенность предприятий была низкая, в первое время вся работа, от валки леса до вывозки, осуществлялась вручную. Заготовленная древесина сплавлялась в летнее время по рекам, как на север, так и на юг, а зимой для ее вывозки стали строить зимние снежно-ледовые дороги.

Важнейшей отраслью в Остяко-Вогульском и Ямало-Ненецком округах продолжала оставаться рыбная отрасль, которая с конца 20-х годов стала переводиться на индустриальные рельсы. В 1928 г. в Сургуте было открыто первое промышленное предприятие – рыбконсервная фабрика, а в ноябре 1930 г. подобная фабрика вступила в строй в Самарове. Почти одновременно строились и вскоре начали работать Березовский, Кондинский и Ларьякский рыбозаводы.

Но еще заметнее оказался вклад спецпереселенцев в рост сельскохозяйственного производства в крае, поскольку знание основ агротехники, носителями которых являлись выходцы из крестьянских семей, их навыки и опыт хозяйствования были быстро переняты местным, в том числе аборигенным населением. До крестьянской ссылки земледелие на Обском Севере было распространено слабо. В 1929 г. посевные площади составляли 545,5 га. Неоднократные попытки, предпринимавшиеся во второй половине XIX и в начале XX в. энтузиастами для развития сельского хозяйства на Севере, не привели к внедрению этой отрасли в экономику края. Сельскохозяйственное освоение начало бурно развиваться лишь в связи с переселением на Север раскулаченных крестьян. Расширение посевных площадей шло путем совершавшейся вручную раскорчевки тайги под пашню. В результате неимоверных усилий спецпереселенцев размеры посевных площадей за первые годы ссылки выросли едва ли не в десять раз. Удельный вес спецпереселенческого сектора в сельском хозяйстве края составил в 1935 г. 60% [4]. Состав посевов характеризовался наличием овощных (морковь, капуста, картофель) и зерновых культур (озимая и яровая рожь). Урожайность по зерновым культурам не была, да и не могла быть высокой. Отсутствовали морозоустойчивые сорта, часто посевы вымерзали.

Для разработки агротехники более высоких урожаев в местных условиях немало сделала окружная сельскохозяйственная опытная станция, созданная в 1933 г. Вслед за сельскохозяйственными районами страны на Севере приступили к организации машинно-тракторных станций (МТС). Первой была организована Реполовская МТС в 1931 г., а в 1934 г. было уже четыре МТС (добавились Кондинская, Сургутская, Микояновская). В том же году в Леушах создали корчевальную (мелиоративную) МТС, что увеличило возможности интенсивного освоения новых земель за счет раскорчевки леса и простейшей мелиорации. К 1936 г. округ уже полностью обеспечивал себя картофелем.

Наряду с земледелием началось развитие общественного животноводства, имевшего молочно-мясное направление. поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 14,2 тыс. в 1931 г. до 18,4 тыс. в 1934 г. Как известно, в дореволюционный период на Севере почти не было свиней и овец. А с 30-х гг. эти животные также стали объектом производственной деятельности. В округе были созданы первые конетоварные и молочно-товарные фермы, начался завоз племенных лошадей и чистопородного крупнорогатого скота, работало восемнадцать ветеринарных участков. Таким образом, в начале 30-х гг. благодаря труду ссыльных крестьян, а уже

позднее и помощи государства, были заложены основы для создания и развития сельскохозяйственной отрасли в Среднем Приобье.

В 40–50-е гг. в Среднем Приобье регионе происходил неуклонный переход к освоению природных ресурсов при помощи индустриальных технологий. С 1960-х гг. начинается новый этап подлинно индустриального освоения северных территорий, стержнем которого стала добыча нефти и газа. Осуществлялось массивованное наступление на все пространство Среднего Приобья, вовлечение его в хозяйственный оборот, что и привело в итоге к катастрофическим экологическим последствиям.

Таким образом, в результате длительной и сложной эволюции этноразвития в Среднеобском регионе к середине XX века сложилось особое территориальное образование – полиэтническая угро-самодийско-тюрко-славянская этноконтактная зона. Отличительным признаком ее формирования являлось функциональное единство этносоциальных сообществ, заселявших в разные временные отрезки территорию Среднеобского региона, их комплиментарность и длительная этническая интеграция (коэволюция) на основе совместной хозяйственной деятельности и природопользования. На ранних этапах этноразвития, в раннем и среднем голоцене причины миграций этносоциальных сообществ носили преимущественно геоплаженный характер, т.е. были достаточно четко обусловлены климатической детерминантой. В последние стадии позднего голоцена (Средневековье, Новое время) доминирующими стали социоплаженные факторы (см. приложение, табл. 1).

Причем в результате колонизационных процессов происходил не столько процесс ассимиляции, сколько процесс вытеснения аборигенного населения в глубинные, менее заселенные районы с неблагоприятными природно-экологическими условиями. Оставшиеся же аборигенные сообщества вовлекались, на наш взгляд, в большей степени в процессы аккультурации, сохраняя свой этнический стержень, чему способствовала, наряду с другими факторами исторически сложившаяся система традиционного природопользования. Кардинальные изменения начались позднее, в 60–90 гг. и связаны они с массовым миграционным притоком и техногенным воздействием на среду обитания в результате нефтегазового освоения региона.

Глава 4. СОПРЯЖЕННЫЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ В ГОЛОЦЕНЕ

4.1. Эколого-географические аспекты истории заселения и освоения Среднего Приобья

В процессе заселения и освоения природных ресурсов Среднеобского региона Е.И. Гололов [46] выделяет две стадии – *доиндустриальную* и *индустриальную*. Для первой характерно доминирование присваивающего типа природопользования, коэволюционный характер взаимоотношения человека и природной среды. Доиндустриальная стадия, являясь однородной с точки зрения технологии освоения природных ресурсов, не была таковой по другим параметрам (социально-экономические отношения, политика государства в области природопользования, роль социальных институтов). В первом приближении доиндустриальную стадию взаимодействия общества и природы на Обь-Иртышском Севере мы предлагаем разбить на следующие этапы:

1) *Начальный этап присваивающей экономики.*

Соответствует времени первоначального заселения территории севера Западной Сибири в позднем палеолите. Характерно минимальное воздействие на природную среду, проявляющееся в охоте на животных «мамонтовой фауны». В основном это были коллективные облавы, устраивавшиеся на таких стадных животных, как северные олени, лошади, бизоны, шерстистые носороги, а также на мамонтов. Это находит выражение в огромных скоплениях костей убитых животных (местонахождение Луговское), в разнообразном использовании камня, кости, рога при изготовлении охотничьего и хозяйственного инвентаря.

В эпоху палеолита производственная деятельность человека, которая заключалась в собирательстве и охоте, скорее приспосабливалась к природной обстановке, чем видоизменяла ее. Возможность экологического давления древнего человека определялась очень тонкой регуляцией природных систем. В частности, происходило сопряженное изменение численности хищников и жертв, представителей разных трофических уровней в системах питания. Увеличение популяции древнего человека, несомненно, сказывалось на численности и распространении крупных млекопитающих мамонтовой фауны.

При нарушении равновесия в популяциях древних животных даже незначительное дестабилизирующее воздействие вызывало сокращение и вымирание целого ряда видов. Однако ограниченность технических средств и навыков не позволяла древнему человеку существенно видоизменить окружающую среду, по крайней мере, прямых подтверждений такого влияния на позднплейстоценовые палеофаунистические комплексы нет. По всей видимости, вымирание млекопитающих шло без прямого участия людей. Исчезновение видов «мамонтовой фауны» можно объяснить экологическими причинами, связанными с крупными ландшафтно-климатическими перестройками на границе плейстоцена-голоцена. Таким образом, в Среднеобском регионе позднплейстоценовые изменения климата привели к новым условиям межвидовой конкуренции и люди были среди тех видов, которые получили преимущества и расширили свой ареал.

2) *Этап становления присваивающей экономики.*

По времени соответствует эпохе камня (мезолит, неолит, энеолит). Виды хозяйствования в рамках присваивающей экономики диверсифицируются и усложняются (рыболовство, собирательство). Исчезновение крупных млекопитающих привело к появлению новых способов охоты, приспособлений и орудий труда, новой технологии их изготовления. Специализированная охота на стадных животных, характерная для верхнего палеолита, стала почти невозможной, за исключением самых северных областей, в которых сохранилась коллективная загонная охота на северного оленя.

В связи с изменением природных условий в центре внимания оказались животные, жившие поодиночке или небольшими группами. Обладая луком и стрелами, человек мог вести промысел в одиночку и добывать крупного и мелкого лесного зверя, водоплавающую дичь. Широко стали применяться западни, ловушки и силки.

Считается, что рыболовство на территории Нижнего и Среднего Приобья зародилось в эпоху мезолита. Основной причиной его появления было глобальное изменение климата в бо-реальном периоде и, как следствие этого, сокращение или исчезновение большинства видов крупной мамонтовой фауны, появление многочисленных водоемов и мелкой фауны, что потребо-вало совершенствования уже существующих занятий и поиска новых. В эпоху раннего голо-цена рыболовство, хотя и не одновременно в разных районах Среднего Приобья, превращается в самостоятельную отрасль хозяйства. С этим периодом связывается усовершенствование имевшихся орудий труда и изобретение сети.

В заключительный период эпохи камня, в неолите (7-5 тыс. лет назад) продолжает углуб-ляться хозяйственная специализация различных групп населения, наметившаяся еще в предше-ствующее время. Население таежной зоны Среднего Приобья осознавало преимущество ком-плексного присваивающего хозяйства, опирающегося на рыбную ловлю, охоту и собиратель-ство. Комплексность этого хозяйства заключалась в том, что весь год разбивался на определен-ные сезоны (хозяйственные периоды), в течение которых люди могли добывать наибольшее количество того или иного продукта. Так, например, при снижении в лесах количества диких животных происходила переориентация на рыболовство и, наоборот, при исчезновении после замороз в реках и озерах рыбы, предпочтение отдавалось охоте. Подобное ведение хозяйства страховало коллективы древних людей от мелких циклических климатических аномалий и, в ко-нечном счете, вело к росту численности населения.

В эпоху неолита, со времени климатического оптимума (6800-4600 лет назад), рыболов-ство распространяется по всей территории Западной Сибири, за исключением тундровой зоны, уже как специализированное хозяйство. К этому времени на территории Среднего Приобья сложились все известные по этнографическим материалам способы лова рыбы: сетевой, колю-щий и крючковой, запорный. В эпоху неолита охота занимала подчиненное положение в хозяй-стве населения Среднего Приобья, в силу того, что в этот период наиболее благоприятными были природно-климатические условия для развития рыболовства. Вероятно, занятия кругло-годовичным рыболовством и частично охотой было более оптимальным, чем только охотой, по-скольку давало больше пищевых продуктов.

Несмотря на традиционность и известную консервативность охотничье-рыболовецкого хо-зяйства таежных аборигенов, оно не сохраняло застывшие формы, сформировавшиеся в ранние периоды каменного века, а шло по пути интенсификации старых и изобретения новых видов присваивающей экономики. Причем эти изменения в большей мере затрагивали рыболовство, чем охоту. Дело в том, что усовершенствование промыслового охотничьего инвентаря не могло привести к сколько-нибудь долговременному повышению объема охоты. Скорее наоборот – изобретение более эффективных приемов охоты влекло бы за собой сокращение численности промысловых животных, и, как следствие, угрозу голода и вымирания. Напротив, рыбные запасы многочисленных рек и озер были практически неисчерпаемы. Это открывало возможность для совершенствования рыболовецких орудий и интенсификации рыбных промыслов. Для данного этапа характерны точечные участки антропогенеза (территории с первыми поселения-ми) и *естественное* состояние природной среды (по И.Ф. Реймерсу): природная среда испыты-вала лишь очень слабое косвенное воздействие от антропогенной деятельности.

3. *Этап комплексного развития присваивающей экономики с элементами производящих отраслей.*

Этот этап характерен для эпохи бронзы и раннего железного века, когда в Среднем Прио-бье сложилось сбалансированное охотничье – рыболовецкое хозяйство, в котором охотничий и рыболовецкий промыслы находились в состоянии динамического равновесия и носили ярко выраженный сезонный характер. Кроме того утвердились элементы производящего хозяйства – коневодство и оленеводство. В дополнение к основным отраслям хозяйствования получили развитие гончарное дело, обработка камня, кости и дерева, а также бронзолитейное производ-ство и металлообработка.

В эпоху бронзы охотились главным образом на крупных копытных животных (северный олень, лось), хищников (медведь, россомаха), пушных зверей и птиц. Птицу добывали с помо-щью лука и стрел, на крупных животных, видимо, охотились с помощью сторожек и ловчих ям, особенно широко распространенных в бассейнах рек Казыма, Северной Сосьвы и Конды. По-явление сетевых ловушек калданного типа (в виде примитивного трала, использовались для ловли рыбы с лодки) дало возможность для широкого освоения крупных западносибирских

рек. В результате к концу бронзового века активизировалось рыболовство в низовьях Оби, Иртыша и их крупных притоков.

В процессе коэволюции коренного населения Среднего Приобья с суровыми условиями природной среды вырабатывались лишь самые оптимальные стратегии жизнеобеспечения и отсекались все варианты «избыточного» поведения в адаптации к природе. Их можно свести к трем основным:

- комплексное ведение хозяйства, что в суровых природно-климатических условиях дает возможность максимального использования доступных ресурсов;
- сезонная направленность промыслово-хозяйственной деятельности в соответствии с заданными природой ритмами;
- мобильный характер ведения хозяйственной деятельности.

Таким образом, в период до присоединения к Русскому государству процесс взаимодействия общества и природы в Среднем Приобье был обусловлен эколого-экономической сбалансированностью жизнедеятельности коренного населения, натуральностью циклов производства и потребления.

Для данного этапа также характерны «точечные» участки территории с первыми поселениями и *равновесное* состояние природной среды (по Н.Ф. Реймерсу): скорость восстановительных процессов выше или равна темпам антропогенных нарушений.

4. Этап присваивающей экономики с товарным характером хозяйствования.

Указанный этап характерен для эпохи позднего железного века, позднего средневековья, эпохи российской и ранней советской государственности (по 30-е гг. XX в.). С XVII века в процесс освоения территорий Сибири вообще и Среднего Приобья в частности, включается государство. Оно втягивает в свою структуру население Севера, навязывая ему неэквивалентные, невыгодные обменные отношения. В результате население вынужденно было перейти от промысла, обеспечивающего только его насущные потребности, к «перепромыслу», обеспечивающему помимо личных потребностей, уплату ясака и приобретение необходимой для жизни импортной продукции (металлические котлы, капканы, огнестрельное оружие, ткани, продукты питания и т.д.). К этому необходимо добавить активное участие в добыче пушнины русских промышленников, деятельность которых была ориентирована исключительно на рынок. В XVIII–XIX вв. в сферу рыночных отношений втягивается рыболовный промысел главных речных магистралей, в первую очередь, низовий Оби.

Анализ систем природопользования и жизнеобеспечения показывает, что нарушения экобаланса в тайге были вызваны, прежде всего, сокращением численности отдельных видов животных (бобра, соболя, дикого оленя) в результате перепромысла, что толкало аборигенное население к выработке новых стратегий хозяйственно-культурной адаптации. Развитие внешних и внутренних торгово-обменных связей аборигенного населения привело к углублению специализации хозяйств за счет возросшей кооперации и расширения осваиваемой территории. Часть хозяйств была сориентирована на увеличение продуктивности отдельных отраслей хозяйства на ограниченной территории.

Негативные последствия чрезмерного воздействия на отдельные природные ресурсы ставило власти принимать определенные меры. В 80-е гг. XVII в. русский соболиный промысел в большинстве районов Сибири был запрещен или резко ограничен. Однако эти меры не распространялись на ясачное население, соболиный промысел которого всячески поощрялся. Рыболовный промысел особенно не регулировался. В период с XVII по вторую половину XIX вв. основой существования населения по-прежнему оставалось комплексное промысловое хозяйство, отдельные элементы которого в результате высокого рыночного спроса приобрели товарный характер. Это обусловило их интенсивное, можно сказать, хищническое использование. Государственной политики, как таковой, в области природопользования не было. Запреты и ограничения касались лишь отдельных ресурсов (соболь, бобр), в сохранении которых государство было заинтересовано.

В начале советской эпохи вплоть до 30-х гг. XX в. Среднее Приобье, по сути, оставалось регионом с присваивающей экономикой. В то же время активная политика Советского государства, направленная на придание охотничьему промыслу экспортного характера, привела к истощению пушных ресурсов. Поэтому в конце 20-х-начале 30-х гг. были приняты меры для упорядочивания охоты: ограничивались ее сроки в соответствии с климатическими условиями. С 1926 г. была запрещена охота на соболя. Важное место занимала работа по разграничению

охотничьих угодий и закреплению их за объединениями охотников, как из числа коренного населения, так и из числа русских промысловиков, объединенных, как правило, в кооперативы. Составной частью природоохранных мероприятий стало создание сети заказников и заповедников для охраны промысловой фауны.

Таким образом, после присоединения к Русскому государству процесс взаимодействия общества и природы на описываемой территории подвергся трансформации в результате воздействия товарно-рыночных отношений в природопользовании и государственной экономической политики. Это привело к нарушению эколого-экономической сбалансированности жизнедеятельности коренного населения и появлению экологических нарушений, касающихся в основном фаунистических комплексов.

Для данного этапа уже стали характерны признаки *локального техногенеза*, в основном связанных с освоением долин Оби, Иртыша, Конды, Северной Сосьвы и развитием там старожильческих русских поселений. У аганских хангов и ненцев имело место преобразование ландшафта посредством создания каналов, обустройства волоков, расчистки речных завалов, что связано с необходимостью расширения амплитуды хозяйственных миграций. Состояние природной среды можно оценивать в целом как *равновесное* (скорость восстановительных процессов выше или равна темпам антропогенных нарушений), но для фаунистических комплексов как *кризисное*.

5. Этап раннеиндустриальной экономики (30–50-е гг. XX века)

В советский период, вплоть до 50-х гг., аборигенное население Среднего Приобья в большинстве своем продолжало сохранять традиционный образ жизни и экологические традиции, чему способствовали отдаленность и изолированность региона. Для данного этапа стали характерны признаки *микрорегионального техногенеза*, в основном проявляющегося в формировании промышленных центров, связанных между собой транспортными системами рек Оби, Иртыша, Конды, Северной Сосьвы и развитием лесо- и рыбопромышленных поселков. Состояние природной среды можно оценивать в целом как *равновесное* (скорость восстановительных процессов выше или равна темпам антропогенных нарушений), но для территорий интенсивной лесозаготовки и фаунистических комплексов как *кризисное*.

Выводы заключаются в следующем. Высокая степень зависимости традиционных культур Среднего Приобья от природного окружения проявилась в формировании хозяйственно-культурных комплексов. Освоение различных экологических ниш в пределах занимаемого ареала природной среды при дисперсном характере расселения и малой плотности населения стало залогом адаптационной вариативности и долговременного сосуществования хозяйственных комплексов аборигенных и пришлых этнических сообществ Среднего Приобья. Устойчивость традиционных моделей жизнеобеспечения и степень адаптивности в значительной мере обеспечивались комплексностью использования ресурсов среды обитания и полукочевым образом жизни. В то же время есть основания для выделения этапов архео- и ретроприродопользования, связанных как с крупными природно-климатическими перестройками, так и социально-экономическими сдвигами (см. приложение, табл. 2).

4.2. Историко-геоэкологические этапы коэволюции ландшафтов и этносов Среднего Приобья в голоцене

Результатом историко-географических исследований, среди других, является историко-географическая периодизация, имеющая большое значение в географической науке для ретроспективного анализа изменения природной среды за историческое время. В современной исторической литературе существует два подхода к систематизации всемирно-исторического процесса: формационный и цивилизационный. Формационный подход проявлялся в делении исторического времени на общественно-экономические формации. Использование формационного подхода для периодизации учитывает употребление следующих критериев: определенного способа производства (в частности, типа природопользования), исторической общности людей (этноса), социальных аспектов (тип и форма семьи, характер расселения). В характеристику формации включаются исторические общности людей (род, племя, народность, нация), их возникновение, эволюция и исчезновение.

При проведении регионального историко-географического анализа периодизация строится на основании региональных исторических материалов и может быть весьма далека от общей

схемы, которая не вписывается в исторический, этнографический и антропологический материал, полученный при новейших исследованиях. Существует локальное своеобразие в истории каждого региона. Так для Среднего Приобья отмечается не последовательная смена социальных систем, а их устойчивость и неизменность.

Историко-географическая периодизация, как следует из самого названия, исследует одновременно и время, и пространство. Проблемой историко-географической периодизации занимаются представители многих научных направлений: географы, историки, философы, этнографы, археологи и другие специалисты, высказываются различные точки зрения. Так, например, А.М. Грин [52] во взаимодействии человека и природы выделяет пассивное приспособление, активное использование, преобразование и глобальную реконструкцию. В.А. Зубаков [71] разработал периодизацию, основывающуюся на выделении этапов природопользования. При этом он оперирует данными по геологии плейстоцена, антропологии, археологии, истории общества. Т.Г. Григорьян [51] за основу периодизации берет развитие производительных сил общества, научно-технический прогресс и подчеркивает решающее значение природной среды на первых этапах освоения.

В.С. Давыдчуком [57] предложена следующая периодизация воздействия человека на развитие ландшафта: период скользящего антропогенного воздействия на ландшафт, связанный со временем господства присваивающего хозяйства, и период конструктивного воздействия человека на ландшафт, который начинается с переходом к производящему хозяйству. В.А. Анучин [9] во взаимодействии общества и природы выделяет три эпохи, отличающиеся друг от друга скоростью развития общества и значимостью земной природы в его развитии. Он отмечает, что для современной эпохи характерно развитие природы в нежелательном для людей направлении. В.В. Анненков [7] рассматривает историко-географическую периодизацию как постановку и разработку проблемы историзма в территориальной организации общества и среды.

Подходы к историко-географической периодизации, рассмотренные выше, могут быть отнесены к группе историко-экономических. Наряду с историко-экономическим существует и этнографический подход к периодизации взаимодействия общества и природы, который выражается в выделении хозяйственно-культурных типов народов, исторически сменяющих друг друга. Разработкой этой концепции занимались М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров [106], С.А. Токарев [167], Б.В. Андрианов [6] и другие. Вопросам взаимодействия этноса и ландшафта большое внимание уделял Л.Н. Гумилев [56]. Подходы к историко-этно-экологической периодизации прослеживаются в работах Ф.Н. Рянского [152], О.Г. Завьяловой [69], Е.И. Гололобова [46], В.Г. Мордковича [124], Б.А. Середовских [154; 157].

Историко-географическая периодизация строится на сквозном анализе фактического материала, который позволяет выявить цикличность в освоении природных ресурсов, изменении структуры ландшафтов и последующей антропогенной перестройке геокомплексов. Главное назначение историко-географической периодизации – выявление временных границ в процессе хозяйственного освоения и заселения региона любого таксономического ранга, выделение исторических срезов. Чаще всего в качестве временных единиц выступают подразделения, этап, период. Отсутствие обоснования правильности использования обозначенных единиц, а также применение новых более дробных временных интервалов и необходимость их выделения затрудняют историко-географическую периодизацию, особенно – региональную.

В соответствии с концепцией комплексного историко-географического анализа региона в основе периодизации должны лежать такие принципы как событийность и синхронность [30]. Историко-географические исследования в значительной степени проводятся посредством анализа событий, оказавших влияние на развитие, динамику и трансформацию природных социокультурных и др. систем. Нами событие рассматривается как историко-географическое явление, которое приводит к изменению территориальной организации пространства на данном историческом этапе развития. Эти изменения сводятся к модификации роли различных географических факторов, как природных, так и социально-экономических.

Пространственный аспект события не отделим от временного. Каждое событие имеет временные параметры и по проявлению, и по продолжительности. В основу выделения эпох, периодов, этапов, стадий нами положены события разного масштаба и значимости, которые были характерны для территории исследуемого региона. И здесь появляется необходимость применения принципа синхронности – одновременности изучения особенностей ландшафта, экономики, этноса, типа природопользования, политического устройства – для реконструкции терри-

ториальной структуры на каждой стадии исторического процесса освоения, влияния на формирование современных природно-хозяйственных систем.

Историко-географическая периодизация требует комплексного подхода с учетом и событийности, и синхронности при выделении и характеристике отдельных временных отрезков. Причем, чем ближе к современности эти временные отрезки, тем короче будет их продолжительность, т.к. они более насыщены событиями, особенно – геополитическими, экономическими, собственно историческими. Так, древнейшая эпоха освоения территории Среднеобского региона продолжится тысячелетия (мезолит, неолит, энеолит, бронзовый и железный века), с 7–8 тыс. до н.э. по 1 тыс. н.э. А основным событием его начала является природное – отступление ледника. Подразделение этой эпохи на более мелкие отрезки – периоды требует тщательной проработки результатов археологических исследований.

Отрезки времени внутри эпохи выделялись нами на основе анализа внутриэпохальных событий, отражающих пространственную организацию различных аспектов человеческой деятельности (селитебной, полигической, экономической и др.), имеющих проявление на протяжении эпохи. Это были как природные (изменение климатических условий, использования природных ресурсов), так и социально-экономические (уровень развития общества, использование орудий труда и др.). Иерархия событий сводится к тому, что значимые (сложные, экстраординарные, иницирующие) события получают освещение при характеристике крупных единиц историко-географического районирования, в то время как рядовые, единичные события используются для характеристики регионов локального уровня.

Разработанная нами периодизация освоения территории Среднего Приобья имеет историко-геоэкологическую направленность и отражает процессы коэволюционного развития природной среды и формирующейся антропосферы и их взаимодействия. На наш взгляд, к числу процессов, имеющих существенное влияние на функционирование геосистем на региональном уровне, относятся естественные циклы смены состояний в истории Земли. Характерной особенностью протекания таких процессов является геофизический комплекс целого ряда природных периодических изменений, к которым относятся сменяющие друг друга резкие колебания сухости-влажности и тепла-холода. Сопоставлены ритмы и кульминации определенного ранга с этапами природно-климатических перестроек и взаимосвязанных с ними изменений экономики и социума Среднего Приобья, на основе которых выделены отдельные этапы. Отрезки времени внутри эпохи выделялись на основе анализа внутриэпохальных событий, отражающих пространственную организацию различных аспектов человеческой деятельности на протяжении эпохи, как природно-экологических (изменение климатических условий, использование природных ресурсов), так и социально-экономических (уровень развития общества, использование орудий труда и др.). Для территории Среднего Приобья за историческое время можно выделить 17 подобных этапов и перестроек. В данной работе рассмотрены 16 этапов, поскольку 17-й этап (этап индустриального развития, связанного с нефтегазовым освоением Среднего Приобья) выходит за хронологические рамки нашего исследования.

Ниже в определенном порядке дается характеристика этапов под рубрикой «Среднее Приобье» по следующей схеме: а) климатический период, фаза; б) время (возраст этапа); в) природно-климатические изменения; г) эволюция природных комплексов и их компонентов; д) эволюция общества (историческая эпоха, антропо-, этно-, социогенез); е) эволюция природопользования и материальной культуры; ж) антропогенное изменение природной среды, этапы техногенеза (см. приложение, табл. 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе рассмотрена модель природно-климатических ритмов, происходивших в Среднем Приобье и прилегающих территориях в позднем плейстоцене – голоцене со всем комплексом ландшафтно-географических, исторических и геоэкологических явлений. Сопоставлены ритмы и кульминации определенного ранга с этапами природно-климатических перестроек и взаимозавязанных с ними изменений населения, этносоциальной структуры и характера природопользования. В результате синтезирующих историко-географических исследований для этой территории выделено 16 этапов коэволюции ландшафтов и общества для периода позднего плейстоцена-голоцена от эпохи позднего палеолита (времени появления человека на севере Западной Сибири) до начала нефтегазового освоения региона.

В оценке особенностей этнокультурного и социально-экономического развития различных частей Западной Сибири на разных временных этапах, необходимо учитывать нестабильность и изменчивость географической среды в связи с ритмическими изменениями климатических условий. Крупные природно-климатические пароксизмы постепенно приводили к радикальной перестройке ландшафтной зональности. Установлен закономерный иерархический фрактальный рисунок пространственно-временных перемен климата и природной среды голоцена Западной Сибири.

Анализ этапов коэволюции ландшафтов и общества выявил некоторые закономерности. Начинается климатический цикл этапом увлажнения, далее следует этап климатического оптимума, способствовавший расцвету биоценозов, и завершается цикл этапом повышенной сухости. При совместном действии антропогенных и природных факторов происходят медленные количественные изменения параметров развивающейся геосистемы, а затем наступает лавинообразный переход в новое состояние.

Просматриваются параллели между глобальными и региональными (в нашем случае происходящими на территории Среднего Приобья) последствиями циклических процессов в виде структурных биосферных и цивилизационных перестроек. Применительно к территории таежной зоны Западной Сибири в этой роли выступали процессы повышенного увлажнения, которые вызывали высокое стояние уровней воды в реках и озерах, приводившее к затоплению пойм и к заболачиванию водоразделов. Тем самым резко сокращалась площадь пригодной для жизнеобитания территории, а это, в свою очередь, становилось «спусковым крючком» миграционных процессов.

С климатическими оптимумами связаны эпохи расцвета материальных культур этнических сообществ, населявших исследуемую территорию. А с некоторыми этапами сухости связана повышенная активность миграционных процессов с юга на север, из аридной зоны степей в подтаежную и таежную.

При анализе периодизации истории Среднего Приобья заметно резкое сокращение с течением времени длительности этапов развития человеческих общностей, их экономики и социальной жизни. Первые этапы длятся тысячи, средние – сотни, а современные – лишь десятки лет.

Отмечено, что во всех обществах взаимоотношения между средой и производящими системами имеют одно свойство – существование верхнего предела количества производимого продукта, а значит, и предела плотности населения во избежание нанесения невосполнимого ущерба ландшафту. На начальных этапах коллективы древних людей не выходили за пределы возможностей тех геосистем, в которых они жили. Ощувив этот предел через ресурсно-пищевые цепи, они мигрировали в неизменные ландшафты, которых в Западной Сибири было вполне достаточно.

Этническое разнообразие при различии хозяйственных систем и форм материальной культуры в разных ландшафтных зонах Западной Сибири способствовало созданию оригинальных локальных культур. Начиная с глубокой древности, практически на всей территории Среднего Приобья возникали и развивались различные варианты племенных и межплеменных археологических культур, которые фиксируют те или иные этнические взаимоотношения.

В разные исторические эпохи аборигенное население по-разному приспосабливалось к меняющейся географической среде своего обитания в соответствии с уровнем развития производительных сил. Обычно это происходило путем увеличения удельного веса наиболее рациональных в конкретной ландшафтно-климатической ситуации отраслей хозяйства. В процессе природно-климатических перестроек сложившийся тип хозяйственно-культурной деятельности

сначала вступал в противоречие с меняющейся природной средой, а затем, когда климат стабилизировался, люди постепенно к нему адаптировались, меняя весь хозяйственный уклад, быт и даже мировоззрение. Подобные процессы происходили также в результате воздействия социально-экономических факторов (миграции, колонизация и т.д.) на более поздних этапах освоения региона. Однако, на наш взгляд, можно выделить наиболее существенные и значимые из них – процессы *коэволюционного развития*, сосуществования соседствующих этносов, основанные на поисках компромисса, на заимствованиях различных элементов быта, хозяйствования, образа жизни, выраженных впоследствии в языках.

На территории Среднего Приобья существовали различные этнические территориальные общности: как относительно обособленно жившие народы, основным средством выживания которых было собственно этническое природопользование, так и смешанные общности (например, этносы этноконтактных территорий, или этноконтактных зон, несущих смешанную этнокультурную и этнохозяйственную многоликость). Здесь происходило длительное совместное хозяйственное освоение данных земель, в котором принимали участие ханты и манси, ненцы и селькупы, русские, сибирские тагары и коми-зыряне.

В качестве важнейших выводов можно назвать следующие:

1. В Среднем Приобье в голоцене закономерно происходили природно-климатические перестройки, существенно менявшие условия выживания и развития этнических сообществ.

2. Заселение территории Среднего Приобья происходило волнообразно, в прямой зависимости от природно-климатических перестроек. В смене материальных культур Среднеобского бассейна отчетливо выявляется климатическая детерминанта.

3. Состояние природной среды Среднего Приобья в голоцене определяло систему расселения населения, характер и направления миграций, хозяйственно-культурные типы природопользования. Топографическая приуроченность древних поселений менялась в разные исторические эпохи. Причины изменений носили как природный (изменение природно-климатической ситуации), так и социально-экономический характер (рост численности населения, миграции, освоение новых видов хозяйствования).

4. В процессе освоения территорий происходила адаптация населения к условиям окружающей среды, выражавшаяся, прежде всего, в формировании навыков природопользования. В эпоху мезолита начала формироваться, а в неолите сложилась база для развития большинства этнографически зафиксированных ХКТ населения Среднего Приобья и сопредельных уралосибирских территорий. На развитие новых видов природопользования оказывали влияние как крупные природно-климатические перестройки, так и культурные заимствования в процессе коэволюции разных этнических сообществ.

5. На территории Среднего Приобья с каменного века до настоящего времени сохраняется как преобладающий для коренного населения тип поселений именно оседлого населения. Многие места поселений были освоены еще в глубокой древности и заселялись в течение всех исторических этапов, т.е. являются многослойными. Некоторые из таких местоположений стали основой для современных постоянных и временных поселений Среднего Приобья.

6. Высокая степень зависимости традиционных культур Среднего Приобья от природного окружения проявилась в формировании хозяйственно-культурных комплексов. Близкие системы жизнеобеспечения складывались у различных этносов в сходных природных условиях, равно как отличные варианты освоения среды обитания были присущи одному этносу, осваивавшему различные экологические ниши.

7. В разные исторические эпохи и в разных природных условиях ХКТ населения Среднего Приобья существенно различались, но природный фактор в целом жестко детерминировал все проявления социума. Доминирующими в развитии социума являлись процессы адаптации людей в том или ином ландшафте, которые и определяли этнические, а затем и социальные факторы развития.

Таким образом, результаты исследования показывают, что социоисторические изменения в Среднем Приобье в голоцене находятся в тесной коэволюционной связи с существенными природно-климатическими изменениями. Дальнейший этап исследований требует осмысления и обобщения широкого спектра знаний о современных процессах коэволюции человека и природной среды в регионе из области физико-географических, социально-экономических, демографических, исторических, культурологических, этнологических и иных наук, как результата синтеза географического и исторического подходов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев Западной Сибири. Дис...канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2004. – 247 с.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно – терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
3. Алексашенко Н.А., Кернер В.Ф. Реконструкция хозяйственной деятельности неолитического населения Среднего Зауралья (по материалам пос. Исетского Правобережного). – Екатеринбург, 1990. – С. 25–27.
4. Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917-1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада: Монография. – Екатеринбург, 2003. – 385 с.
5. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – 145 с.
6. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-географические аспекты хозяйственно-культурного развития народов мира (конец XIX – начало XX веков). – Международная география 76. Историческая география. – М., 1976. – С. 7–11.
7. Анненков В.В. О теоретических вопросах историко-географических исследований природопользования // Географо-экологические аспекты экономического и социального планирования. – Л.: Изд-во ГО СССР, 1980. – С. 148.
8. Анучин В.А. Теоретические проблемы географии. – М.: Мысль, 1972. – 245 с.
9. Анучин В.А. Основы природопользования. Теоретический аспект. – М.: Мысль, 1978, *passim*
10. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П.В. Мандрыка, А.А. Ямских, Л.А. Орлова, Г.Ю. Ямских, А.А. Гольева; Краснояр. Гос. ун-т. – Красноярск, 2003. – 138 с.
11. Архипов С.А. Четвертичный период в Западной Сибири. – Новосибирск, 1971. – 332 с.
12. Архипов С.А. Палеогеография и хроностратиграфия плейстоцена севера Сибири (обзор новейших данных) // Четвертичный период. Палеогеография и литология. – Кишинев: Штиинца, 1989. – С. 201–213.
13. Архипов С.А., Волков И.А., Волкова В.С. Основные проблемы палеогеографии четвертичного периода юга Западно-Сибирской низменности // Основные проблемы изучения четвертичного периода. – М. – 1965. – № 3. – С. 34.
14. Архипов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994. – 105 с.
15. Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Т. 1. История. Население. Экономика. – Ханты-Мансийск – Москва, 2006. – 152 с.
16. Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Т. 2. Природа. Экология. – Ханты-Мансийск – Москва, 2004. – 152 с.
17. Бадер О.Н. Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология // Первобытный человек и природная среда. – Вильнюс, 1974. – С. 78–79.
18. Баландин Р.Э., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. – М.: Мысль, 1988. – 451 с.
19. Баранский Н.Н. Становление советской экономической географии: Избранные труды. – М., 1980. – С. 108.
20. Берг Л.С. Географические зоны Советского Союза. – М., 1947. – С. 230.
21. Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург, 1997. – С. 26–38.
22. Бондарев Л.Г. Палеоэкология и историческая экология. – М.: Изд-во МГУ, 1997.
23. Бондарев Л.Г. История природопользования. – М.: Изд-во МГУ, 1999.
24. Борзунов В.А. Становление производящего хозяйства и генезис укрепленного поселения // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск, 1989. – С. 125–128.
25. Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матюценко В.И. Поселения и жилища эпохи камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. ВАУ. № 22. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 4–45.
26. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987. – 332 с.
27. Булатов В.И. Российская экология: дифференциация и целостность = Russian Environmental Science: Differentiation and Integrity: Аналит. обзор / ГПНТБ, ИВЭП СО РАН. – Новосибирск, 2001. – 116 с. (Сер. Экология. Вып. 61).
28. Бурашникова Т.А., Муратова М.В., Суетова И.А. Климатическая модель территории Советского Союза во время голоценового оптимума // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1982. – С. 245–251.

29. Быкова Г.В., Смирнов Н.Г. Очерк среды обитания древнего населения севера Западной Сибири в конце плейстоцена и в голоцене. Рукопись (ред. Н.К. Панова) // Архив КА УрГУ. Ф. IV. Д 31. – Екатеринбург, 1994.
30. Вампилова Л.Б. К концепции регионального историко-географического анализа. – Изв. РГО, 1996. – Т. 128. – Вып. 1. – С. 64–69.
31. Васильев В.И. Проблема происхождения орудий заповной о рыболовства обских угров // ТИЭ АН СССР. Нов. сер. 1962. Т. LXX. – С. 141–144.
32. Васильев Е.А. Северо-таежное Приобье в эпоху поздней бронзы // Археология и этнография Приобья. – Томск, 1982.
33. Васильев Е.А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск, 1983.
34. Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. – М., 1973. – 257 с.
35. Вереш П. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск, 1985. – С. 113–119.
36. Верещагина И.В. Мезолит на крайнем европейском Северо-Востоке // Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР. – 1990. – № 200. – С. 49–52.
37. Визгалов Г.П., Фильчаков Е.Г. О рыболовстве древнего населения бассейна Конды эпохи раннего металла // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. – Тобольск, 1988. – С. 22–23.
38. Витвер И.А. Историко-географическое введение в экономическую географию. – М., 1963. – С. 52.
39. Волкова В.С., Левина Т.П. Растительность голоцена Западной Сибири по палинологическим данным // Развитие природы территорий СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1985. – С. 186–192.
40. Волкова В.С., Бахарева В.А., Левина Т.П. Растительность и климат голоцена Западной Сибири // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 90–96.
41. Волкова В.С., Архипов С.С., Бабушкин А.Е. и др. Стратиграфия нефтегазоносных бассейнов Сибири. Кайнозой Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – 246 с.
42. Головнев А.В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – С. 11–12.
43. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: ИГУ, 1993. – 204 с.
44. Гололобов Е.И. Палеоэкономическое моделирование как метод археологической реконструкции (на примере таежной зоны Среднего Приобья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сургут, 1998;
45. Гололобов Е.И. Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е годы (к вопросу о становлении регионального природоохранного законодательства) // Северный регион: Наука, образование, культура. – 2001. – № 2. – С. 168.
46. Гололобов Е.И. История Сибири: экологическое источниковедение Северо-Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.): Учебное пособие. – Сургут: РИО СурГПИ, 2005. – 122 с.
47. Голубев Г.Н. Геоэкология: Учебник для студентов вузов / Г.Н. Голубев. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 288 с.
48. Горшков С.П. Концептуальные основы геоэкологии: Учеб. пособие. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – 47 с.
49. Гребенюков В.И. Из древнейшей истории Среднего Приобья и бассейна реки Вах // Западная Сибирь: история и современность: Краевед. зап. – Нижневартовск, 1998. Вып. 1. – С. 3–11.
50. Григорьева Е.Н. Причины высоких весенних разливов на реках Туре, Тоболе и Иртыше // ЕТОКМ. – Тюмень, 1959. – С. 1–9.
51. Григорьян Т.Г. Природа и общество. – М.: Изд-во МГУ, 1977, passim;
52. Грин А.М. Проблемы преобразования природы и задачи географии. – В сб.: Природа и общество. – М.: Наука, 1968, passim
53. Гричук М.П., Гричук В.П. О приледниковой растительности на территории СССР // Перигляциальные явления на территории СССР. – М., 1960.
54. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности: ландшафт и этнос IV // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1966. – № 18.
55. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. – 1967. – № 1. – С. 53–56.
56. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. Серия «Вехи истории». – СПб.: ООО Изд. дом «Кристалл», 2002. – 576 с.
57. Давыдчук В.С. К вопросу об антропогенном факторе динамики ландшафтов. // Научно-техническая революция и методы географического анализа. – М., 1977, passim.
58. Древний город на Оби: История Сургута. Научно-художественное издание. – Екатеринбург: изд-во «Тезис», 1994. – 336 с.

59. Дробижев В.З. Историческая география СССР / В.З. Дробижев, И.Д. Ковальченко, А.А. Муравьев. – М.: Наука, 1973. – 147 с.
60. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 1–3. – М., 1995.
61. Евсеева Н.С., Жилина Т.Н. Палеогеография конца позднего плейстоцена и голоцена (корреляция событий): учебное пособие. – Томск: Изд-во НТЛ, 2010. – 180 с.
62. Елькина М.В. Раскопки поселений раннего железа на Барсовой Горе близ Сургута // АО 1975.– М., 1976. – С. 240.
63. Ермолов Л.В. К изучению пассивной охоты у таежных этносов Западной Сибири // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск, 1978. – С. 125–128.
64. Ермолов Л.В. Средства пассивной охоты как индикатор оседлости этноса // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск, 1983. – С. 194–199.
65. Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы / В.С. Жекулин. – Л.: Наука, 1982. – 224 с.
66. Жилина Т.Н. Малая ледниковая эпоха (1550–1850 гг.) как причина риска развития сельского хозяйства Западной Сибири // Экологический риск: Матер. 2-й Всерос. конф. – Иркутск, 2001. – С. 9–11.
67. Жилина Т.Н. Западная Сибирь в Малый ледниковый период: природа и русская колонизация (1550–1850 гг.): Томск, «Оптимум», 2009. – 162 с.
68. Жиров А.И. Геоэкология: наука и образование. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 163 с.
69. Завьялова О.Г. Природопользование и развитие: этногеосистемный анализ. – Тюмень, Изд-во ТГУ, 2004. – 212 с.
70. Зах В.А. К вопросу о сложении обских утров (по данным археологии) // Обские Угры. Материалы II Сиб. Симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 1999. – С. 25–28.
71. Зубаков В.А. О содержании и задачах исторической географии (истории природопользования). – Известия ВГО, 1976, № 6, passim.
72. Зубаков В.А. Экогея – Дом Земля. – СПб., 1999. – 79 с.
73. Зубаков В.А., Борзенкова И.И. Палеоклиматы позднего кайнозоя / Под ред. В.И. Кузьменко. – Л.: Гидрометиздат, 1983. – 143 с.
74. Исаченко А.Г. Экологическая география России. – СПб: Изд-во Санкт.-Петербург. ун-та, 2001. – 328 с.
75. Исаченко А.Г. Введение в экологическую географию. – СПб: Изд-во Санкт.-Петербург. ун-та, 2003. – 192 с.
76. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. – Л., 1968. – Т. 1. Древняя Сибирь. – С. 37.
77. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. – 466 с.
78. Кардаш О.В. Историко-культурные исследования в бассейне р. Вах. Отчет о научно-исследовательской работе. НПО «Северная археология-1». – Нефтеюганск, 2005.
79. Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845-1849). Т. 2. – Тюмень, 1999. – 211 с.
80. Кац Н.Я., Кац С.В. История растительности болот севера Сибири как показатель изменения послеледниковой ландшафта // Тр. ин-та географии АН СССР. 1946. Вып. 37. – С. 331–348.
81. Кац Н.Я., Кац С.В. Стратиграфия торфяников Приобского Севера // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода. 1948. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 15–45.
82. Кинд Н.В. Поздне- и послеледниковые Сибири // Голоцен. – М., 1969. – С. 195–201.
83. Кинд Н.В. Изменения климата и оледенения в верхнем антропогене: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 1971
84. Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изогонным данным. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
85. Клапчук М.Н. Из истории климата, флоры, растительности Центрального Казахстана в нижнем и среднем плейстоцене // Тезисы докладов науч.-практич. конф. – Караганда, 1968. – С. 34–36.
86. Климанов В.А. Хронология климатических изменений в голоцене на территории СССР // Междунар. конф. «Проблемы голоцена». 17–22 октября 1988 г. Тез. докл. – Тбилиси, 1988. – С. 61–62.
87. Кобылянский В.А. Философия экологии. – М., 2003. – 192 с.
88. Кокшаров С.Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите – бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург, 1992. – С. 10–12.
89. Кокшаров С.Ф. Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург, 1993. – С. 162–165.
90. Косарев М.Ф. К проблеме западносибирской культурной общности. // СА, № 3. 1974. – С. 32.
91. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
92. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М., 1984. – 246 с.
93. Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири по археологическим материалам // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 315.
94. Косарев М.Ф. Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987. – С. 248–278

95. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М., 1991. – 302 с.
96. Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири: // Археология: Неолит Северной Евразии. – М., 1996. – С. 34–45.
97. Косинская Л.Л. Археологические памятники Севера Западной Сибири. – Сургут: Инф.- издат. центр Сургутского госуд. ун-та, 1998. – С. 40–46.
98. Косинская Л.Л. О некоторых проблемах неолитоведения Урала и Западной Сибири // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. (9–14 сентября 2002., г. Ханты – Мансийск). – Екатеринбург, «Академкнига», 2002. – С. 172–178.
99. Косинцев П.А., Морозов В.М., Терехова Л.М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. – Свердловск, 1988. – С. 46–48.
100. Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Хозяйственная деятельность населения лесотундры Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург, «Академкнига», 2002. – С. 291–292.
101. Кочуров Б.И. Пространственный анализ экологических ситуаций: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 1994. – 34 с.
102. Кочуров Б.И. Геоэкология: Экодиагностика и эколого-хозяйственный баланс территории. – Смоленск: СГУ, 1999. – 131 с.
103. Крупник И.И. Арктическая этнология. – М.: Наука, 1990. – 372 с.
104. Кузин П.С. Режим рек южных районов Западной Сибири, Северного и Центрального Казахстана. – Л., 1953. – С. 96.
105. Лапшина Е.Д. Флора болот юго-востока Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. – 296 с.
106. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. – Сов. Этнография, 1955. – № 4. – С. 3–17.
107. Левина Т.П. Палинологическая характеристика отложений позднечетвертичной ледниковой эпохи в долине Средней Оби // Стратиграфия и палинология мезозоя и кайнозоя Сибири. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 74–79.
108. Лезин В.А., Губанов М.Н., Масленникова В.В. Поверхностные воды // Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Т. 2. Природа. Экология. – Ханты-Мансийск – Москва, 2004. – Лист 61.
109. Лисс О.Л. Пространственно-временные закономерности развития болотных систем в голоцене (на примере Западной Сибири) // Экология и почвы: Избранные лекции I–VII школ (1991–1997 гг.). – Пушкино, 1998. – Т. 2. – С. 21–34.
110. Лисс О.Л., Абрамова Л.И., Аветов Н.А. и др. Болотные системы Западной Сибири и их природоохранное значение. – Тула: Гриф и К°, 2001. – 584 с.
111. Лукина Н.В. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов. // Материалы по этнографии Сибири. – Томск, 1972. – С. 67–92.
112. Максимов Е.В. Оледенения и ритмы в природе. – Л.: Гостоптехиздат, 1972. – 102 с.
113. Максимов Е.В. Голоцен (ригмический вариант системы Блитта-Сернадера) // Изв. Всесоюзн. геогр. общ-ва. 1986. Т. 118. Вып. 1.
114. Максимов Е.В. Ритмы на Земле и в Космосе / Сост. С.И. Ларин. – Тюмень: Мандр и К°, 2005. – 312 с.
115. Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 286 с.
116. Малолетко А.М. Западная Сибирь в Малую ледниковую эпоху // География и природопользование Сибири: Сб. ст. / Под ред. Г.Я. Барышникова. – Барнаул, 2003. – Вып. 6. – С. 8–26.
117. Марков К.К. Избранные труды. – М.: Наука, 1986. – Кн. 1–2.
118. Матющенко В.И. Древняя история Сибири: Учебн. пособие. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 232 с.
119. Машенко Е.Н., Шубина Ю.В., Телегина С.Н. Луговское: пейзаж на фоне ледников. Ханты-Мансийск: Государственный музей Природы и Человека. – Екатеринбург, 2006. – 82 с.
120. Миллер Г.Ф. История Сибири: В 2 т. 2-е изд., доп. – М., 1999. Т. 1. – С. 232
121. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVII – первой половине XIX века. Историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 1975. – С. 50.
122. Моисеев Н.И. Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1988.
123. Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985. – С. 9.
124. Мордкович В.Г. Сибирь в перекрестке веков, земель и народов: очерки этно-экологической истории региона. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 396 с.
125. Морозов В.М. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // ВАУ. 1986. – Вып. 18. – С. 102.

126. Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т. Очерки истории Коды. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 1995. – 192 с.
127. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск, 1977. – С. 250.
128. Мызников С.А. Рекогносцировочное обследование на территории заповедно-природного парка «Сибирские Увалы». Отчет о научно – исследовательской работе, ООО НПО «Северная археология», Нефтеюганск, 2001.
129. Неважский И.М. Природопользование как наука и место этносоциальных природохозяйственных систем в ней // Вестник МГУ. Серия 5. География. – 1994. – № 3. – С. 24-30.
130. Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. – М., 1957. – 402 с.
131. Нейштадт М.И. Некоторые итоги изучения отложений голоцена // Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода. – М.: Наука, 1965. – С. 112–132.
132. Нейштадт М.И. О нижней границе голоцена // Палинология голоцена. – М.: Изд-во АН СССР, 1971. – С. 7–17.
133. Нейштадт М.И. Голоценовые процессы в Западной Сибири и возникновение в связи с этим проблемы // Изучение и освоение природной среды. – М., 1976. – С. 90-98.
134. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л., 1950. – С. 234.
135. О положении Уральского экспорта // Весь промышленный и торговый Урал. – Свердловск, 1927. – С. 157.
136. Осипов В.А. Социально-экономические проблемы управления природопользованием. Концептуальный аспект. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1999. – 248 с.
137. Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патриксев. – Екатеринбург, 2000. – 408 с.
138. Павлов П.Ю. Верхнепалеолитические стоянки и «кладбища мамонтов» на северо-востоке Европы // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. – Сыктывкар, 1995. – С. 37–39
139. Переведенцев Ю.П., Колобов Н.В., Верещагин М.А. Некоторые особенности статистической структуры приземного поля температуры воздуха над территорией Европейской части СССР, Западной Сибири, Казахстана // Проблемы комплексной географии. – Казань, 1985. – С. 88–89.
140. Петров К.М. Геоэкология. Основы природопользования. – СПб: СПбГУ, 1994. – 216 с.
141. Петрин В.Т. Первоначальное заселение Западно-Сибирской равнины // Сургут, Сибирь, Россия: Тезисы докладов конференции. – Екатеринбург, 1994. – С. 163–165.
142. Пои один А.А. Мезолитические рубящие орудия таежного Обь-Иртышья // Сургут, Сибирь, Россия: Тез. докл. конф. – Екатеринбург, 1994. – С. 176–193.
143. Погодин А.А. К проблеме изучения первоначального заселения севера Западной Сибири // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард, 2000. – Вып. 1. – С. 68-74.
144. Поздеев В.Б. Становление и современное состояние геоэкологии. – Смоленск: Маджента, 2004. – 324 с.
145. Пьявченко Н.И. К изучению палеогеографии севера Западной Сибири в голоцене // Палинология голоцена. – М.: АН СССР, 1971. – С. 139–157.
146. Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // ТГИМ, 1956. – Вып. 29. – С. 23–24.
147. Реймерс Н.Ф. Природопользование. Словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 639 с.
148. Реймерс Н.Ф. Экология (теория, законы, правила, принципы и гипотезы) – М.: Россия Молодая, 1994. – 367 с.
149. Роланд Н., Синк-Марс Ж. Освоение человеком Северной Евразии: Палеолитические вехи // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 9-14 сентября 2002 г. – Ханты-Мансийск. Екатеринбург, «Академкнига», 2002. – С. 35–36.
150. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
151. Рянский Ф.Н. И экология, и экономика. – Благовещенск, 1990. – С. 6.
152. Рянский Ф.Н. Фрактальная теория пространственно-временных размерностей. – Биробиджан, ИКАРП ДВО РАН, 1992. – 52 с.
153. Рянский Ф.Н. Эколого-экономическое районирование в регионе. – Владивосток, 1993. – С. 54.
154. Рянский Ф.Н., Середовских Б.А. Введение в историческую географию Среднего Приобья // Западная Сибирь: история и современность: Краевед. зап. / Сост. А.Ф. Семенова. – Тюмень, 2005. – Вып. VII. – С. 298–313.
155. Середовских Б.А. К вопросу о путях первоначального заселения восточной части Нижневартовского района // Эколого-географические проблемы природопользования нефтегазовых регионов: Теория, методы, практика. Доклады III Международной научно-практической конференции (Нижневартовск, 25–27 октября 2006 г.) / Отв. ред. Ф.Н. Рянский, О.Ю. Вавер. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2006. – С. 68–70.

156. Середовских Б.А., Ряиский Ф.Н., Чибиряк В.Э. Ландшафтно-экологический анализ приуроченности местоположения древних поселений в Среднем Приобье // *Материалы окружной научно-практической конференции «VI Знаменские чтения»* (Сургут, 24 марта 2007). – Сургут: Изд-во Сургут. гос.пед. ун-та, 2007. – С. 143–147.
157. Середовских Б.А., Ряиский Ф.Н. Географоплагенные факторы соционисторического развития в Среднеобском регионе за историческое время // *Западная Сибирь: история и современность: Краевед. зап. (Электронный ресурс)* / Сост. Е.К. Компанец. – Нижневартовск, 2009. – Вып. X.
158. Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири // *Археология СССР: Мезолит СССР*. – М., 1989. – С. 136–137.
159. Сериков Ю.Б. Первобытная техника, хозяйство и быт мезолитического населения Среднего Зауралья // *Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье*. – Екатеринбург, 1993. – С. 22.
160. Сериков Ю.Б. О первоначальном заселении Северного Зауралья (по материалам палеолитических местонахождений р. Сосьва) // *Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск*. – Екатеринбург, «Академкнига», 2002. – С. 306.
161. Смирнов Н.Г., Кузьмина Е.А. Динамика экосистем Южного Зауралья в голоцене // *Археология Урала и Западной Сибири: Сб. науч. тр.* – Екатеринбург, 2005. – С. 23–34.
162. Соколова З.П. Хозяйственно-культурные типы и поселения обских угров // *Материалы к серии «Народы и культуры»*. Вып. VII: Обские угры (ханты и манси). – М., 1991. – С. 51.
163. Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. – Новосибирск: Наука, 1978. – 319 с.
164. Старков В.Ф. Хронология неолита лесного Зауралья // *КСИА*. Вып. 153. – 1980. – С. 90–92.
165. Стоколос В.С. Вопросы этногенеза Северного Приуралья // *Древности Ямала*. Вып. I. – Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. – С. 6–24.
166. Сукачев В.Н. К вопросу об изменении климата и растительности на севвере Сибири в послетретичное время // *Метеорологический вестник*. – 1922. – № 1–4. – С. 5–21.
167. Токарев С. А. Этнография народов СССР. – М., 1958.
168. Томилов Н.А. Проблемы этнической истории: (по материалам Западной Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – 222 с.
169. Туров С.В. Природопользование русских старожилов Западной Сибири (XVII – первая половина XIX века): очерки этнической экологии. – Екатеринбург, 2007. – 184 с.
170. Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2000. – 367 с.
171. Федорова Е.Г. К вопросу происхождения скотоводства у обских угров // *Приобье глазами археологов и этнографов: Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области»*. – Томск, 1999. – С. 140–147.
172. Федорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // *Древности Ямала*. – Екатеринбург; Салехард, 2000. – Вып. 1. – С. 63.
173. Хлобыстин Л.П. О древнем заселении Арктики // *Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР*. – 1973. – № 136. – С. 11–16.
174. Хлобыстин Л.П. Первоначальное заселение Евразийского Заполярья // *XI Конгресс INQUA (ИНКВА – Международный союз по изучению четвертичного периода): Тез. докл.* – М., 1982. – С. 286–288.
175. Хлобыстин А.П. Находки близ г. Салехарда // *Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР*. – 1987. – № 183. – С. 108–111.
176. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 197 с.
177. Хотинский Н.А., Волкова В.С., Левина Т.П. и др. Хронология, периодизация и палеогеография голоцена Западной Сибири // *Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири: Матер. IV Западносибирского археологического совещ.* – Томск, 1979. – С. 10–12.
178. Хотинский Н.А. Следы прошлого ведут в будущее. – М., 1981.
179. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата // *Тезисы и докл. к X конгрессу INQUA (ИНКВА – Международный союз по изучению четвертичного периода)*. – М., 1982. – С. 200.
180. Хотинский Н.А. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена. – М., 1982. – С. 142–148.
181. Хотинский Н.А., Савина С.С. Палеоклиматические схемы территории СССР в бореальном, атлантическом и суббореальном периодах голоцена // *Изв. АН СССР. Сер. географии*. – 1985. – № 4. – С. 18–35.
182. Чернецов В.Н. Быт хангов и манси по рисункам XIX в. // *СМАЭ*. 1949. Т. X. – С. 43–45.
183. Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы // *Тезисы докладов и выступлений по методологии этногенетических исследований*. – М., 1951. – С. 25.
184. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – М., 1953. – № 35. – С. 17–66.

185. Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – М., 1953. – № 35. – С. 221–241.
186. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // *По следам древних культур: От Волги до Тихого океана*. – М., 1954. – С. 163–192.
187. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в 1-м тысячелетии нашей эры // *МИА*. – 1957. – № 58. – С. 213.
188. Чернецов В.Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // *Материалы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук*. – М., 1964. – С. 12–13.
189. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // *САИ*. В4-12(2). – М., 1971. – С. 70.
190. Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // *Проблемы археологии Урала и Сибири*. – М., 1973. – С. 12–13.
191. *Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии*. – М.: Советская энциклопедия, 1980 – 703 с.
192. Чибилев А.А. Введение в геоэкологию (эколого-географические аспекты природопользования). – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. ISBN 5-7691-0783-9.
193. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: кулайская культура. – Томск, 1984. – С. 134
194. Шатилов М.Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. – Тюмень, 2000. – 175 с.
195. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). – М., 1980. – 232 с.
196. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // *Записки географического общества*. – М., 1957. Т. 16. – 337 с.
197. Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. – Новосибирск, 1988. – С. 20–22.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

- 1 – Старый Катыйш, 2 – Волванча, 3 – Ильичевка, 4 – Ленино, 5 – Солянка, 6 – Барсова Гора,
7 – Кирьяс, 8 – Мега, 9 – Соснина, 10 – Аганский Увал, 11 – Варьеган, 12 – Большеитархово,
13 – Большая Лосиная, 14 – Глубокий Сабун, 15 – Корлики, 16 – Вах

Рис. 1. Карта района исследования

Сартаинское оледенение
уртамское колпашевское марьяльское аллерейское
похолодание потепление стадия потепления

Последниковье
Рисинский голоцен

Приложение 2

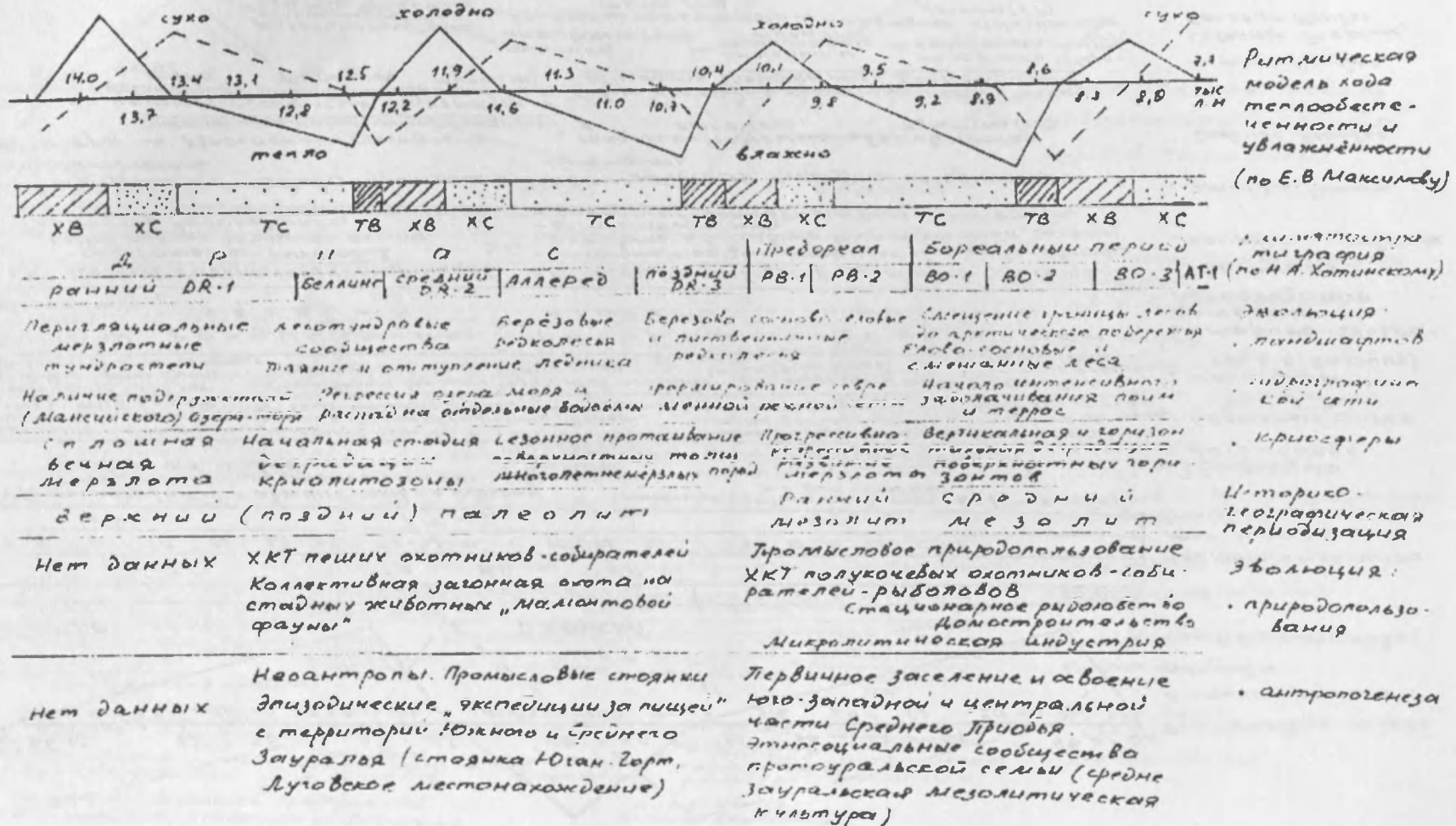

Рис. 2. Соприженный анализ коэволюции человека и природной среды в конце позднего плейстоцена – раннем голоцене

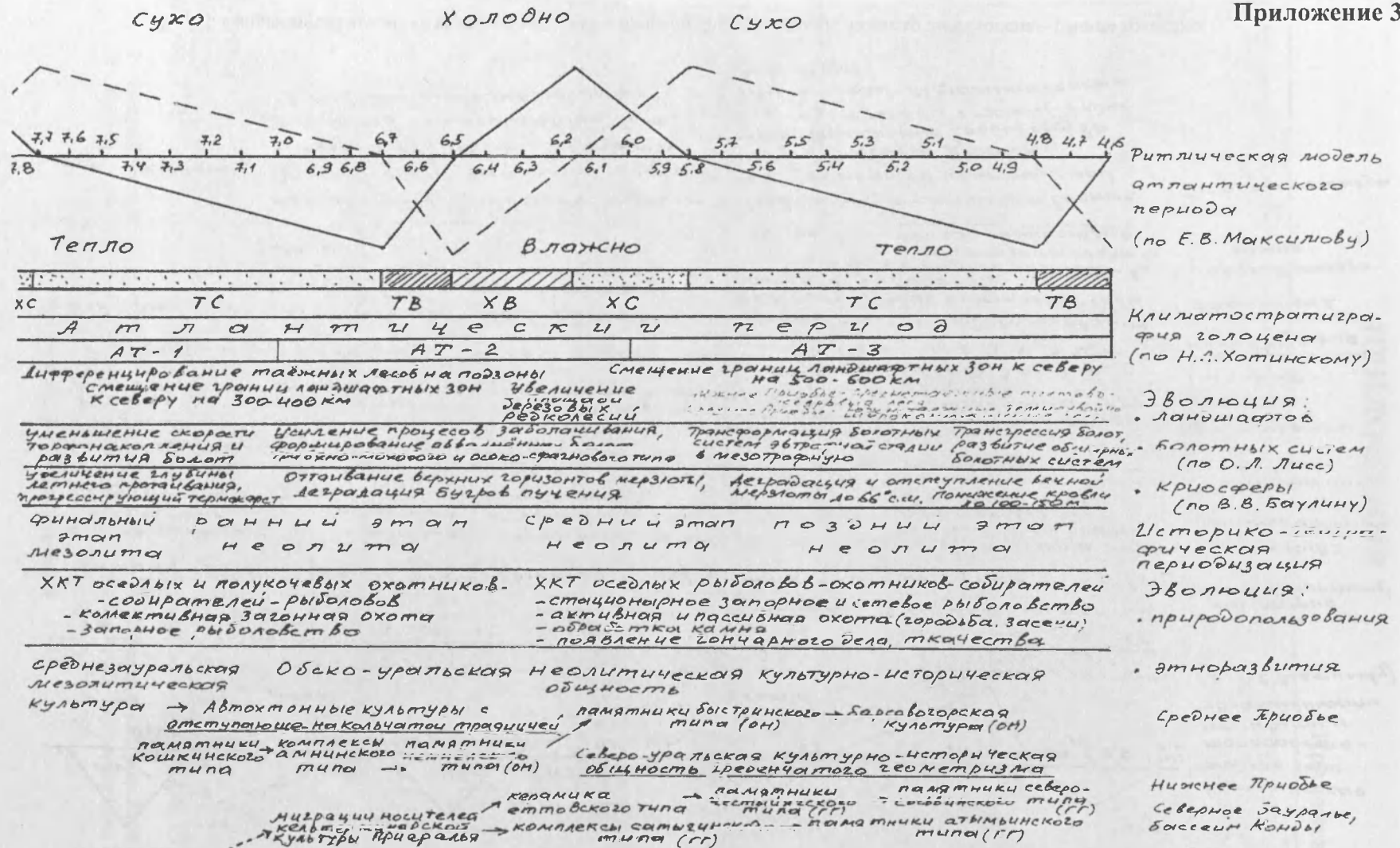
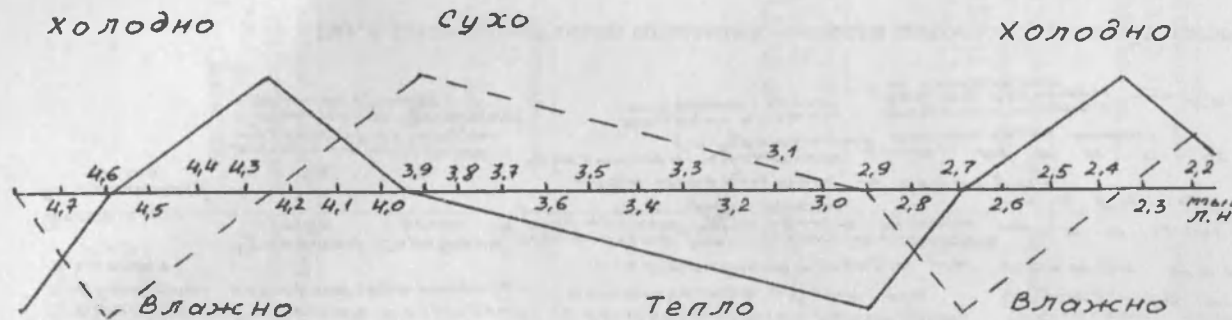

Рис. 3. Сопряженный анализ коэволюции человека и природной среды в атлантическом периоде

Ритмическая модель суббореального периода (по Е.В. Максимова)

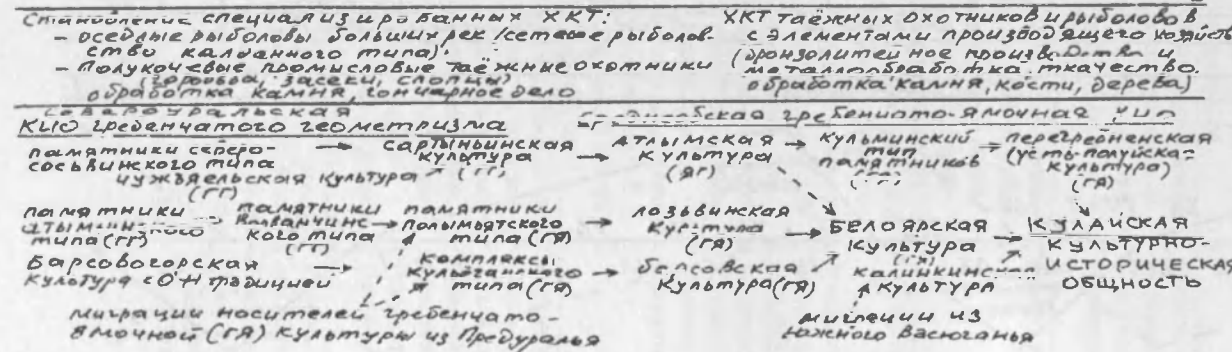
ТВ	ХВ	ХС	ТС	ТВ	ХВ	ХС
С У Б Б О Р Е А Л Ь Н Ы Й П Е Р И О Д						
АТ-3	SB-1	SB-2	SB-3	SA-1		
Отступление северной границы леса на 100-150 км	Доминирование сосново-кедровых лесов (Нижнее Приобье) и сосново-березовый с примесью калды	Продвижение границы леса к северу на 100-150 км	Смещение ландшафта южных таёжных типов к югу	Смещение ландшафта южных таёжных типов к югу		
Сокращение площади темнохвойных лесов в развитии лесотундровых сообществ	Уменьшение скорости лимниного прироста тарфа и развитие болот	Развитие выуклых олиготрофных болот озерава-градва-мачажинного типа	Развитие выуклых олиготрофных болот озерава-градва-мачажинного типа	Развитие выуклых олиготрофных болот озерава-градва-мачажинного типа		
Повторное эвклистическое промерзание тарфанчиков, грядва и ранне мачажинского парва	Приостановка деградации вечной мерзлоты	Продвижение экстремов формирования многолетних грядва лучения	Продвижение экстремов формирования многолетних грядва лучения	Продвижение экстремов формирования многолетних грядва лучения		

Климатостратиграфия голоцена (по Н.А. Хотинскому)

- Эволюция:
- ландшафтов
 - болотных систем (по О.Л. Лисс)
 - криосферы (по В.В. Баулину)

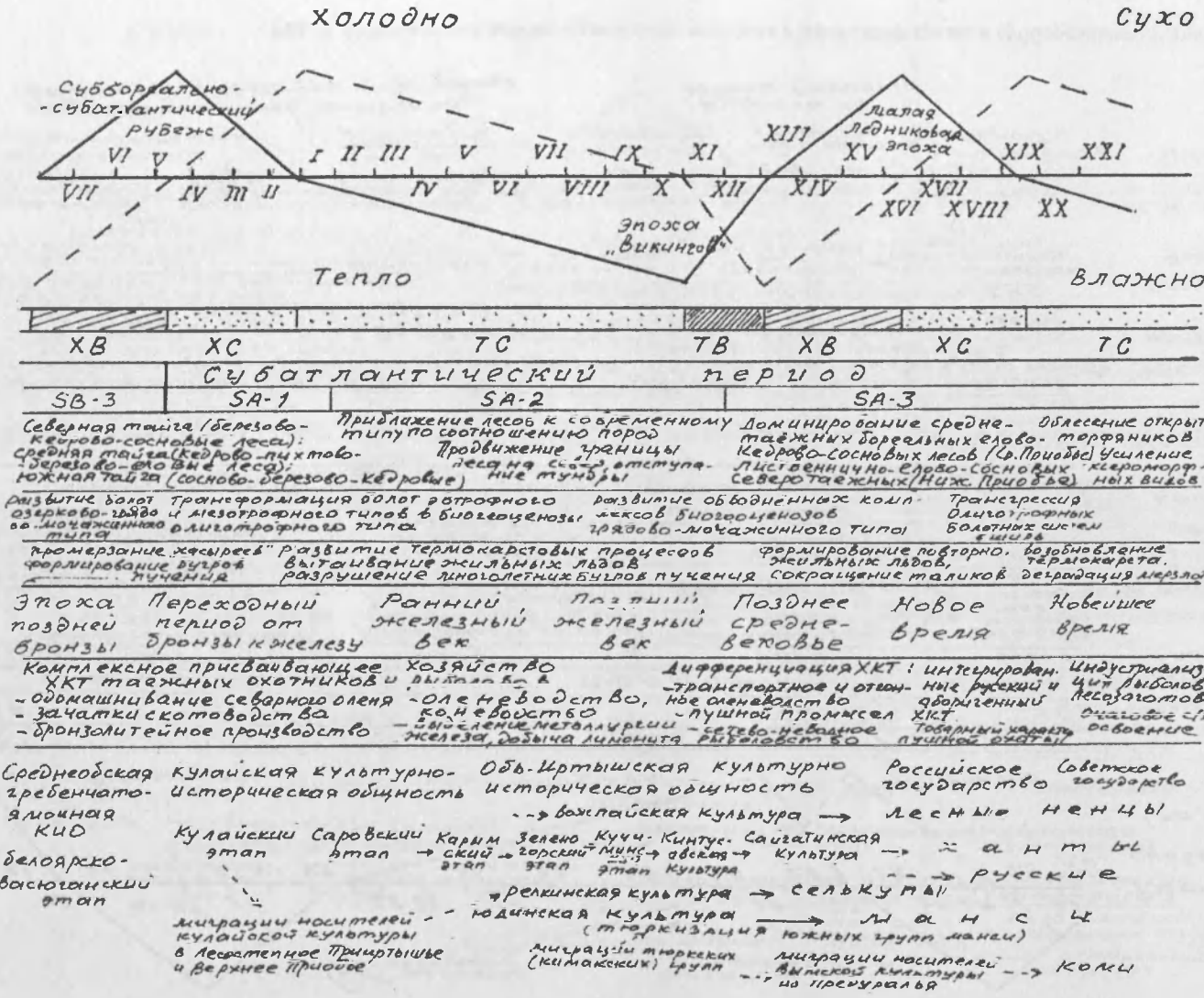
э н е о л и т б р о н з о в ы й в е к

Историко-географическая периодизация

- Эволюция:
- природопользования
 - этноразвития
 - Нижнее Приобье
 - Бассейн Конды, Северное Зауралье
 - Среднее Приобье

Рис. 4. Сопряженный анализ коэволюции человека и природной среды в суббореальном периоде

Ритмическая модель субатлантического периода (по Е. В. Максимова)

Климатостратиграфия голоцена (по Н. А. Хотинскому)

- Эволюция:
- ландшафтов
 - болотных систем (по О. Л. Лисс)
 - криосферы (по Баулину В. В.)

Историко-географическая периодизация

- Эволюция:
- природопользования

- этноразвития
- Нижнее Приобье
- Среднее Приобье
- Бассейн Конды, Северное Зауралье

Рис. 5. Сопреженный анализ коэволюции человека и природной среды в субатлантическом периоде

50

Этапы этноразвития и направления миграций в Среднеобском регионе

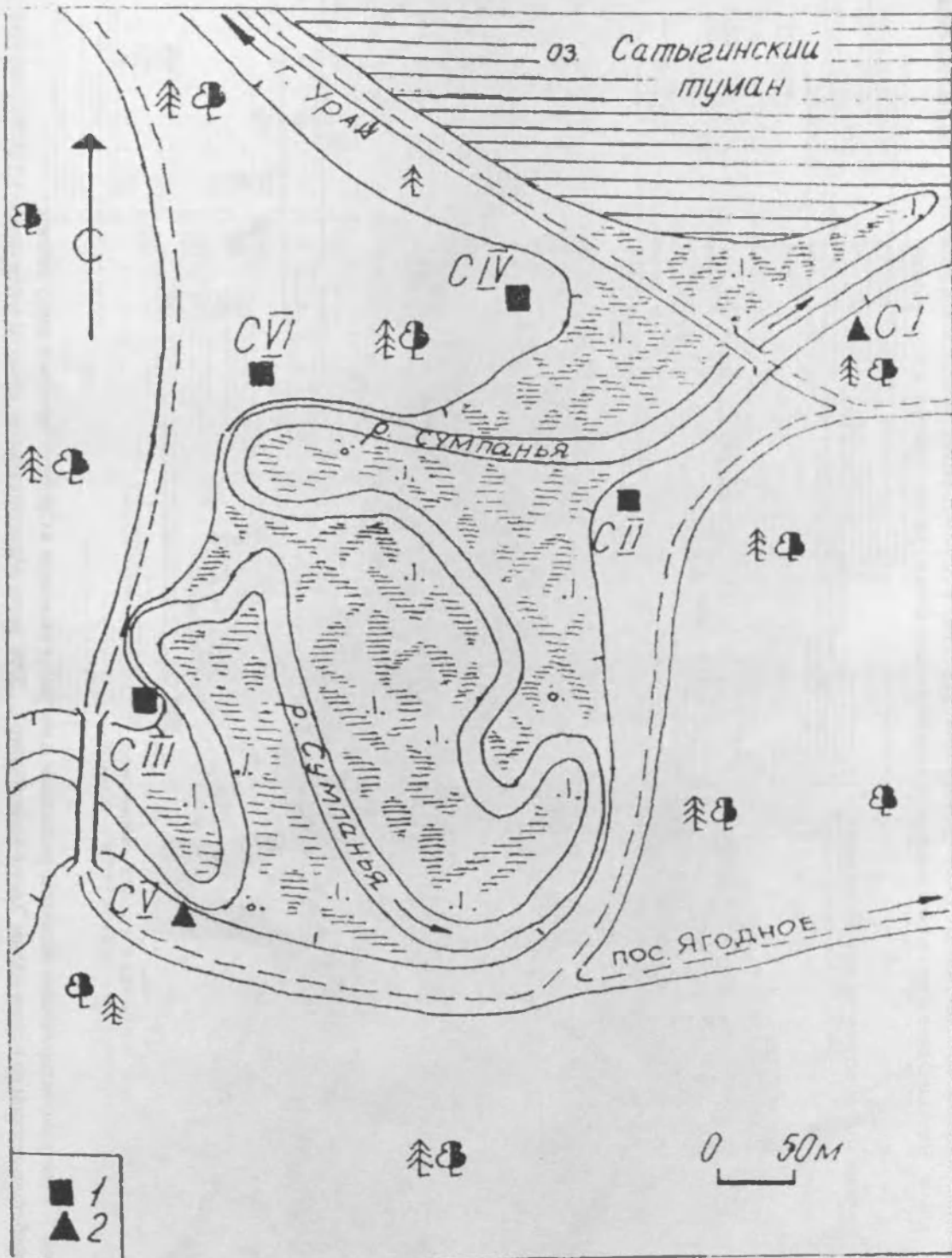
Климатический период, время	Эпоха	Климатические изменения	Характер миграций и районы освоения	Вектора направлений миграций
Древний голоцен. Поздний дриас. 12- 10,3 тыс. л.н.	Поздний палеолит.	Аллередское потепление	Неоантропы стоянка Юган- Горт IV (Нижнее Приобье), Лутовское местонахождение (Среднее Приобье).	Южное и юго-западное: из Южного и Среднего Зауралья
Бореальный (BO-1, 2, 3) 9,3-8,0 тыс. л.н.	Средний мезолит.	Бореальный термический максимум.	Заселение западной и центральной части региона (бассейн Конды, Средней Оби)	Южное и юго-восточное: Казахстан, Алтай
Атлантический (AT-2, 3) 7,0-4,6 тыс. л.н.	Поздний неолит.	Климатический оптимум голоцена	Миграции племен кельтеминарской культуры (бассейны Конды, Сев. Сосьвы)	Южное: из Приаралья и Восточного Прикаспия.
Средний голоцен. Суббореальный (SB-1) 4,6-4,2 тыс. л.н.	Ранний энеолит.	Раннесуббореальное похолодание.	Миграции прото-самодийских общностей – в подтаежное Прииртышье, протоугорских – в Среднее и Нижнее Приобье.	Север - юг
Суббореальный (SB-2) 4,2-3,2 тыс. л.н.	Поздний энеолит – эпоха ранней бронзы.	Среднесуббореальное потепление климата. Экстремум ксеротермической фазы голоцена.	Пик миграций протокетского населения самусьской культуры в лесостепное Приишимье. Сдвиг ареала ирсамодийского населения с Г-Я традицией вглубь таежной зоны.	Восточное: из Верхнего Приобья, юго-западное: из Среднего Приобья и Прииртышья
Суббореальный (SB-3) 3,2-2,5 тыс. л.н.	Период расцвета эпохи бронзы.	Переход через гигротермическую фазу. Дальнейшее потепление и усиление гумидности климата.	Миграции в лесостепную зону андроновских этносоциальных групп. Массовые миграции населения атлымской культуры с севера.	Западное: из Волго-Уральского междуречья Северное: из Нижнего Приобья
Поздний голоцен. Субатлантический (SA-1) 2,5-1,8 тыс. л.н.	Переход к раннему железному веку	Переход через гигрокриотическую фазу, похолодание и усиление влажности.	Массовые миграции кулайского населения в лесостепную и степную зоны Верхнего Приобья и Прииртышья.	Северо-западное и северное: из Нижнего и Среднего Приобья

Субатлантический (SA-2) 1,8–1,2 тыс. л.н.	Ранний железный век.	Ксеротермическая фаза, теплый сухой климат, усыхание степей	Возвратные передвижения кулайских племен, расширение ареала кулайской культуры в таежной зоне.	Юго-восточное: из Верхнего Приобья и Васюганья
Субатлантический (SA-2) 1,2–0,7 тыс. л.н.	Поздний железный век (раннее средневековье)	«Малый климатический оптимум» субатлантикума: «потепление эпохи викингов»	Вытеснение тюркскими племенами угров и самодийцев из лесостепей. Заселение ненцами тундры. Проникновение в регион в населения вымской культуры (предков коми-зырян).	Юго-восточное: из Верхнего Приобья Западное: из Предуралья
Субатлантический (SA-3) 0,7–0,410 тыс.л.н.	Позднее средневековье	Начало «Малой ледниковой эпохи»: холодный и влажный климат	Смещение ареалов проживания манси (на Сосьву, Конду), ханты (к северу и востоку от Оби), ненцев (тундра, верховья таежных рек).	Западное: из Среднего Зауралья
Субатлантический (SA-3) 0,410–0,150 тыс.л.н.	Эпоха российской государственности.	Ядро Малой ледниковой эпохи	Русская колонизация. Миграции обских угров на север (Нижнее Приобье) и восток (бассейн Ваха). Вытеснение селькупов в бассейн Таза	Юго-западное: из Среднего Зауралья и Нижнего Приобья
Поздний голоцен. Субатлантический (SA-3) вторая половина XIX века	Эпоха послереформенного капитализма	Нисходящая фаза «Малой ледниковой эпохи	Русская крестьянская колонизация речных долин. Переселение коми-зырян в бассейн Северной Сосьвы, манси - в низовья Оби	Западное: из Предуралья
Субатлантический (SA-3) 20–50-е годы XX века	Эпоха советской государственности	«Потепление Арктики, общий тренд роста теплообеспеченности и аридизации	Насильственные миграции спецпереселенцев (бассейны Оби, Иртыша, Конды, Северной Сосьвы).	Юго-западное: с Урала и Зауралья

Этапы ретронриродоользования в Среднем Приобье

Этапы, время	Субъекты природо-пользования	Осваиваемые территории и формы расселения	Основные формы хозяйствования, ХКТ
Поздний палеолит. 12–10,3 тыс л.н.	Неоантропы	Точечные места промысловых стоянок (Юган-Горт, Луговское)	Промысловое ПП (загонная охота на стадных животных «мамонтовой фауны»). ХКТ пеших охотников-собирателей.
Средний мезолит. 10,3–8,0 тыс. л.н.	Аборигенное население среднеобской мезолитической культуры	Локальные сезонные поселения по берегам проточных озер и речек (бассейны Конды, Сосьвы)	Промысловое ПП (коллективная загонная охота на копытных, заборное рыболовство). ХКТ полукочевых охотников-собирателей-рыболовов.
Неолит. 8,0–4,6 тыс. л.н.	Протоугросамодийское население обско-уральской неолитической этнокультурной общности	Локальные ареалы стационарных и сезонных поселений в пределах первой надпойменной террасы крупных рек (Конды, Сев.Сосьвы, Казыма, Ваха)	Комплексное присваивающее хозяйство (специализированное заборное и сетевое рыболовство с подчиненной ролью охоты на крупных копытных и дичь). ХКТ оседлых рыболовов-охотников-собирателей.
Ранний энеолит. 4,6–4,2 тыс. л.н.	Население сумпаньинской, сатыгинской, барсовогорской и др. энеолитических культур	Локальные ареалы стационарных и сезонных поселений на открытых береговых террасах и мысах больших рек (правобережье Оби, Агана, Салыма, Мал.Сосьвы)	Становление специализированных ХКТ: оседлые рыболовы (бассейн Конды); полукочевые промысловые охотники-рыболовы (таежное Среднее Приобье); кочевые охотники на северного оленя (Нижнее Приобье)
Поздний энеолит – эпоха ранней бронзы. 4,2–3,2 тыс. л.н.	Население нолымьятской, амнинской, северо-сосьвинской, сартыньинской культур	Широкое освоение побережий крупных рек (Оби, Иртыша и их главных притоков).	Сбалансированное охотничье-рыболо-вческое хозяйство. Интенсификация промыслов (сетевое рыболовство калданного типа, горюдьба, засеки). Обособление ХКТ рыболовов больших рек, охотников и рыболовов тайги
Период расцвета эпохи бронзы. 3,2–2,5 тыс.л.н.	Население атлымской, лозьвинской, кульминской, барсовской культур	Густая сеть небольших поселений по террасам малых и средних рек, сорах, крупным озерам	Появление элементов производящего хозяйства в рамках ХКТ таежных охотников и рыболовов (гончарное дело, обработка камня, кости и дерева, бронзолитейное производство и металлообработка).
Переход к раннему железному веку 2,5–1,8 тыс.л.н.	Население Обь-Иртышской (кулайской) культурно-исторической общности	Резкое увеличение всех типов поселений: городищ, селищ, стоянок. Размещение поселений в верхнем и среднем течении притоков, а также в глубине леса, на гривах.	Комплексное присваивающее хозяйство с появлением зачатков скотоводства, одомашнивание северного оленя. Товарный характер пушной охоты. ХКТ таежных охотников и рыболовов.
Ранний железный век. 1,8–1,2 тыс. л.н.	Население саровской (позднекулайской), карымской и зеленогорской культур	Распространение городищ, как в прибрежных, так и в глубинно-таежных районах. Введение в хозяйственный оборот сосновых боров - беломошников на надпойменных террасах	Присваивающее хозяйство (охота, рыболовство, собирательство) с элементами производящего (коневодство, оленеводство). Становление местной металлургии (добыча лимонита, выделение металлургии в самостоятельную отрасль).

Поздний железный век (раннее средневековье) 1,2–0,7 тыс. л.н.	Угро-самодийское население кучиминской, вожпайской и кинтусовской культур	Агломерационная форма расселения: укрепленные городища на мысах и гривах с прилегающими селищами. Дифференциация поселений по критерию хозяйственной направленности	Резкий рост охотничьего промысла (пушная охота). Сетевое и запорное рыболовство; распространение усложненных сетевых ловушек (типа колыдана). Дифференциация ХКТ: глубинно-таежный (ханты верховьев притоков Оби): запорно-сетевое рыболовство глубинно-таежный пушной промысел, таежное оленеводство; Приречно-таежный ХКТ (ханты предпойменных районов Оби): неводно-запорное рыболовство, пушной промысел, транспортное коневодство и собаководство; таежный предуральский тип (северные манси и ханты левобережья Оби, коми-зыряне): горно-таежное отгонное оленеводство, предгорная охота; южнотаежный (южные ханты, русские): промыслы, животноводство, транспортное коневодство, товарное собирательство, элементы земледелия;
Позднее средневековье XIV – конец XVI вв.	Ханты, манси, Лесные ненцы, селькупы	Распространение сети «городков» по бассейнам главных рек, преобладающих в глубине террас в связи с изменением баланса охоты.	
Эпоха российской государственности. Конец XVI – сер. XIX вв.	Ханты, манси, Лесные ненцы, Селькупы, Коми-зыряне, Русские	Возникновение русских городов-острогов и ямских сел. Создание ясачных волостей. Окончательное закрепление бассейнового типа расселения аборигенных этносов и субэтносов.	
Эпоха послереформенного капитализма втор. пол. XIX – нач. XX вв.	Ханты, манси, Лесные ненцы, Селькупы, Коми-зыряне, Русские старожилы	Русская крестьянская колонизация речных долин Оби, Иртыша, Конды, Сев.Сосьвы (введение в хозяйственный оборот пойменных лугов, сенокосов). Сужение ареала размещения аборигенного населения.	Товаризация пушной охоты и рыболовства. Формирование интегрированных ХКТ двух типов: аборигенный (рыболовство, охота мясопушного направления, транспортное оленеводство); русскостарожильческий (огородничество, рыболовство, охота, пушной промысел; разведение коров, свиней; коневодство).
Эпоха советской государственности 20–50-е годы XX века	Ханты, манси, Лесные ненцы, Селькупы, Коми-зыряне, Русские старожилы Спецпереселенцы	Освоение спецпереселенцами лесных массивов в бассейнах рек Оби, Иртыша, Конды, Северной Сосьвы и по долинам их крупных притоков. Создание сети трудпоселков и лесопунктов.	Индустриализация пушной охоты и рыболовства, развитие лесозаготовок, транспортное освоение территории. Сельскохозяйственное освоение (овощные, кормовые, зерновые культуры; мясо-молочное животноводство).

Условные обозначения: 1 – поселения, 2 – местонахождение.

Рис. 6. Схема размещения памятников сумпаньинской культуры (переход от неолита к бронзе) в устье р. Сумпанья (бассейн р. Конда) [по Л.Л. Косинской, 97]

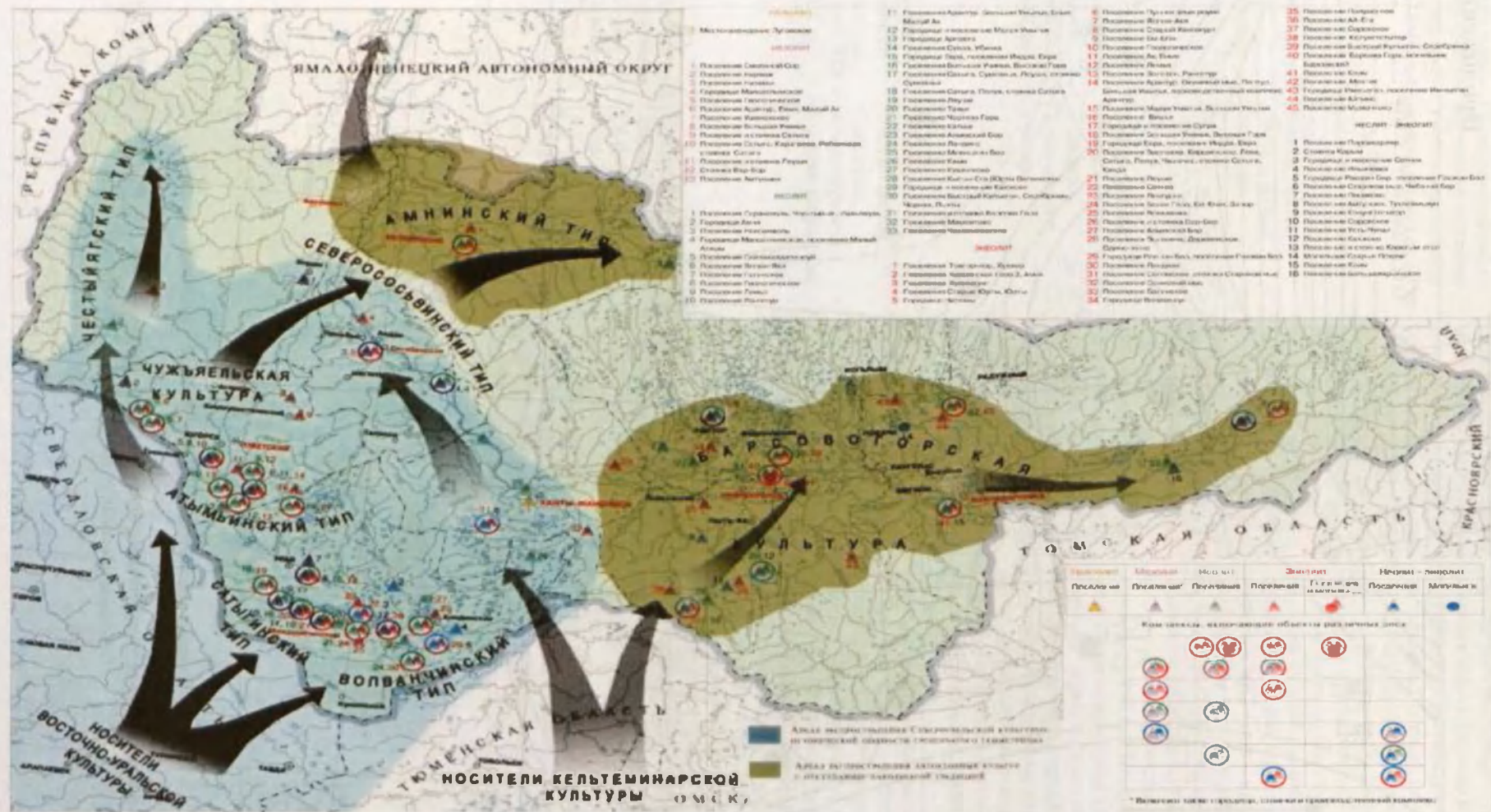

Рис. 7. Культурно-исторические общности, расселение и миграции населения в Среднем Приобье в эпоху неолита (разработано автором на основе «Атлас Ханты-Мансийского...», 2006: карта «Археологические объекты эпохи камня»)

Рис. 8. Этнокультурнохозяйственное расселение и миграции населения в Среднем Приобье в эпоху бронзы (разработано автором на основе «Атлас Ханты-Мансийского, 2006: карта «Археологические объекты эпохи бронзы»)

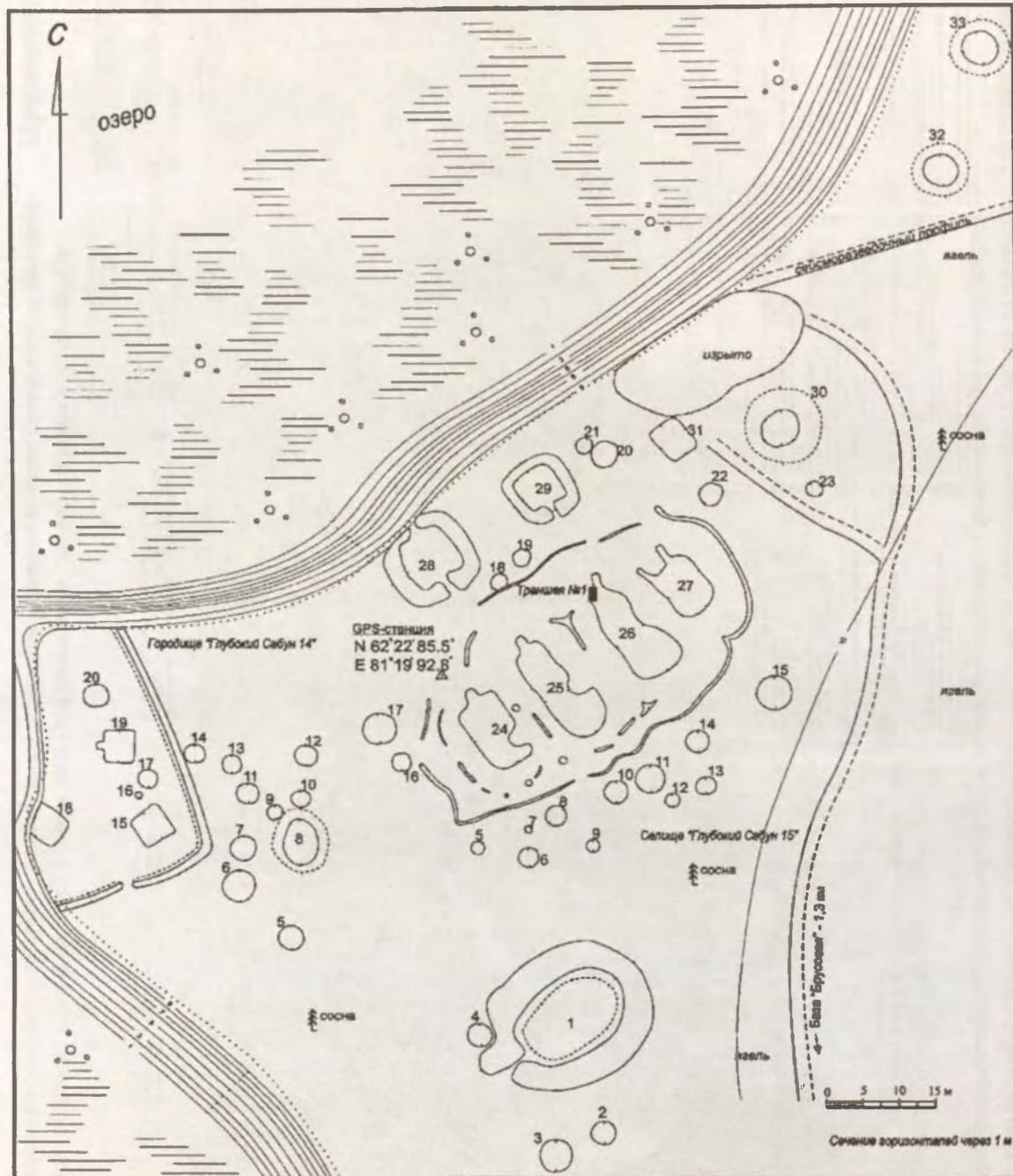
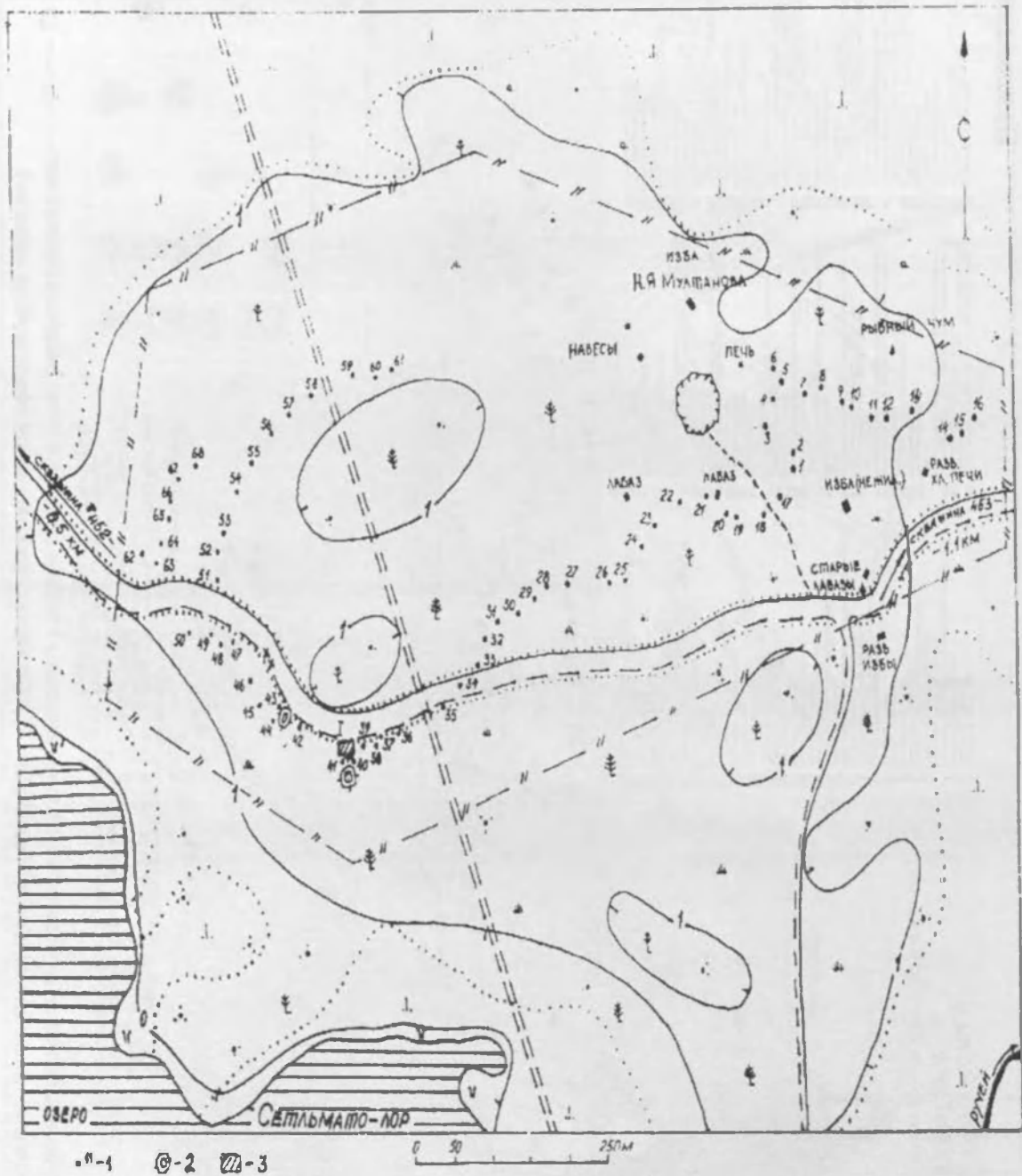

Рис. 9. Схема размещения поселений белоярской культуры
(переход к раннему железному веку) р. Глубокий Сабун (бассейн р. Вах)
(по материалам НПО «Северная археология»)

Рис. 10. Этнокультурнохозяйственное расселение и миграции населения в Среднем Приобье в эпоху раннего железного века (разработано автором на основе «Атлас Ханты-Мансийского..., 2006: карта «Археологические объекты эпохи металла»)

Условные обозначения: 1 – ловчие ямы, 2 – жилища, 3 – раскопы

Рис. 11. Схема размещения системы ловчих ям (эпоха железа).

Промысловый комплекс Сугмутен-ягуи III (бассейн р.Пякупур) [по Л.Л. Косинской, 97]

Рис. 12. Реконструкция расположения стационарных и временных поселений аборигенного населения Среднего Приобья: (бассейн р. Аган)
[по В.Н. Сподиной]

- УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
- Границы территории занимаемой ныне Ханты-Мансийским АО
 - Границы волостных территорий
- Волости:
1. Ляпинская
 2. Сельвинская
 3. Казьминская
 4. Обдурская
 5. Кукуватская
 6. Подгородная
 7. Чивашино-Кли
 8. Естыльская
 9. Шеркальская
 10. Малоатланская
 11. Ешарская
 12. Сузуровская
 13. Бельюорская
 14. Самаровская
 15. Нарыльская
 16. Назыльская
 17. Верхнедемьянская
 18. Мемчинокондинская
 19. Большекондинская
 20. Тарханская
 21. Тымлянская
 22. Сальминская
 23. Бальминская
 24. Селенская
 25. Юганская Подгородная
 26. Большеюганская
 27. Малоюганская
 28. Пымская
 29. Тром-Юганская
 30. Аганская
 31. Ваховская
 32. Луупокольская на р. Вах
 33. Луупокольская на р. Обь
 34. Салтыковская (Ларьятская) на р. Вах
 35. Салтыковская на р. Обь
 36. Парчино
 37. Тымская на р. Вах
 38. Тымская на р. Таз с притоками
 39. Карактинская на р. Вах
 40. Карактинская на р. Таз
 41. Ларьятская
 42. Васюганская
 43. Большекондинская
 44. Верх-Кюдинская
 45. Пельюльская и Верх-Пельюльская
 46. Таттинская и Лозьминская
 47. Ворынская, Гаринская и Сосыминская
 48. Чернальская
 49. Табаринская
 50. Кошутская
 51. Волости на р. Тура

Рис. 13. Расселение и миграции угро-самодийского населения в позднем средневековье (разработано автором на основе карты-схемы «Ясачные волости в XVIII веке» [77])

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Рис. 14. Этнокультурнохозяйственное расселение коренного и спецпереселенческого населения в Среднем Приобье в 30-е годы XX века (разработано автором)

Приложение 17

Этапы коэволюции природы и общества в Среднем Приобье в позднем плейстоцене-голоцене

Этап	Климатический период, фаза	Время	Ландшафтно – климатические изменения	Эволюция природных комплексов и их компонентов	Эволюция общества (историческая эпоха, антропо-, этно-, социогенез)	Эволюция природопользования и материальной культуры	Антропогенное изменение природной среды. Этапы техногенеза
1.	Поздний плейстоцен. Ранний дриас	14–12,0 тыс. л.н.	Арктический, резкоконтинентальный климат. Наличие «Мансийского» озера-моря. Формирование I–II надпойменных террас.	Перигляциальные мерзлотные тундростепи. «Мамонтовая» фауна.	<i>Поздний палеолит.</i> Косвенные факты присутствия неолитов. (Луговское местонахождение)	Кратковременные промысловые стоянки. Памятники типа «мест добычи животных и их утилизации», («кухонные ямы»)	Не выявлено. Антропогенез. <i>Естественное</i> состояние природной среды
2.	Поздний плейстоцен. Поздний дриас.	12–10,3 тыс. л.н.	Субарктический континентальный, холодный и сухой с потеплением в аллередском интерстадиале (11,85–10,8 тыс. л.н.). Регрессия Мансийского озера-моря,	Замена неригидиальных степей лесотундровыми сообществами (в аллеред-березовые редколесья). Миграция «мамонтовой» фауны на север.	<i>Поздний палеолит.</i> Неолиты. Стоянка Юган-Горт IV (Нижнее Приобье). Луговское местонахождение (Среднее Приобье). Кратковременные «экспедиции за пищей» с территорий Зауралья и Южной Сибири.	Промысловые стоянки. «Кухонные ямы». Кремневый инвентарь	Не выявлено. Антропогенез. <i>Естественное</i> состояние природной среды
3.	Ранний голоцен. Пребореальный период (PB-1,2)	10,3–9,3 тыс. л.н.	Медленное потепление и смягчение континентальности климата. Распад озера – моря на отдельные водоемы. Формирование современной речной сети.	Появление березово-сосново-еловых и лиственных редколесий. Формирование фауны современного вида.	<i>Ранний мезолит.</i> Первичное заселение и освоение юго-западной части Среднего Приобья (бассейн Конды). Общины, состоящие из отдельных нуклеарных семей.	Коллективная загонная охота на северного оленя. Регулярный характер рыболовства. Сезонные селища и кратковременные стоянки.	Очень слабое косвенное воздействие антропогенной деятельности.
4.	Бореальный (BO-1,2,3)	9,3–8,0 тыс. л.н.	Вторая фаза потепления. Бореальный термический максимум. Уменьшение континентальности. Теплый и сухой климат. Начало интенсивного заболачивания.	Смещение границы лесов до арктического побережья. Еловые, сосновые и смешанные леса.	<i>Средний мезолит.</i> Заселение западной и центральной части региона. Среднезауральская мезолитическая культура. Сложение этнических сообществ, входящих в круг протоуральской языковой семьи	Превращение рыболовства в самостоятельную отрасль. Микролитическая индустрия. Долговременные и сезонные стоянки по берегам озер и проток.	Точечные участки территории с первыми поселениями по берегам озер и проток.

5.	Средний голоцен. Атлантический (АТ-1)	8,0–7,0 тыс. л. н.	Усиление континентальности климата. Рост теплообеспеченности и годовой нормы осадков зимой. Наиболее высокие летние температуры.	Дифференциация таёжных лесов на подзоны. Продвижение березовых редколесий, северотаёжных лесов на север до 72° с.ш	Поздний мезолит - ранний неолит. Автохтонное развитие восточноуральской неолитической культуры на традициях среднезауральской и среднеобской мезолитических культур.	Становление комплексного присваивающего хозяйства со специализированным круглогодичным рыболовством и охотой.	Точечный техногенез. Слабое косвенное воздействие антропогенной деятельности (ловчие ямы, запоры малых рек).
6.	Атлантический (АТ-2,3)	7,0–4,5 тыс. л. н.	Климатический оптимум голоцена, теплый и влажный климат. Усиление болотообразовательного процесса. Средняя заболоченность территории - 15–20%	Максимальное распространение темнохвойных и широколиственных пород. Смещение границ ландшафтных зон к северу на 500–600 км.	Поздний неолит. Миграции племен кельтеминарской культуры из Приаралья и Восточного Прикаспия. Складывание культурно-исторической общности с гребенчатой традицией.	Первичная дифференциация хозяйственно-культурных типов: таежные охотники на лесных копытных (лесное Зауралье); оседлые охотники и рыболовы больших рек (Среднее Приобье)	Точечный техногенез. Слабое косвенное воздействие от антропогенной деятельности. <i>Естественное</i> состояние природной среды
7.	Средний голоцен. Суббореальный (SB-1)	4,6–4,2 тыс. л. н.	Раннесуббореальное похолодание, усиление влажности климата. Расширение площади многолетней мерзлоты. Саморазвитие болотных систем и заболачивание водораздельных равнин до 30–40%. Переход к холодной и сухой ксерокриотической фазе.	Отступление северной границы леса на 100–150 км. Замена лесов на Ямале лесотундровыми и тундровыми сообществами. Сокращение площади темнохвойных лесов. Смещение южной границы лесной зоны до 55° с.ш	Ранний энеолит. Распад протофинноугросамодийской общности. Миграции протокетских общностей в лесное Зауралье и Томское Приобье, протосамодийских – в подтаежное и лесостепное Прииртышье, протоугорских – в Среднее и Нижнее Приобье. Эволюция честыйягской и гужьяельской культуры (Среднее и Нижнее Приобье). Ассимиляция автохтонного населения восточноуральской неолитической культуры.	Становление специализированных хозяйственно-культурных типов: – оседлые рыболовы (бассейн Конды); – полукочевые промысловые охотники-рыболовы (таежное Среднее Приобье); – кочевые охотники на северного оленя (Нижнее Приобье).	Точечный техногенез. Распространение стационарного запорного и сетевого рыболовства. Интенсификация охотничьего промысла (горьдба, засеки). <i>Равновесное</i> состояние природной среды

8.	Средний голоцен. Суббореальный (SB-2)	4,2-3,2 тыс. л. н.	Среднесуббореальное потепление климата, рост теплообеспеченности, уменьшение количества осадков. Экстремум ксеротермической фазы голоцена. Развитие болот грядово-мочажинного типа. Формирование займиш и рямов.	Приближение лесов к современному типу по соотношению пород в древесном ярусе. Господство сосново-кедровых лесов в таёжной зоне, сосново-березовых в подтаёжной зоне.	Поздний энеолит – эпоха ранней бронзы. Начало локальной этнической расчлененности протоугорской этносоциальной общности на две историко-культурные области: андронидную – аятская и коптяковская культура (лесное Зауралье) и гребенчатую (сартыннинская, полымьягская, амнинская, барсовогорская) (Среднее Приобье). Сдвиг ареала прасамодийского населения с Г-Я традицией вглубь таёжной зоны.	Сбалансированное охотничье-рыболовецкое хозяйство. Обособление ХКТ рыболовов больших рек, охотников и рыболовов тайги от ХКТ скотоводов и земледельцев лесостепной и степной зоны. Смещение оседло-рыболовецкого уклада на север.	Точный техногенез. Развитие сетевых ловушек калданного типа. Широкое освоение крупных рек. <i>Равновесное</i> состояние природной среды
9.	Средний голоцен. Суббореальный (SB-3)	3,2-2,5 тыс. л. н.	Повышенная сухость климата, усыхание болот. Снижение линейного прироста торфонакопления. Понижение уровня воды в реках и озерах, заболачивание и зарастание проток. Переход через гигротермическую фазу. Дальнейшее потепление климата с последующим постепенным похолоданием к рубежу SB-3/SA-1. Увеличение гумидности климата.	Отступление на север многолетних бугров пучения. Продвижение границы леса вглубь тундры. Господство южнотайжных лесов с составом ели, кедра, лиственницы и сосны. Новая волна развития процесса болотообразования, наступление болот на речные террасы и водоразделы.	Период расцвета эпохи бронзы. Освоение прасамодийскими носителями Г-Я традиции северных районов вплоть до арктического побережья. Ассимиляция предшественников гребенчатой культуры и установление на севере таёжной зоны обширного Г-Я ареала, начало формирования локальных культур (барсовская, тазовская, атлымская и др.). Массовые миграции атлымского населения в IX–VIII вв. до н.э. из тайги в лесостепи.	Активизация рыболовства в низовьях Оби, Иртыша и их крупных притоков. Появление скотоводства и элементов земледелия в подзоне южной тайги. Смешение двух традиций – северной (охотничье-рыболовецкой) и южной (скотоводческой). Развитие гончарного дела, обработке камня, кости и дерева, бронзолитейного производства и металлообработки.	Локальный техногенез. Широкая сеть поселений по открытым берегам рек, сорам, крупным озерам. <i>Равновесное</i> состояние природной среды; скорость восстановительных процессов выше или равна темпам антропогенных нарушений

10	Поздний голоцен. Субатлантический (SA-1)	2,5–1,8 тыс. л.н.	Переход через мезомасштабную гигрокриотическую фазу (2,3–2,0 тыс. л.н.): похолодание и усиление влажности. Заблачивание обширных территорий низких водоразделов, формирование болот грядово-мочажинного типа. Постепенное нарастание сухости, переход через холодную и сухую ксерокриотическую фазу с незначительным потеплением на «рубеже р» (2,0–1,8 тыс. л.н.).	В северной тайге господствующими стали березово-кедрово-сосновые леса, в средней – ксдрово-пихтово-березовые, в южной – сосново-березово-кедровые с елью, в подтайге – березово-осиновые. Южная граница тасжной зоны сохранила стабильность.	<i>Белоярско-васюганский этап переходного периода к раннему железному веку.</i> Рост численности населения и массовые миграции таежного (кулайского) населения в лесостепную и степную зоны. Резкое увеличение количества поселений: городищ, селищ, стоянок. Этнокультурная консолидация и формирование кулайской культурно-исторической общности. Этносоциальное взаимодействие носителей белоярской, калининской и кулайской культур.	Усовершенствование промысловых орудий, вытеснение каменных и костяных орудий металлическими. Появление элементов производящего хозяйства в рамках ХКТ таежных охотников и рыболовов. Распространение скотоводства в тасжной зоне, одомашнивание северного оленя. Товарный характер пушной охоты.	Локальный техногенез. Появление крупных поселений из 30–40 домов, увеличение строительства укрепленных поселений (городищ). Освоение верхних и средних частей долин притоков крупных рек
11	Поздний голоцен. Субатлантический (SA-2)	1,8–1,2 тыс. л.н.	Ксеротермическая фаза, теплый сухой климат, (1,8–1,6 тыс. л.н.). Переход к промежуточной, сравнительно комфортной климатической фазе (1,6–1,4 тыс. л.н.). Короткопериодическая ксерокриотическая осцилляция конца раннего железного века (1,4–1,2 тыс. л.н.), холодный сухой климат	Снижение обводненности болот. Трансформация биогеоценозов низинных болот эвтрофного типа в биогеоценозы верховых болот сосново-кустарничково-сфагнового типа. Обеднение состава древесной растительности	<i>Ранний железный век.</i> Саровский этап (II–IV вв. н.э.) Расширение ареала кулайской культуры. Возникновение городищ и укрепленных поселений. Карымский этап (IV–V вв. н.э.) Рост численности населения, увеличение площади городищ, оформление уличной застройки. Зеленогорский этап (VI–VII вв. н.э.). Дифференциация поселений по хозяйственной направленности: постоянного проживания (зимние и летние), временные, сезонные.	Присваивающее хозяйство (охота, рыболовство, собиравательство) с элементами производящего (коневодство, оленеводство). Добыча лимонита, выделение металлургии из обыденных ремесел в самостоятельную отрасль (Рачевская металлургическая площадка). Широкое распространение железных изделий местного производства.	Локальный техногенез. Резкое увеличение количества укрепленных поселений-городищ как по берегам рек, так и в глубине леса. Введение в хозяйственный оборот сосновых боров – беломошников на надпойменных террасах

12	Поздний голоцен. Субатлантический (SA-2)	1,2-0,7 тыс. л. н.	«Малый климатический оптимум» субатлантического периода: максимальный тренд теплообеспеченности ксеротермической фазы («потепление эпохи викингов» -1,2-1,0 тыс.л.н.). Переход к гигротермической фазе (1,0-0,7 тыс.л.н.): дальнейшее возрастание влажности с параллельным снижением теплообеспеченности.	Доминирование средне-таёжных бореальных лесов, продвижение границы лесной зоны на север. Развитие термокарстовых процессов, разрушение многолетних бугров пучения. Усиление процесса болотообразования. Формирование плоско- и крупнобугристых торфяников, западинно-бугристого рельефа.	Поздний железный век (раннее средневековье) Кучиминский этап (VIII-IX вв.) Этническая дифференциация и консолидация этнокультурных общностей, формирование субэтносов ханты, манси, ненцев, селькупов. Кинтусовский этап (X-XIII вв.), период расцвета угросамодийских культур на основе эффективной многоотраслевой экономики. Проникновение в регион в XII-XIII вв. населения вымской культуры (предков коми-зырян)..	Включение в систему мировой пушной торговли. Сетевое и запорное рыболовство; усложненные сетевые ловушки (типа колыда-на). Появление очагов каминного типа (чувалов), наземных срубных домов с печами-каменками. Дегра-дация керамического производства. Развитие металлургического производства и металлообработки.	Локальный техногенез. Рост преобладающей роли охотничьего промысла (пушная охота), с явно выраженным товарным характером. <i>Равновесное</i> состояние природной среды; скорость восстановительных процессов выше или равна темпам антропогенных нарушений
13	Поздний голоцен. Субатлантический (SA-3)	0,7-0,4 тыс.л. н.	Начало «Малой ледниковой эпохи»: переход кривой теплообеспеченности в отрицательную область при максимуме увлажнения, холодный и влажный климат, амплитуда колебаний среднегодовой температуры в период с примерно 0,6 °С.	Увеличение экстремальных природных условий: наводнений, засух в теплые сезоны, ранних холодов осенью, суровых зим, возвратов холодов весной, продолжительных дождливых периодов	Позднее средневековье Сайгатинская культура; образование княжеств, городов; святилища, могильники. Переход к стадии «водной демократии». Попадание южных манси в вассальную зависимость от татарских ханств, северных ханты - от Новгородского княжества. Смещение ареалов проживания манси (на Сосьву и Конду), ханты (к северу и востоку от Оби), ненцев (тундра, верховья таежных рек).	Возрастание товарного характера пушной охоты. Медленное замещение товарной продукции местного производства импортом. Возрождение традиции строительства одноподомных поселений в глубине террас в связи с изменением баланса охоты	Локальный техногенез. Резкое увеличение промысла ценных пушных животных, возникновение сети «городков» по бассейнам главных рек

14	Поздний голоцен. Субатлантический (SA-3)	1580–1850-е годы	Ядро Малой ледниковой эпохи, усиление суровости зим, летних засух, ранних заморозков; понижение среднегодовой температуры в среднем на 1,2–2 °С. Вегетационный период короче современного не менее чем на три недели, за счет сокращения теплой (безморозной) части года.	Регулярные паводки на реках. Смещение границы многолетнемерзлых пород к югу, ниже современного положения. Последующее формирование вторножильных льдов, приостановка развития термокаста. Увеличение обводненности болотных систем..	<i>Эпоха российской государственности.</i> Острожно-ясачный характер русской колонизации. Строительство острогов (Сургут, Берёзов) и ямских слобод, образование уездов и ясачных волостей; массовая насильственная христианизация и миграции обских угров на север Нижнего Приобья и восток (бассейн Ваха); вытеснение селькупов на Таз;	Комплексное промысловое хозяйство с товарным характером пушной охоты. Интенсификация пушного промысла «ясачным населением» и русскими промышленниками. Развитие рыбного промышленного предпринимательства. Начало козволюции материальной культуры аборигенного и русского старожильческого населения.	Микрорегиональный техногенез. Хищническое истребление поголовья пушного зверя; истощение запасов соболя, бобра, белки. Сокращение рыбных запасов в результате широкого применения неводного запорного рыболовства и самострелов;
15	Поздний голоцен. Субатлантический (SA-3)	1850–1920-е годы	Нисходящая фаза «Малой ледниковой эпохи», переход кривой теплообеспеченности в положительную область ксеротермической фазы, очередное потепление климата и повышение среднегодовой температуры на 0,25 °С.	Уменьшение водности болот, залесение ранее открытых торфяников, иссушение верхних торфяных горизонтов. Изменения в составе растительности, свидетельствующие о начале смещения растительных зон, появлении лесостепных видов в составе таежных ландшафтов	<i>Эпоха послереформенного капитализма.</i> Русская крестьянская колонизация речных долин, появление русских сел и деревень; обрусение угорского населения, развитие пароходного сообщения с Тюменью и Томском; расцвет ярмарочной торговли, заготовка леса для речного транспорта и создание лесозаготовительных пристаней, формирование крупных местных купеческих капиталов.	Эволюция комплексного промыслового хозяйства, развитие производящих отраслей. Включение элементов русской культуры в традиционный быт; опыты по внедрению хлебопашества и картофелеводства; резкий подъем животноводства. Дальнейшая козволюция материальной культуры аборигенного и русского старожильческого населения.	Микрорегиональный техногенез, распространение лесных пожаров. Состояние природной среды в целом <i>равновесное</i> , но для отдельных видов фаунистических комплексов - <i>кризисное</i> .

16	Поздний голоцен. Субатлантический (SA-3)	20-50-е годы XI в. века	Разнонаправленные короткопериодические осцилляции климатических условий («погрепление Арктики» в 30-40-х годах, похолодание 50-60-х гг.) на фоне общего тренда роста теплообеспеченности и аридизации.	Сокращение времени ледостава в Обь-Иртышском бассейне. Деградация кровли мерзлых пород, возобновление термокарстового процесса.	<i>Эпоха советской государственности.</i> Новая экономическая политика; интегральные и туземные кооперативы, установление госконтроля за традиционным хозяйством Севера, начало индустриализации: рост числа спецпереселенцев; возникновение лесопромышленных поселений. Формирование промышленных центров, связанных транспортными системами рек Оби, Иртыша, Конды, Северной Сосьвы. Образование Остяко-Вогульского национального округа.	Раннеиндустриальная стадия: промышленная заготовка леса и рыбы. Создание леспромпхозов и рыбозаводов. Расширение посевных площадей, очаговое сельскохозяйственное освоение пойм Оби, Иртыша, Конды; развитие общественного животноводства. Создание коневодческих и молочно-варных ферм, машинно-тракторных станций.	Микрорегиональный техногенез. Неуклонное сокращение пушных ресурсов фауны. Начало интенсивного освоения новых земель за счет раскорчевки леса и простейшей мелиорации. Состояние природной среды в целом <i>равновесное</i> , но для территорий интенсивной лесозаготовки <i>кризисное</i> .
----	--	-------------------------	--	---	---	--	--

200-